

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО
«Тюменская область сегодня»

Иванов Леонид
Кириллович –
редактор,
автор проекта

№ 2 (63)

Тюмень
2024

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ЛУЦКИЙ	В Усть-Сабун и обратно	3
Валерий ЕРМОЛАЕВ	<i>Стихи</i>	25
Роберт ЯГАФАРОВ	Случайные встречи	29
Анжела БЕЦКО	<i>Стихи</i>	32
Виктор ХМЕЛЁВ	<i>Рассказы</i>	36
Мария БОЧКАРЁВА	<i>Стихи</i>	44
Мила РОМАНОВА	Картошка из Мартуни	48
Алексей СТЕПАНОВ	Два берега одного города	53
Наталья БОРОДКИНА	Рита	56

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий ОМЕЛЬЧУК	Отцовские долги	66
Леонид ИВАНОВ	Контактёр или святой чёрт	70
Николай БАШМАКОВ	Вернулся я на родину	74
Андрей ДРОБИНИН	Облава	80

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Александр СОРОКАЛЕТОВ	Вовка	95
-----------------------	-------------	----

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Сергей БОРОВСКИЙ	Сын Руси	102
Светлана РАДАЕВА	Маленький Дин	111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена КРЮКОВА	О книге Сергея Козлова «Сорок дней»	112
Тамара ЗУЕВА	Мансийский Мюнхгаузен	117
Хабиба ШАГБАНОВА	Библейские притчи Леонида Иванова	122

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Вера ШКОЛЬНАЯ	Самоделкин с кистью и мольбертом	127
---------------	--	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Галина МАНАЕВА	Тюмень Серебряного века. Часть 2	131
----------------	--	-----

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ	Маски нежелательной правды	138
Иван ЦУПРИКОВ	<i>Рассказы</i>	145

НАШИ ГОСТИ

Наталья ЛОСЕВА	Яблоки из чужого сада	153
Елена ЛУЧНЕВА	<i>Стихи</i>	158
Полина ГРОМОВА	<i>Рассказы</i>	160
Владимир ПАЛАГИН	<i>Стихи</i>	166
Сергей ИЛЬИЧЁВ	Начало	168
Любовь СТАРШИНОВА	<i>Стихи</i>	172
Сергей СТРУКОВ	Свечи, Дождь	174
Виктор КОРОЛЁВ	<i>Стихи</i>	176
Протоиерей Анатолий СИМОРА	Митрополит	178
Михаил ПЕТРОВ	Колка сахара	181
Нина СТРУЧКОВА	Родина нашего счастья	188

Коротко об авторах	192
--------------------	-------	-----

ПРОЗА

Сергей ЛУЦКИЙ

В УСТЬ-САБУН И ОБРАТНО

Рассказ

Тамаре снится, будто она утенок. Маленький, желтый, с писклявым голосом. Где-то рядом мать, но Тамара ее не видит, только знает, что она здесь. Откуда-то появляется чужая большая утка и начинает Тамару топить. Хватает сильным клювом за голову, окунает во враждебно темную воду, не дает дышать. Удушье и ужас охватывают Тамару, она барахтается, пытается вырваться и всплыть, но какие ее силы... Вместе с ужасом мысль: где мама, почему не отбивает, почему не прогонит страшную утку?! Тамара захлебывается, вода врывается в легкие, безысходность и смертная тоска.

Фу ты, блин!..

Женщина садится на постели, сердце стучит так, что того гляди проснется Сашка. Дурацкий сон! Вчера она заходила в музей, принимала у деда Камина хантыйские луки и стрелы, может, потому. Обычно угрюмый дед разговорился, вертел в руках особую стрелу с набалдашником впереди. Когда такую пускали, она прыгала по воде и напоминала несущегося к матери утенка. Утка бросалась навстречу и получала в грудь острие на набалдашнике. Дед Камин говорит, для уток это обычное дело, топить чужой выводок. Потому матери так бросаются. Разговоришься, когда от Тамары зависит, сколько дед получит за свои экспонаты.

Сквозь тюль на окне вовсю светит солнце, но Тамара смотрит на часы. В мае солнце не показатель, в два часа уже светло, практически начались белые ночи. Пять, рано. Тамара пробует заснуть еще, но не получается. Сон про утку, которая ее топит, не дает. Всё в нем так осязаемо, явственно, будто происходило на самом деле: жесткая хватка сильного клюва, упругость озерной воды, ужас... Нет, не заснет, надо подниматься.

В Тамаре килограммов девяносто, перебраться через Сашку она старается аккуратно. Но тот всё равно просыпается. Не открывая глаз, улыбается и пытается ухватить за бедра.

– Отстань.

Сашка открывает глаза и удивленно смотрит.

– Ты чего?..

– Настроения нет.

Сашка пожимает плечами. Хорошо выспавшийся, он выглядит сейчас особенно молодо. Сашка похож на киноартиста Михаила Кузнецова из старых фильмов, брюнет с голубыми глазами, был когда-то такой.

– Дело хозяйское.

И отворачивается к стенке. Обиделся. Но Тамаре сейчас всё равно. Вчера было, хватит, не двадцать лет. И собираться надо. К тому же сон этот дурацкий, к чему – не поймешь. Тамара в ночной рубашке принимается

ходить по дому, отыскивает Сашкину сумку с надписью Рита, прикидывает, что взять с собой.

Сейчас ездить в гости просто, подарки можно купить на месте, были бы деньги. Тамаре обижаться не приходится, зарплаты в администрации хорошие, недавно опять прибавили. Но лучше все-таки своими руками, уважительнее. Когда выяснилось, что дочь наконец-то забеременела, она заказала по почте шерсть, связала комбинезончик. Потом узи показало: двойня, мальчик и девочка, Тамара связала еще один. Хорошо бы из своей шерсти. Раньше в деревне держали овец, но собаки всех передавили. Тамара помнит, как на лето овец перевозили на остров, но лайки и туда добрались. Плавали как на охоту.

Женщина откидывает крышку в подпол, спускается по ступенькам. Тело под ночнушкой, будто в воду, окунается в стоялый холодный воздух – и сон про утку тут как тут. Тамара старается быстрее взять трехлитровую банку белых грибов, и скорей назад. Банку она завернет в детские комбинезоны, чтобы по дороге не разбить. Кстати будет, Наташка и зять вряд ли в прошлом году ходили за грибами. Всё мотались в Тюмень и обратно с этим искусственным оплодотворением. Хорошо хоть, результат есть, четыре года ничего у них не получалось. У зятя какие-то ленивые сперматозоиды.

– Оленину возьми. Я там разделал на куски, в морозилке лежит.

Сашка тоже встал, умывается на кухне под рукомойником. Он уже забыл про свою обиду, поглядывает на Тамару веселыми васильковыми глазами. У Сашки еще одна особенность. На следующий после выпивки день губы у него становятся пунцовые, будто подведены помадой. Вампир прямо.

– Прикинь, поехали на гусей, а вернулись с олешком!.. Интересно так получилось. Смотрим, прямо по курсу стадо переплывает, голов так двадцать...

Сашка никак не отойдет от своей охотничьей удачи, принимается в очередной раз рассказывать, как с моторки он и еще один мужик подстрелили дикого северного оленя. Он и вчера во время застолья в администрации только об этом говорил. По характеру Сашка легкий, общительный, многим нравится. Сам он не говорит, но Тамара догадывается, в их краях Сашка скрывается от алиментов.

– Загадку хочешь? – вдруг спрашивает он и заранее смеется. – Скажи, чем деревенская женщина отличается от городской? Прояви наблюдательность!..

Тамара отмахивается.

– Делать мне нечего.

С Сашкой хорошо, но беспокойно. Разница в возрасте все-таки чувствуется. Сашка несколько секунд выжидательно смотрит, потом сообщает:

– У деревенских на заднице след от ведра!..

Можно было бы принять за намек (а что, зимой приходится, удобства на улице), но Тамара знает, Сашка это от простоты, и смеется тоже. Интересно, почему он к ней прибился? Потому что она в администрации работает? Работала.

Пока собралась, позавтракали – начало девятого. Сашка ушел к себе в пожарку, а Тамара берет мобильник. Можно звонить Викторшне, та уже на работе.

– Начальник отделения почтовой связи... – заученным голосом начинает трубка.

Тамара смеется:

– Отставить!.. Как ты там? Голова бо-бо? Или похмелилась?

– Не говори! – голос у подруги становится разбитным. Чувствуется, на почте она одна, посетителей пока нет, рано. – Ты же знаешь, не умею я похмеляться, такое паскудство!.. А не помешало бы, ей-богу, не помешало!

– Значит, угодила?

– А то нет! И вино, и водка, и пиво... Давно никто так с работы не уходил, кое-кому ты нос утерла!

– Ну, пока только в отпуск.

– Так с последующим увольнением, не бойся, все соображают. Знают, что в няньки решила податься... Нет, Том, здорово было! Я не помню, кто еще так уходил, стол прямо ломился.

Тамара понимает, подруга хочет сказать ей приятное, но и на самом деле она не поскупилась. Все, что можно было купить в их деревенском магазине из выпивки и продуктов, купила. Был даже коньяк, специально в город заказывала. Тамара удовлетворенно улыбается, но сейчас важно другое. И она рассказывает про странный сон.

Викторовна какое-то время молчит, потом уточняет:

– Утка какого цвета была?

– Ну, дикая, какого они цвета – серая.

– А мать?

– Я ее не видела, только знаю, что рядом. Но чужую почему-то не прогоняет.

– Хорошо, я в сонник посмотрю, недавно выписала, – однако к ее проблеме подруга относится легкомысленно. То ли мечтательно, то ли с горечью говорит: – Эх, Тома, накрылся теперь наш Кисловодск медным тазом! А как хорошо там, какой парк прекрасный!.. Не пожалеешь?

Тамара соображает не сразу: почему накрылся?.. А, ей больше не предлагается санаторно-курортное лечение – всё, не бюджетница. В Кисловодске действительно хорошо, лучшее место на Кавминводах. С Викторовой они в прошлые годы побывали в Ессентуках, Пятигорске, Железноводске – компенсация за скудное северное лето, – но в Кисловодске лучше всего. Викторовна еще и романы крутила.

– А чего мне жалеть? Подкоплю, съездим.

– Ага, с пенсии!.. – иронизирует подруга. – Я, например, боюсь с работы уходить. Так, авторитет, зарплата, а на пенсии?.. Ты обратила внимание, как Лариска вчера смотрела на Сашку? Так и съела бы. Ты, Том, держи уши топориком, а то уведет. Она мимо чужого пройти не может.

Тамара смеется:

– Не уведет! Он брезгливый, а на Лариске пробы негде ставить. Полдеревни молочные братья.

– Не зарекайся, мужиков не угадаешь. На Сашку твоего многие поглядывают. Если б не подруга, я бы... Не бойсь, шутю!

Во время вчерашнего застолья в администрации Тамара не заметила, чтобы Лариска (раньше секретарь, сейчас, по-новому, старший специалист) ухлестывала за Сашкой. Под конец забралась на стол и начала танцевать, задирая юбку, это да, но и только. Можно было бы сделать замечание, но раз Конкина, начальница, молчит, то чего Тамаре соваться.

И смешно – с Ларискиной-то кирзовой физиономией на что-то рассчитывать. Однако Тамаре на время становится беспокойно. К Сашке она привыкла, уступать никому не хочет.

– Я за Сашку спокойна, – говорит она уверенным, даже безразличным голосом. И переводит разговор на то, ради чего, собственно, звонит: – Слушай, Маш, мне самой неудобно, да и не успею. Поговори с Полиной Николаевной насчет сна, пусть погадает. Она там как-то по свечке и блюдцу с водой. Говорят, всё точно. Ладно?

– Не вопрос! – щеголяет недавно появившимся в деревне словечком Викторовна. – А ты позванивай. Я знаю, что такое маленькие дети, с рук бы не спускала! Ты Серафимычу своему насчет билета звонила?

– Какой он мой...

Теперь позвонить бы Наташке и сказать, что сегодня прилетит, но Викторовна права, сначала надо решить вопрос с билетом, мало ли что. Следующий звонок – на аэроплощадку. Бывший муж солидно произносит:

– Вас слушают.

– Мне в Усть-Сабун сегодня надо.

Тамара не называет себя. Анатолий должен узнать по голосу. Как-никак вместе прожили почти двадцать лет, трех дочерей родили.

– Ну и что?

– А ничего, место оставь.

– В порядке живой очереди, – и Анатолий кладет трубку.

У Тамары раздуваются ноздри. Ну, козел, всегда любил повыпендриваться! Потомок сибирских казаков, видишь ли!..

– К дочери твоей, между прочим, лечу, к внукам! – говорит она, нажав кнопку повторного вызова. – Не понимаешь, что ли?!

– Не надо скандалить, ты теперь на общих основаниях. Пришла, заняла очередь, купила билет, если останется. Бронь администрации на тебя не распространяется, – и бывший муж опять кладет трубку.

Тамара плотно, до белизны сжимает губы. Умеет унижить! Вот скотина!.. Удивительно, как быстро всем стало известно, что она увольняется.

2

Тамара метиска, отец у нее ханты. Но об этом напоминают разве что скулы и слегка приподнятый к вискам разрез глаз. В остальном она в мать – белотелая, крупная, пропорционально сложенная. Та в пятидесятые приехала по вербовке в здешние края, работала сначала на рыбоучастке, потом устроилась ночной няней в интернат. Сама Тамара не помнит, но мать рассказывала, как в детстве отец смотрел на нее и качал головой: плохо, очень белая. Однажды на все деньги, полученные за соболиные шкурки, купил черного чая и велел Тамару купать каждый день в заварке, чтобы стала смуглой.

Отец вообще был занятный человек. В деревнях вдоль Реки до сих пор рассказывают историю о том, как один хант на своем обласе обогнал пароход «Антонин Зырянов». Это про Тамариного отца. Капитан «Зырянова» пожалел аборигена, окликнул через жестяной рупор, предложил подвезти. «Нет, мне, однохо, быстро ната», – якобы ответил хант. Капитан только засмеялся. И очень удивился, увидев ханта в деревне, куда «Антонин Зырянов» шел, – тот уже спал пьяный у мыр-лавки. Оказывается,

Натальин отец спрямлял себе путь, переносил легкий осиновый облас через перешейки, где Река делает большие петли. А петель у неспешной Реки с избытком. Отец и закончил жизнь по-особому. Не вышел из тайги весной, в конце сезона на соболя и белку. Что с ним случилось, так никто и не узнал.

В мать Тамара не только телом, но и характером. Спокойная, рассудительная. После восьмого класса пошла работать на звероферму и заочно поступила в техникум. Замуж вышла рано. Сначала с Анатолием жили так, потом расписались, когда родилась старшая дочь. Для их деревни это обычное дело. Многие парни вообще не женились, если до них у девушки никого не было. Дескать, если она никому не нужна, то мне зачем. В начале девяностых звероферму закрыли, и Тамара осталась без работы. Здесь и пригодилось то, что по паспорту она ханты. К тому же с техникумовским образованием.

Прежде малочисленная деревенская администрация в те годы стала стремительно разрастаться. Появилось с десятков различных должностей, в том числе и специалист по работе с коренным населением. Районный бюджет позволял – не все нефтяные деньги стали уходить наверх. Как затем оказалось, временно, до Путина. А года два назад деревню включили в новообразованное сельское поселение. В администрации оставили трех человек, и она теперь называлась отделом. Тамарину должность не сократили – в деревне добрая половина ханты.

С Сашкиной сумкой Рима Тамара идет к аэроплощадке. То, что на дворе май и начались белые ночи, ничего еще не значит. Ночью был ноль, и сейчас холодно, пришлось надеть куртку с капюшоном. Но это даже хорошо, не потечет оленина в сумке. Вообще-то май – самый лучший месяц. Без морозов – и комаров с мошкой еще нет.

– Здравствуй, Тамара Ефремовна. Ты куда это собралась? – в голосе встречной Лыткиной преувеличенное удивление. Черные глазки сметливо бегают.

Тамара ставит тяжелую сумку на землю, растирает ладонь со следами врезавшихся ручек.

– В Усть-Сабун надо, внуков еще не видела.

– Выписали уже? – продолжает радостно удивляться Лыткина.

– Пора, месяц в боксе продержали. Двойня, роды тяжелые.

Лыткина смеется:

– Ты у нас теперь богатая бабушка! У старшей дочери дети, теперь у младшей... То ни одного, то сразу двое! Хорошо, сразу отмучается, может больше не рожать. Демографическую проблему в масштабах семьи решила!..

Говорить, что при искусственном оплодотворении двойня не редкость, Тамара не хочет. Вроде как тень на зятя. Она только молча улыбается и кивает головой.

– Как твои нижевартовцы поживают? – продолжает задавать вопросы Лыткина, не хочет Тамару отпускать. – Всё нормально? Оба работают? Сейчас с работой даже в городе проблема. А попробуй детей в детский сад устрой! Племянница звонила, сто сорок седьмые на очереди, три года ждать...

Лыткина любит поговорить, но на этот раз Тамаре кажется – неспроста. Она рассказывает, что перебравшаяся из деревни в Нижневартовск

семья старшей дочери устроилась неплохо. А сама думает, не метит ли Лыткина на ее место. Лыткина она по мужу, а так ханты, окончила институт, кандидатура подходящая. Работает в школе, но, говорят, с первого сентября будут объединять начальные классы, первый с третьим, второй с четвертым. Две учительницы окажутся лишними. Может, Лыткина ищет запасной аэродром.

- Ладно, побегу, а то билета не достается.
- Сегодня боинг или вертолет?
- Дак четверг, вроде боинг.
- Тогда достанется! И тошнить не будет, ветра нет.

Тамара отвечает на «здрасьте» редких встречных, дышит пахнувшим холодной хвоей воздухом, смотрит по сторонам. Привычно отмечает, двory у ханты не такие, как у русских. В русских теплицы, грядки, а хантыйские пустые, с полегшей прошлогодней травой. Многие даже не огорожены. На одном из подворий, громко стукнув дверь, появляется заросший растрепанный парень, делает несколько неуверенных шагов. Увидев Тамару, круто, едва не свалившись, поворачивает назад, скрывается в доме. Тоже привычно. Аборигены ее побаиваются, пьяными стараются на глаза не показываться. Ведь в случае чего обращаться приходится к ней.

С хантыйскими подворьями ясно, люди привыкли жить лесом и рекой. Но раньше можно было ягоду, кедровый орех, другие дикоросы и рыбу сдать заготовителям. А сейчас тем невыгодно в их глухомань ездить. Пушнину тоже продать тяжело. И по безработице хантам уже не платят. Конечно, можно жить на стойбище, разводить оленей. Нефтяники до их мест пока не добрались, экологию не испортили. Но попробуй заставь молодежь. Она выросла в интернате, тянется к нормальной жизни, а в деревне работы нет, молодежь спивается, бичует. Так и получается, от одного ханты ушли, к другому не прибились.

Тамара даже не вздыхает. Привыкла.

В кармане куртки играет мобильник. На дисплее Викторовна. Удобная все-таки штука, мобильник, с ним всегда на связи. Еще недавно было странно видеть человека, который идет по улице и сам с собой разговаривает, – крыша, что ли, поехала? Сейчас нет.

– Чего, Маш?

– Слушай, что в соннике про уток пишут, – и подруга принимается монотонно читать: – Приснившиеся вам утки в чистых водах реки предвещают счастливые путешествия, морские поездки. Если белые утки бродят по крестьянскому двору, сон сулит процветание вашему дому и большой урожай...

– Самое оно. Насчет морских поездок и большого северного урожая.

– Подожди ты, слушай дальше! Охотиться на уток – предвестье резких перемен в осуществлении ваших планов. Если на охоте утки были подстрелены, сон предвещает вмешательство недоброжелательных людей в ваши дела... Я тебе говорила, опасайся Лариску! Ты всё на Сашкину совесть надеешься.

– Ладно, Маш, потом, – говорит Тамара и хочет отключить мобильник. И так на душе из-за сна хреново.

– Подожди, здесь хорошее есть! Ага, вот. Если видите уток летящими, судьба улыбнется вам. Возможен счастливый брак, рождение прекрасных детей или новый дом.

Это лучше. Но Тамара не просто утку видела, та топила ее. И настойчиво так, злобно. До сих пор Тамара чувствует болезненную хватку клюва на затылке.

– Больше ничего про уток нет?

– В этом соннике нет, я в других посмотрю.

– Ты с Полиной Николаевной поговори, пусть по свечке и блюдечку погадает.

– Да помню я, помню!..

Окраина деревни. За последними домами и кедровой гривкой угадывается пустое пространство взлетного поля. На бревенчатом здании хантыйского музея, где Тамара вчера принимала сделанные дедом Каминным экспонаты, замок. Не торопятся девчата на работу. И осуждать их тяжело – обеих увольняют по сокращению штатов. Раньше предполагалось на базе музея открыть мастерскую по изготовлению поделок из бересты и бисера – все-таки аборигенам работа. Специально прилетали телевизионщики из города, районная газета много писала. Но что-то там не сложилось. Похоже, опять проблемы с финансированием. Это в районе, который добывает каждую пятую тонну нефти в стране. Или как там, баррель.

– В Багдаде все спокойно! – рапортует через забор Рогожников и прикладывает ладонь к вязаной шапочке. Выражение лица у него придурковатое.

Это еще не старый мужчина с коротким крепким телом. Он выглядывает из теплицы с запотевшими стеклами, она у него капитальная, отапливается. А чего не отапливать, Рогожников лесник, дрова и транспорт для него не проблема. Первые огурцы и помидоры в деревне у него. Сначала Тамара думала, Рогожников заигрывает. Оказывается, нет, он со всеми работниками администрации так здоровается.

– Почему в Багдаде? – спрашивает Тамара то, что давно хотела спросить. – Мы в деревне живем.

Рогожников ухмыляется.

– Неужели фильм не смотрела?.. Посмотри, советую. Название забыл, там один старик всё время такие слова говорит. Власть его уважала. До восьмидесяти лет старик дожил, башку не отрубили!..

И Рогожников щурится, то ли ласково, то ли с издевкой. Станный человек, мутный какой-то. В деревне он не так давно, перевелся откуда-то с большой земли. Говорят, там у него были проблемы. У такой язвы будут. Ты власть не люби, но Тамара-то здесь при чем?

Уже видно, как по взлетной площадке разъезжает машина с цистерной и поливает утрамбованную землю. Это чтобы не было пыли, полагается по инструкции. От пыли летная техника быстрее выходит из строя, Тамара знает, не зря столько лет была женой заведующего аэроплощадкой. То, что поливалка на взлетном поле, показатель: рейс состоится, боинг уже вылетел из города.

Тамара торопится в избушку из соснового бруса – здание аэропорта, где находится касса. Если бы даже не знала, что Анатолий на месте, это можно было бы понять по «Тойоте», машина стоит рядом. До аэроплощадки Анатолию ходьбы три минуты, но он ездит, а как же!.. Наверно, уже выписывает билеты. Неужели не оставил?

Народа в комнате, она же зал ожидания, всего несколько человек. Это Тамару немного успокаивает. Настоящий бум начнется летом, когда бюд-

жетники станут разъезжаться в отпуска. Вот когда Анатолий в деревне царь и бог. Все перед ним прогибаются, даже администрация. Но и теперь надо быть начеку. Человек поступит подло, понимает это, но вместо того, чтобы исправиться, начинает гадить. Обычное дело.

– Выписывает? – Тамара показывает головой в сторону комнатки с открытыми дверями, где рация. Там же сидит Анатолий.

Ей кивают. Среди пассажиров Тамара замечает в прошлом продавщицу рыбооповского магазина, а ныне пенсионерку и авторитетную гадалку Полину Николаевну. Удивляется (тоже улетает?..), но мимолетно, не до того. Заходит в кассу-диспетчерскую-кабинет, достает из куртки паспорт и молча кладет на стол. Так же молча садится – не стоять же перед бывшим мужем. Хорошо хоть мандавошки этой нет, его жены. Анатолий оформил ее кассиром, но занимается билетами в основном сам. Та больше сидит дома с детьми.

Бывший муж, увидев Тамару, делает постное лицо. Чего, казалось бы, проще, возьми ручку и выпиши билет, а он тянется к микрофону, чем-то щелкает в рации, вызывает борт. Говнится, показывает власть. Сейчас-то ничего, Тамара уже может спокойно его видеть, у нее Сашка, да и время прошло. А сначала было очень обидно. Прожили двадцать лет, трое дочерей – и пожалуйста, снюхался с молодой девкой, присланной в клуб методистом. Тамара достает портмоне, отчужденно спрашивает:

– Сколько теперь?

Но Анатолий продолжает ломать комедию, делает вид, будто не слышит. Экипаж на подлете, ответил, а он с умным видом всё не выпускает микрофон из рук.

– Сколько билет стоит, спрашиваю?

Анатолий наконец переводит на нее глаза, называет сумму.

– Ого! – вырывается у Тамары. Ей давно не приходилось летать, с прошлого ноября.

– А чего хочешь, керосин дорожает, – быстро отзывается Анатолий.

Тамара усмехается. Решил, ее удивление вроде как сигнал, приглашение к нормальному разговору. Нет уж, ей этого не надо. И о Наташке и внуках ничего не скажет, если он спросит.

Но Анатолий не спрашивает. Почувствовал, видимо, ее настроение. Может, и не собирался. Тамара забирает билет, паспорт, сдачу. Старается проделать это так, чтобы не было заметно досады. Не спросил, скотина!..

Самолета еще не слышно, и в первой комнате, служащей залом ожидания, Тамара заговаривает с Полиной Николаевной. Мелькает быстрая мысль, может, успеют еще пойти к ней домой, погадают?.. Но тут же от этой мысли отказывается. Поздно, боинг ждать не будет. Полина Николаевна летит в город жаловаться на цех ЖКХ. Она купила тепловой счетчик, десяток инстанций оббегала, а здесь всё волынят, не хотят врезать. Еще бы, цеху невыгодно, по счетчику платить выходит меньше. Обнаглели.

Тамара смотрит на расстроенное лицо всё еще подводящей глаза и губы Полины Николаевны и думает, что у нее впереди такие же проблемы. Тепловой счетчик в доме не установлен, а пенсия – это не зарплата работника администрации. Еще Тамару томит и смутно удивляет сознание, что обычная с виду женщина может обладать такими способностями. Всю жизнь Полина Николаевна простояла за прилавком и не подозревала о них. Неужели и с ней возможно что-то похожее? Может, тоже есть не-

обычные способности, просто Тамара об этом не догадывается? И как, наверно, интересно и страшно знать то, чего не знают другие.

3

Боинг – отдельная песня. Так в деревне прозвали двенадцатиместный АН-2. Он прилетает раз в неделю, билеты на него дешевле, чем на вертолет. Компенсация за страх и неудобства.

Сидеть в боинге, когда он на земле, приходится мало того что в тесноте, так еще и перекособочившись, подавшись телом в сторону пилотской кабины – она над передними шасси, которые намного выше заднего, хвостового. В колени крупной Тамары упираются ноги сидящего на противоположной лавке мужчины. И не раздвинешь колени, чтобы не давил, не пустишь его ногу между своими, не так поймет. В салоне боинга полутемно. Салон – слишком шикарное название для узкого низкого пространства. Как в гробу, думает Тамара и пугается сравнения. Не нравится ей и то, как ведут себя оба летчика, слишком веселые. Господи, долететь бы!..

Особенно ненадежным самолет кажется в воздухе. Ничего не стоит рассыпаться хлипкой конструкции, под которой сотни и сотни метров пустоты. Тамара представляет эту жуткую пустоту, на дне которой голые рогульки деревьев, обширные болота, сверху похожие на куски замши, сосновые и кедровые гривы с сохранившимся кое-где снегом – и кожу на Тамариной голове сводят мурашки. Сколько не сглатывай, не помогает, уши напрочь заложены. Двигатель гремит так, что не слышно собственного голоса. Когда веселые летчики закладывают вираж, Тамара, которая не знает, что такое морская болезнь, начинает шарить рукой в поисках пакета. Хорошо еще, нет ветра, не болтает. Иначе точно бы все обрыгались.

В Усть-Сабуне Тамара выбирается из АН-2, словно выпила. Слава тебе, господи! Сашкину сумку она едва не волочит по земле. Клянется, что никогда больше на боинге не полетит. С какой, спрашивается, стати сорвалась, страха натерпелась?! Подождали бы внуки, вертолет через два дня.

Тамара встречает зятя Василий. Прямо у самолета он перехватывает сумку и сочувственно интересуется:

– Все нормально, мамо?

Зять на Севере давно, но хохляцкие привычки и некоторые слова сохранил. В том числе «мамо», когда обращается. Василий чернявый, с усиками, Тамара долго не могла понять, кого он ей напоминает. Пока, наконец, не вспомнила – писаря на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Постриги еще под горшок – копия! Похож не столько усам, сколько понимающим, лукаво затаенным выражением лица. Зять в самом деле человек непростой. Когда другие в геологоразведочной экспедиции месяцами сидели без зарплаты и гадали, что будет дальше, Василий уволился, взял в банке ссуду и открыл рыбокопильный цех. Места-то здесь рыбные. И вроде ничего, дела идут неплохо. Даже детей с Наташкой родили, хотя сейчас на это не каждые молодые решаются.

Поселок Усть-Сабун, конечно, не Тамарина деревня, но и не город. Простоты здесь тоже хватает. Свою пропахшую рыбой «Газель» Василий подогнал почти к боингу. Он ставит сумку в машину и распахивает перед Тамарой переднюю дверцу.

– Садитесь, мамо.

– Уф! – выдыхает Тамара. – Подожди немного, дай на земле постоять. – Но тут же поворачивает к зятю озабоченное лицо. – Как у Наташки с молоком? Хватает на двоих? Или прикармливаете? Всё нормально?

Перед самым вылетом она звонила дочери, Наташкин голос ей не понравился. Вроде как что-то скрывает.

– Прикармливаем. Они хорошо детские смеси едят, в больнице привыкли.

– А с весом как?

– Почти набрали.

– Грудь берут?

– Наташа потом дает. Тоже едят.

Тамара смотрит, как боинг, высадив в Усть-Сабуне часть пассажиров и взяв новых, разгоняется, чтобы лететь дальше. Его двойные крылья похожи на полки для посуды, одна длиннее, другая короче. Ни за что больше не полетит на нем!.. Полина Николаевна осталась внутри, ей в город. Жаль, не получилось у них погадать.

– Ну что, поехали?

Василий кивает и садится за руль. Тамаре кажется, с прошлого раза веселого лукавства в его лице поубавилось. Озабоченное оно какое-то, словно зять о чем-то постоянно думает. Тамара успокаивает себя, с этим сном про утку ей теперь везде будут мерещиться неприятности. Выкинь из головы.

Едут минут пять, но Тамаре кажется дольше. Наверно, потому что по пути встречаются машины, а на тротуарах видны люди. Тех и других не так много, но все равно не деревня. У них если машины кто и покупает, то в основном для выпендрежа, взять того же Анатолия. Ездить особо некуда, зимник работает, дай бог, месяца три в году. Зима вроде длинная, но пока его проложат, ледовые переправы наморозят, то да се. Основная связь с большой землей по воздуху, «Антонин Зырянов» тоже давно не ходит. А из Усть-Сабуня до города дорога круглый год, бетонка. Цивилизация.

Неподалеку от Наташкиной двухэтажки Тамара замечает ряды голых березок, привязанных к косо воткнутым палкам. В лунке вокруг каждой торф. На фоне песка, который в Усть-Сабуне всюду, темный торф бросается в глаза.

– Что, парк у вас решили сделать?

– Вроде того.

– Еще бы, теперь вы центр сельского поселения! Все деньги у вас. Куда хотите, туда направляетесь!..

Говорится это с полусутолым укором, мол, средства до деревень доходить не будут. Но зять тон не поддерживает, не начинает со смешком, с улыбками защищать поселковое начальство. Скучно роняет:

– Всё равно коровы сожрут.

– Ты радоваться должен, будет где с детьми гулять. А ты – коровы!..

Тамара поворачивает к зятю лицо. Обычно веселый, остроумный, он за словом в карман не лезет. Сейчас молчит. Или случилось что-нибудь и от нее скрывают, или зять просто не высывается. Все-таки двое грудников.

– Поселение... – говорит, тормозя у подъезда деревянной двухэтажки Василий. – Еще бы зоной назвали. Реформаторы...

И это опять странно.

Тамара не раз представляла, как возьмет на руки двойняшек, зароеется лицом в пеленки, вдохнет сладкий детский запах. Верно говорят, к внукам отношение особое. Когда свои дети растут, сама еще молодая, много других интересов, да и работа, хозяйство. Срывалась на дочерей, иногда не по делу. Двойняшек Тамара еще не видела, но уже любит. Любила даже тогда, когда они не родились. Это правда, для внуков надо созреть.

– Ну, где они, показывай! – заявляет она в прихожей, едва сняв куртку. Наташка делает большие глаза, прикладывает палец к губам.

– Тс-с-с... Спят.

Она молодец, не опустилась, как бывает с кормящими мамочками. В аккуратном халате, причесанная. Не поцеловала, а приложила, как в американских фильмах, свою щеку к Тамариной, чмокнула воздух. Молодежь, у них так теперь принято.

– Ну хоть взглянуть, – тоже переходит на шепот Тамара.

Наташка манит ее за собой, осторожно открывает дверь в комнату, оглядывается и еще раз прижимает палец к губам.

– Тимка такой чуткий, от малейшего звука...

Дети спят в одной кроватке, но места в ней все равно еще много. Личики уже разгладились и не красные, нормальные, оба тихо посапывают. Шторы в комнате задернуты, полумрак и тишина.

– Господи, – шепчет Тамара, на глазах у нее слезы. – Господи...

Нежность и жалость рвут сердце. Только родились, а уже в боксе с кислородом лежали, капельницы ставили в эти маленькие ручки, иголками истыкали, бедные мои... Но она справляется с собой.

– Тимка? – едва слышно спрашивает, показав на завозившегося и недовольно сморщившего круглое лицо ребенка.

– Нет, Анжела... – Наташка на цыпочках тянет ее к двери. – Насмотришься еще, пошли...

Все-таки она молодец. Двое грудников, а сумела к материному приезду накрыть стол. Через несколько минут они втроем уже на кухне, зять наливает Тамаре полную рюмку.

– А себе?... Наташка ладно, кормит, а ты чего скромничаешь? Наливай! Молодые переглядываются, дочь вступает за мужа:

– У него еще дела, не надо его заставлять... Ну, мам, с приездом.

Тамара молча смотрит на Наташку, потом на зятя, выпивает. Нет, что-то не так. Василий раньше никогда не отказывался поддержать компанию. Ситуацию сглаживает подарок. Дочь на минуту отлучается из кухни, возвращается с небольшим глянцевым пакетом на золотистом шнурке.

– Мы не смогли вовремя подарить, ты не обижайся... С юбилеем, мамуля! Чтобы ты еще пятьдесят лет прожила нам на радость.

На этот раз Наташка целует по-настоящему. Целует, крутя ус и шутиливо подмигивая, зять. Раскрасневшаяся Тамара смеется. Все-таки хорошие они у нее. Старшая дочь только позвонила, средняя вообще не поздравила, та в Ханты-Мансийске живет, а эти... Не подарок дорог, внимание. Однако на мгновение Тамара становится девчонкой, ей хочется узнать, что в красивом пакете. Но лезть в него сразу она считает неприличным.

– Нет, ты посмотри, посмотри! – настаивает дочь. – Вдруг не понравится.

Тамара, неловко посмеиваясь, уступает. В пакете продолговатый конверт. Уже догадываясь, что это деньги, Тамара достает его, открывает. Какая-то несерьезная, похожая на фантик разноцветная бумажка, внизу

надпись: 50 euro. О существовании евро Тамара знает, но ни разу не видела, только слышала, что они дорогие.

– Мы подумали и решили, – говорит дочь, – ты сама себе купишь, что надо. А то купим, а тебе вещь ни к чему. Правильно? Только деньги зря переводить. Или отложишь, мало ли, пригодится.

Наташка младшая, но самая толковая из дочерей. Окончила институт, удачно вышла замуж, до декрета работала экономистом у нефтяников. Если считает, что это хороший подарок, значит, так и есть.

– Обратите внимание, мама, – поддерживает зять, – у вас пятерка с нулем и здесь пятерка с нулем. Наше пожелание, чтобы вам дожить до пятерки с двумя нулями!

Тамара машет на него рукой.

– Не надо, не надо! Я уже не та сейчас, а дальше так вообще!..

– Не прибедняйтесь, мы вас еще замуж выдадим.

По-настоящему посидеть не удастся. Во время еды Василий поглядывает на часы. Вскоре говорит, что ему пора. Едва он уходит, подают голос двойняшки. Оставив Наташку убирать со стола, Тамара спешит в комнату.

Вот когда она отводит душу. Ласково приговаривая, разворачивает пеленки, меняет памперсы, осторожно, нежно гладит под распашонками маленькие худенькие тельца, берет внука и внучку на руки, принимается расхаживать с ними по квартире. Врет Василий, не набрали они еще своего веса. Руки всё прекрасно помнят, уверенно держат двойняшек, будто и не прошло столько лет, как нянчили дочерей.

– Как у тебя хорошо получается, – Наташка стоит в дверях, с улыбкой наблюдает за ней. – Я первое время боялась. Такие маленькие...

– Ничего, мамка, вырастим. Правда, Тимофейка, правда, Анжелка?.. Кормить когда будешь?

– Я поставила подогреть.

– Смеси? Может, сначала грудь дашь? Материнское молоко полезнее. Дочь отводит глаза.

– Что молчишь?

– Молоко пропало, – после паузы отвечает она.

– Почему? Давно?

– Уже неделя.

Дочь уходит на кухню и не появляется. Тамара с детьми на сгибах обеих рук идет следом.

– Почему пропало?

– Ты сядь, – говорит Наташа и трясет бутылочки, взбалтывает подогретые смеси. Наконец решается. – Думаешь, куда Вася поехал?

– Куда – работа, наверно. А что?

– Если бы работа... В город, к прокурору. Цех у него хотят отобрать. Рейдеры. Слышала про таких?

4

С Линой Кулызиной Тамара училась в техникуме. Вообще-то она Сталина, Линой стала позже. В их техникумовской группе Кулызина была старостой. Это словно про нее сказано: комсомолка, спортсменка и просто красавица.

Ну, красавица не красавица, а то, что была в группе зоотехников самой активной, точно. Организовать для заочников культпоход, высту-

пить на собрании, купить подарки преподавателям – это Сталина. Одно время Тамара была у нее в подчинении. Кулызина тогда заведовала коопзверопромхозом, в состав которого входила и звероферма в Тамариной деревне. Во время перестройки Кулызина прошла в депутаты, потом работала где-то в городе, и вот недавно ее избрали главой сельского поселения. Так что опять она Тамарина начальница. К ней Тамара и пошла на следующий день.

Лина Степановна встретила приветливо. Заметила ее в приемной и сразу пригласила в кабинет:

– Заходи-заходи. Работников администрации я принимаю без очереди. Тем более из отдаленной деревни, – это говорится для остальных, ожидающих в приемной. – Валя, чаю нам.

Как меняешься сама, почти не замечаешь, а в других перемены бросаются в глаза сразу. После того как Тамара видела Кулызину в последний раз, та погрузнела, щечки оплыли, кожа на шее дряблая, как ни прикрывай крупными бусами. Ну так бывшая однокурсница и старше. А вообще-то, видно, что следит за собой. Волосы осветлены, макияж, прическа.

– Слушай, мне сказали, ты увольняешься, – говорит Лина Степановна и на мгновение приостанавливается, это уже в кабинете, удивленно смотрит на Тамару. – Правда, что ли?

– Пока в отпуск...

– Не глупи. Сейчас в госструктуры даже из бизнеса рвутся. Теперь не девяностые, всё поменялось. Лучше зонтика, чем госслужба, нет. Ты подумай, ты хорошенько подумай!..

Тамара из уважения соглашается:

– Подумаю.

Отпивая из чашек, женщины принимают вспоминать знакомых по техникуму и коопзверопромхозу, кто где чем занимается, сколько детей и внуков. Некоторых уже нет в живых, другие вышли на раннюю северную пенсию или уехали на большую землю. Лина Степановна знает о многих, не то что Тамара в своей деревне. В общем, ностальгируют.

– Ты ко мне по делу?

– Даже не знаю, как сказать...

Вот оно. Тамара подбирается, отводит глаза, передвигает чашку на невысоком приставном столике, за которым они расположились.

– Говори как есть, – Лина Степановна улыбается и тут же убирает улыбку с лица, будто ее и не было.

Это умение всегда озадачивало Тамару. На совещаниях в коопзверопромхозе Кулызина могла кому-нибудь улыбаться, потом улыбку мгновенно будто выключала, смотрела серьезно, холодно.словно отодвигала человека, говорила, что ее улыбка ничего еще не значит. Тамара одно время пыталась копировать начальницу, но у нее получалось неважно.

– У зятя неприятности. Он предпринимательством занимается, рыбокоптильный цех, слышала, наверно... – и Тамара рассказывает то, что узнала от Наташки и Василия.

В феврале в цехе появились двое незнакомых мужчин, по виду не местные. Василий подумал, что хотят заключить договор или на поставку рыбы, или на приобретение продукции – обычное дело. Повели себя мужчины странно, сначала попросили показать цех, однако это Василия не насторожило. Когда вернулись в кабинет, предложили продать бизнес. Василий

засмеялся, продавать цех ему даже в голову не приходило, столько труда вложено, да и прибыль нормальная. Покупатели не хамили, не угрожали, посоветовали не торопиться, подумать, они позвонят.

После их визита в цех зачастили с проверками. Районная санэпидстанция, пожарные, налоговики, технадзор... Раньше Василий со всеми жил дружно, сейчас выяснилось, что в цехе множество недостатков. В конце концов санэпидстанция заставила остановить производство. Деньги на счетах закончились, банк перестал давать кредиты, магазины нашли других поставщиков. В это время Василию и позвонили. Опять предложили продать цех, но сумму на этот раз предлагали смешную. А на днях еще хлеще. Приехали крепкие ребята, вытолкали охранника, заняли кабинет Василия, опечатали сейф и отключили компьютер. Когда прибыла соснинская милиция, старший показал решение суда об удовлетворении материального иска поставщика рыбы. Всё как полагается, с печатью, с подписями. Василий клянется, никто из поставщиков в суд на него не подавал.

– Да, мне уже говорили, – Лина Степановна кивает. – Спор хозяйствующих субъектов.

– Какой спор, Сталина?! Отобрать цех хотят, не мытьем, так катаньем. Там одного оборудования на четыре миллиона, зять до сих пор с банком не расплатился!..

Кулызина несколько секунд молчит.

– Ему нужно найти хорошего адвоката.

– Так он уже несколько раз ездил в город к прокурору!..

– И что?

– Говорят, ждите.

Лина Степановна громко, искренне удивляется:

– Чего вам беспокоиться, скажи на милость? Прокуратура – солидный орган, разберутся! Понимаю, была бы еще нефтяная фирма, там бизнес отбирают серьезные люди. А здесь шелупонь какая-нибудь, не те силы!..

Тамара решает:

– Ты не могла бы помочь?

– Как ты себе это представляешь? – Лина Степановна выключает улыбку, ее лицо становится чужим.

– Ну, ты глава администрации, у тебя власть, милиция. И так повлиять можешь, позвони в город...

Тамара знает, как решаются вопросы в их деревне, уверена, здесь круче. У администрации сельского поселения больше возможностей.

– Ты еще советские времена вспомни! Это тогда звонками всё решалось. Теперь не так, теперь демократия... – и снисходительно, как неразумному ребенку, Лина Степановна принимается объяснять, что существуют три ветви власти, законодательная, исполнительная и судебная. Исполнительная не имеет право вмешиваться в деятельность ни законодательной, ни судебной. Не прежние времена, у каждой власти своя зона ответственности. Спор хозяйствующих субъектов, закон разберется.

Тамара понимает, Сталина помочь не хочет или не может. Но выработанный годами инстинкт подчиненного человека заставляет опустить голову и кивать, как бы даже каясь. Действительно, как сама не сообразила. Ей неудобно, что побеспокоила занятого человека, злоупотребила старым знакомством.

– Извини, – говорит она, поднимаясь. – Не буду отрывать тебя от дела. Вон сколько людей в приемной.

– Ну что ты, – Кулызина поднимается тоже, провожает до дверей кабинета. – Я слышала, твоя дочь двойню родила? Передавай мои поздравления.

– Передам.

Спасибо Тамара не говорит.

Идти домой не хочется. Там ждет Наташка, а что ей сказать?.. За благоустройство в Усть-Сабуне и в самом деле взялись серьезно. В будущем парке с голыми березками женщины в комбинезонах с надписью на спинах «Жилищно-коммунальное хозяйство» насыпают торфяные клумбы, красят невысокий, городского вида забор из литого металла. На одной из сторон центральной улицы автокран вместо деревянного тротуара укладывает бетонные плиты. Стропальщики в оранжевых куртках машут рукавицами «майна», «вира» и налегают на тросы, стыкуя плиты. В устье боковой улицы остановилась и смотрит на всё это пегая корова с такой же пегой нетелью. На мордах растерянное удивление.

– Вот и хожу за ними, жду, пока опорожнятся! – со смехом говорит пожилая женщина, почти старуха, но очень живая. В руках у нее ведро и совок. – А что делать, огород удобрять надо. Здесь голимый песок, сын торфа привез, а его одного на такую землю мало!..

Эту женщину Тамара видела. Когда вчера вечером прогуливала внуков в широкой двухместной коляске вокруг дома, та возилась на участке под окнами первого этажа. Женщина, видно, ее тоже запомнила.

– Что, коров в поселке много?

– Есть. Вот смотри, почти целое набрала, – соседка показывает ведро со свежим навозом. – Говорят, стайки скоро сносить будут. Дескать, вид портят. А если семья к молоку привыкла, да к настоящему, а не из магазина? И зарплаты у всех разные. Здесь-то еще рай, а у нас...

Соседка рассказывает, что сын перевез ее с большой земли. Цены там почти такие же, а пенсии намного меньше. Здесь к праздникам неработающим пенсионерам когда пятьсот рублей, когда тысячу подкинут, а в их краях и не мечтай. Одним словом, забота. Тамара внимательно смотрит на соседку. «Заелись мы, – думает она. – Всё нам не так. А вон как другие живут, в их бы шкуру!..» И волна благодарности к тому, что родилась на Севере, что здесь добывают нефть, что жизнь лучше, подступает к сердцу. И уже не таким обидным кажется нежелание Сталины помочь. Единственное, что смутно озадачивает, это то, что на улицах никто с ней не здоровается. Ну да, не деревня, здесь от нее ничто не зависит.

В квартире ор на два голоса. Наташка мечется между детьми, лицо у нее несчастное.

– Mam, не знаю, что с ними. Сухие, накормленные, а... Ты руки после улицы помой.

Она права, но слышать замечание неприятно. Тамара молча идет в ванную, не спеша берет мыло. В деревне руки особенно не моют, а дети вырастают здоровые, и молоко у матерей не пропадает. Однако надолго Тамары не хватает. Вытерев ладони, спешит в комнату, берет заходящегося багрового Тимку, принимается расхаживать с ним по квартире, укачивает. Держит внука так, чтобы тот животиком был прижат к ее телу. Показывает глазами дочери, делай то же с Анжелой.

– У них животы в этом возрасте болят. К тому же на смесях растут, не на материнском молоке.

Наташкины глаза наливаются слезами.

– Я что, виновата?..

Тамара не торопится ее успокаивать. Пусть знает, как делать матери замечания. Наконец, дети засыпают. В таком возрасте они почти всё время спят. По Наташкиному лицу видно, ей не терпится спросить, чем закончился поход в администрацию. Тамара коротко пересказывает разговор с Кулызиной. Дочь опускает голову, какое-то время сидит молча.

– Ты не говори, что ходила просить. Вася не любит.

Может, Наташка и права, что так за мужа переживает. Дети вырастут, разъедутся, а хороший муж на всё время. Да и на что жить, если Василий не будет приносить денег. Тамара смягчается:

– Пойди поспи пока.

– Я борщ варить поставила.

– Я доварю.

Дочь уходит в комнату к двойняшкам, а Тамара снимает с кастрюли крышку, выуживает из борща ломтик картошки. Дует в ложку, пробует. Еще сырая, пусть покипит. Она набирает номер Сашкиного мобильного, слушает гудки. Наконец, Сашка отзывается.

– Ты чего не звонишь? Вчера молчал, сегодня молчишь. Спишь, пожарник?

– Скажешь тоже. Проверка у меня. Документация там, материальная часть...

– Чего это вдруг? – Тамара озадаченно поднимает брови. Проверки пожарного депо вроде не намечалось, она бы знала.

– А хрен поймет. Из города комиссия.

– И как?

– Вроде нормально.

– Ладно, – говорит Тамара. Еще одна забота, ломай теперь голову. – Про парник не забыл? Огурцы поливаешь?

– Сегодня полью, ничего с ними не случится.

– Саш, ты это брось! Они сейчас нежные, погибнуть могут. Навоз внизу горит, температура...

– Я не могу разговаривать, потом перезвоню.

Тамара отводит от уха мобильник. Сашка глуповат, не понимает, с внеплановыми проверками просто так не приезжают. Ей стоило труда уговорить заведующую отделением назначить его начальником пожарного депо. Конкина у них ни рыба ни мясо, если на нее начнут давить, отстаивать не будет. Пожарное депо только название, всего одна машина, но должность хорошая, бюджетная зарплата, соцпакет, желающие всегда найдутся. А у Сашки нет специального образования. Ну, окончил пожарную учебку в армии. Теперь этого мало, дети начальства позаканчивали институты, их нужно трудоустраивать...

Тамара набирает номер Конкиной. Разговор начинается вроде как с шутки:

– Ань, ты на мое место никого не взяла? А то смотри, я, может, еще передумаю.

– Внуки уже надоели? – бесцветным голосом отзывается заведующая отделением. Тамара никогда не видела Конкину вышедшей из себя. Чтобы

ни случилось – авария на котельной в самые морозы, убьют кого-нибудь, ханты по пьянке дом спалят – Конкина всегда спокойна.

– Ну что ты, как эти солнышки могут надоесть!.. – Тамара на время обо всем забывает, делится своим счастьем. Но здесь же и мысль: Конкина должна понимать ее положение, сама скоро станет бабушкой, сын недавно женился. И вообще проникнуться к ней и расположиться. Как бы между прочим интересуется, что за проверка у Сашки.

– Не знаю, – отвечает Конкина. – Прилетели, попросили показать пожарку. Я отвела...

Тамара представляет лицо начальницы. На нем постоянно написано: не трогайте меня. Вот именно, не мешайте получать мою большую зарплату!.. Удивительный человек. Умудряется ни с кем не конфликтовать, но и не берет ничего на себя. Удобна для начальства, потому и поставили заведовать отделением – никто не пишет на нее, не жалуется, не надо разбираться. Раньше Конкина директорствовала в школе, говорят, такой же была. Ни богу свечка, ни черту кочерга. Ничего больше не выяснив, Тамара с досадой отключает мобильник.

В начале их совместной жизни Сашка как-то заявил: «А чего мне здесь ловить? В случае чего, ноги в руки и до свиданья. Классные отделочники везде нужны». Похоже, не шутил. В деревне он появился прошлым летом вместе с бригадой строителей. Тамару назначили курировать их работу – дом строился для хантйской семьи на бюджетные средства. Там она Сашку и увидела в первый раз. Молодой улыбчивый мужик с яркими голубыми глазами, он однажды спросил: «А в гости к вам, Тамара Ефремовна, прийти можно?» Тамара попробовала отшутиться: «Нашел к кому в гости ходить. Вон сколько молодых вокруг!» – «Э, они не такие». – «Чем же это я лучше?» – «Вы серьезная женщина. Положение у вас». – «Смотри какой!.. Да у меня зятя такие, как ты». – «Ну и что?»

Казалось бы, пошутили и забыли. Но Сашка в самом деле явился вечером с бутылкой. Его прямодушие развеселило Тамару. Не то чтобы она поставила на себе крест как на женщине, но не с таким же молодым!.. Однако в тот же вечер всё и произошло. Через несколько дней Сашка перебрался к ней из интерната, где бригаду разместили до начала учебного года. А потом Тамара его устроила пожарным, недавно – начальником депо. Прост-то Сашка прост, но понимает, наверно, как от нее зависит. Должен понимать.

«Блин! Да я же увольняюсь!» – вдруг вспоминает Тамара. И эта мысль бьет по голове, будто поленом.

5

Она едва дожидается, когда встанет Наташка. Но сразу о своем желании не говорит. Терпеливо смотрит, как дочь уходит в ванную, слушает звук воды из крана. На кухне Наташка появляется посвежевшая, волосы на висках слиплись от воды.

– Вася обедать придет?

– Не знаю, мам. Может, опять в город поехал.

– Тогда садись, поедим.

Пообедав, Тамара говорит:

– Ты вроде пасьянсами увлекалась. Не забыла еще?

– Да нет. А что?

Тамара рассказывает ей про сон с уткой. Еще об одной вещи, на которую хочет получить ответ, она не говорит. Дочь становится оживленной, в глазах появляется интерес:

– Я знаю лучше, чем пасьянс. Есть такая китайская Книга перемен, по ней тоже гадают.

– Китайская?.. – Тамара в сомнении поднимает плечи.

– Не бойся, это не китайские шмотки. Там шестьдесят четыре варианта, в каком-то из них ответ. Кстати, в молекуле ДНК тоже шестьдесят четыре составляющие.

– Ладно, давай.

Наташка приносит книжку, три монеты, листок бумаги, ручку. Тамара с усмешкой наблюдает за приготовлениями.

– Значит, так. Бери копейки, трясги в ладонях и бросай на стол. Если орлов выпадет больше, чертим одну сплошную линию. Если больше решек, чертим пунктир... Ты не смейся. Сосредоточь мысли на своем вопросе.

Попытка не пытка. Только с чего начинать – с утки или как повернутся дела у Сашки?.. Усмехаясь, Тамара трясет в ладонях монеты, рассыпает их на столе. Наташка внимательно смотрит на то, что выпало, делает пометки на листке бумаги.

– Так, ищем, – наконец говорит она и принимается листать книжку. Находит выпавший вариант и поворачивает книжку к Тамаре. – Читай.

«До самой земли склонилась ветвь дерева под тяжестью снега, но скоро она выпрямится и займет прежнее положение. Обстоятельства ваши в данный момент можно назвать лишь умеренно благоприятными. Если поведение ваше будет отличаться умеренностью и сдержанностью, впоследствии вы станете хозяином положения...» И еще несколько обтекаемых, не очень понятных фраз. Китайцы.

– Еще раз можно?

– Подожди, сейчас я, – отвечает Наташка и принимается трясти монеты. Выпавший вариант она читает молча.

– Ну что?

– А, так себе! – дочь легкомысленно машет рукой, и Тамара понимает, что выпало неприятное. Наташка успокаивает себя: – Вообще-то любое гадание это так, развлечение!.. Еще раз тебе?

На этот раз Тамаре сообщается, что она ощущает дисгармонию. Назревает конфликт. Ей надо вести себя скромно и сдержанно, и если бросят перчатку, не поднимать ее. Пусть всё идет своим порядком, тогда наступят мир и покой, и Тамара лишний раз убедится в том, что жизненные проблемы не только удручают, но и учат... В общем, поджать хвост и не рыпаться. Но главное, Тамара не знает, какой ответ к чему относится. Когда она бросала на стол монеты, оба вопроса смешались в голове.

Через полчаса они кормят проснувшихся двойняшек. Дочь будет стирать детское белье, а Тимку и Анжелу пеленают, укладывают в коляску и спускают со второго этажа во двор. Гулять с ними будет Тамара. На свежем воздухе дети сразу засыпают.

– Мам, – говорит Наташка, стягивая ворот халата под горлом, – ты обратила внимание, Анжела на хантыйку похожа? Лицо круглое, смуглая.

– А чего удивляешься? Дед у тебя хант, гены должны сказаться... Ладно, иди, простудишься. Мастита еще не хватало.

Соседка, которая утром собирала навоз, опять возится под окнами. Узкая полоса черной от торфа земли тянется метров на десять. Заметив Тамару, старуха выпрямляется.

– Убей бог, не могу без дела! – смеется она. – Картошку дешевле купить, а я сажать надумала – всё занятие! Может, сына уговорю тепличку поставить...

И старуха рассказывает о том, что раньше у нее была забота, внуки. Сейчас выросли, в ней не нуждаются, а руки чешутся, делать чего-то хочется. Сын у нее хороший, невестка тоже, говорят, отдыхай, а она не может, всю жизнь работала. Пока здоровье есть, будет понемногу топтаться.

Тамара кивает, однако в ответ ничего не говорит, боится разбудить двойняшек. В самом деле, старуха сначала жила своей жизнью, потом жизнью сына, его детей, а сейчас вроде как и не для кого. Работа – желание занять себя, чтобы не чувствовать пустоты, своей бесполезности. Неужели и ее, Тамары, тяга к Тимке и Анжелке оттого, что своя жизнь закончилась? Дочери и внуки вытеснили, они теперь замена ее жизни, той, что настоящая, заняли место?..

От такой мысли Тамара перестает качать широкую двухместную коляску и останавливается. Нет, она не согласна! Она еще сама жить хочет!

– Ты гордая какая-то, – недовольно бросает старуха. – Слова от тебя не дождешься!..

Тамаре не до нее. Не отвечая, толкает коляску по деревянному настилу вдоль дома, уходит. Колеса то и дело съезжают с узкой деревянной дорожки на песок, проваливаются, грузнут, но женщина не замечает этого.

От открывшейся правды всё в ней оцепенело.

Не хочу, не согласна, сама еще жить хочу!..

Василий появляется поздно, уже после ужина. Наташка уводит его на кухню кормить, и они там вполголоса о чем-то разговаривают. Судя по всему, веселого мало. Тамара во второй комнате, где ей определили ночевать, смотрит телевизор, спать пока рано. Какое-то время спустя молодые подсаживаются к ней на диван, тоже начинают смотреть фильм. Оба молчат.

Фильм американский, у парня убили родителей и его же подставили. Ему приходится прятаться от полиции, одновременно собирая на убийц улики. К делу подключается ФБР, парня обложили со всех сторон, кажется, ему только и остается, что пойти сдать. Но он не идет, с разных телефонов звонит помощнику окружного прокурора, рискует, убегает, в него стреляют. В конце концов всё заканчивается хорошо. Помощник прокурора получает улики на убийц, один из них срывается с крыши небоскреба, второй гибнет под машиной, суд присяжных парня оправдывает.

– Кино... – от долгого молчания или еще от чего-то сипло говорит Василий. – Одно не могу понять, откуда у американцев такой оптимизм? Что ни фильм, правда обязательно побеждает. Или в Штатах на самом деле так? Добиваются, доказывают свое? Государство так устроено, у них можно?..

– Ладно, Вась, – Наташка берет мужа за руку. – Проживем без цеха.

Но тот уже не может остановиться:

– Я никому ничего плохого не сделал! Хочу только своим трудом зарабатывать! Головой, руками! А на меня смотрят, как... Хоть на стенку лезь,

всё схвачено. Пустой дом какой-то, кричи не кричи – никто не отзовется! Я для них хуже бомжа. Путаюсь под ногами, жить мешаю...

– Ва-а-сь, – тянет Наташка и прижимает руку мужа к себе. – Ну, вернешься в экспедицию, будешь там работать. Я на детей получаю, с голоду не помрем...

Зять выдергивает руку.

– Не в этом дело! Я человек или скотина, чтобы со мной так?.. Налоги платил, что полагалось делал! Почему такое отношение? Все понимают, а делают вид... – он вдруг поворачивает отчаянно веселое лицо к Наташке. – Может, взять ружье и разобраться? Как в американских фильмах?..

Тут уже вмешивается Тамара:

– Брось фигню нести! Детей без отца оставить хочешь?.. Себе жизнь поломаешь и семье!

Василий замолкает. Хохол, старших слушается. Наташка тихо всхлипывает сбоку.

– Вот что, – говорит Тамара, – сегодня дети пусть у меня спят. Перевезем кроватку в эту комнату. И давайте ложиться, поздно.

Пусть Наташка с мужем останутся вдвоем. Выспятся, и вообще, стресс снимут. В семейной жизни это бывает нужно. А то за нервотрепкой, наконец, забыли, как это делается. Выпить бы еще им.

6

И опять ей снится сон про утку.

Глухая старица, густая осока у берегов, ряска на открытых местах. Тамара и ее желтые пушистые братья и сестры пытаются нырять, радостно трясут хвостиками, крутят по сторонам головенками. Всё вокруг такое яркое и интересное. На этот раз Тамара видит мать-утку. Она большая, сильная, родная. Крякает, напоминает об осторожности, говорит, что жизнь полна врагов. Тамара не думает об этом, ее тянет к осоке, там мальки, она уже знает их сытный вкус. Из осоки неожиданно появляется чужая утка и бросается к Тамаре. За ней еще одна и еще, страшные, с раскрытыми клювами. В этих чужих утках столько беспощадной злобы, что Тамара в ужасе машет скелетиками будущих крыльев, пытается бежать по воде, прочь, прочь, скорее к маме!.. Страшные утки догоняют ее, принимаются топить, но мать уже несется навстречу, стучит чужих уток клювом по головам, бьет крыльями. Тамара прячется за большое тело, которого нет надежней и роднее. Всё, никуда от нее, рядом, дальше от страшных уток, от предательской осоки, от мальков. По крайней мере, пока помнит...

Спокойные ребята, думает Тамара о внуках. За всю ночь двойняшки ни разу не проснулись. Она приподнимается на локте, заглядывает в кроватку. Дрыхнут. Но приготовить есть надо, уже семь. Тамара встает, осторожно ступая, выходит в коридор. В комнате молодых тихо, куртка Василия на вешалке. Пусть побудут вдвоем.

Почти тот же сон, а впечатление совсем другое. Тамара сама удивляется своему спокойствию. Потому что закончилось хорошо? «Это мне предупреждение», – думает женщина. Что-то должно защищать и оберегать, вон какая теперь жизнь. Собственно, жизнь никогда доброй не была, только каждый раз недобрая по-своему. Решение появляется само собой.

«Поторопилась!» Но еще не поздно, по-настоящему она не уволилась. Тамара включает на кухне радиоточку, приглушает звук. Музыка словно по заказу, энергичная, подталкивающая.

Надо лететь.

– Что-то у меня на душе неспокойно, – говорит она, когда Тимка и Анжела подмыты, перепеленаты и накормлены. Тамара берет их по очереди на руки, держит «столбиком», чтобы срыгнули лишнее. – Оставила хозяйство на квартиранта, а как там он справляется, не знаю. Навоз в парнике горит, огурцы требуют регулярного полива. Да и пахать огород скоро пора, картошку сажать...

В семье Сашка известен как квартирант, хотя о настоящей его роли все догадываются. Наташка и Василий смотрят друг на друга. Ведь договаривались, что Тамара уволится с работы и приедет надолго.

– Ладно, давайте вместе позавтракаем, – говорит Тамара, чтобы перевести разговор на постороннее. – А то всё порознь да порознь. Наташ, накрывай на стол.

Сама уносит детей в комнату, укачивает. Молодые ее решению, понятно, не рады, но ведь отпуск большой, она еще прилетит. А вот насчет того, чтобы уйти на пенсию... Можно подыскать Наташке кого-то в помощь. Да хоть ту же соседку с первого этажа, бабка еще энергичная, мается без дела. Тамара заплатит.

Викторовна звонит в самый неподходящий момент, внуки только-только закатали глаза. Тамара быстро выходит в коридор, негромко отвечает:

– Да, Маш?

– Хреново дело, подруга! Утром Лариска выходила из твоего дома.

Тамара несколько секунд молчит.

– Откуда знаешь?

– Люди видели! Вчера Сашка фестивалил в пожарке с комиссией, Лариску тоже пригласили. Вроде как для компании. А утром...

– Подожди, – останавливает Тамара. – Комиссия где ночевала?

– К тебе домой Сашка повел, куда еще?!

– А с чего ты решила, что Лариска с Сашкой была? Может, кто из комиссии пригрел.

– Удивляюсь твоему спокойствию, Тома! У нее мужика уводят, а она!..

– Что-то ты слишком заботишься обо мне, – сухо отвечает Тамара. Может, не шутила тогда Викторовна, на самом деле имеет на Сашку виды. Насчет женской дружбы Тамара давно не заблуждается. – Надо будет, я сама с ними разберусь. Брось сплетни распускать.

Викторовна оскорблена:

– Я? Сплетни?! Будешь еще локти кусать, да поздно будет! – и отключается.

Завтракают молча. Еще одна причина, чтобы не уходить с работы. Викторовна, скорее всего, паникует, но, может, Сашка в самом деле хочет прилепиться к Лариске, чтобы была поддержка и защита? Однако не он всё же главное, пятьдесят лет, не так уж ей мужик и нужен. Кто Тамара без своей должности? Пенсионерка. Пустое место. Ничто.

– В аэропорт подбросишь? – спрашивает она у зятя.

Тот, не поднимая головы, кивает.

– Прямо сегодня, мам?.. – Наташка смотрит тоскливыми глазами.

– Я ненадолго. Кое-какие вопросы решу и обратно. Через пару дней буду.

К рейсу Тамара успеваает. И с билетами проблем нет – летит вертолет, билеты дорогие. Зато и условия хорошие, с боингом не сравнишь: просторный салон, мягкие, как в автобусе, сиденья на два человека, чистые, круглые, будто иллюминаторы, окошки.

– Садись ко мне, – хлопает по сидению рядом возвращающаяся из города Полина Николаевна. Заметив Тамару, она оживляется.

Тамара тоже рада видеть знакомого деревенского человека. Подсаживается к бывшей продавщице рыбкоопа, принимается расспрашивать, как дела, чего удалось добиться. За разговором женщины не замечают, как вертолет поднимается и ложится на курс. Вверху грохочет двигатель, но слова разобрать можно. В районной администрации Полине Николаевне сказали, что ЖКХ теперь им не подчиняется, пусть обращается в суд. А это опять лететь в город. Не налетаешься, если ты пенсионер, и гостиница дорогая. К тому же неизвестно еще, как суд решит.

– Испугаются ЖКХ-ашники судиться! – говорит Тамара, приблизив лицо к уху Полины Николаевны. – Подумайте сами, зачем им проблемы, зачем скандал? Испугаются, точно говорю!

Бывшая продавщица, а ныне гадалка в сомнении пожимает плечами.

– Испугаются, испугаются! – напористо повторяет Тамара, свято веря в то, что говорит. – Суды у нас демократичные, справедливые! Там всё по закону, честно!

Своего заявления на отпуск с последующим увольнением она еще не переписала, но уже чувствует себя уверенно, твердо. Если захотеть, добиться можно всего. Было бы лишь желание.

И даже то, что под вертолетом сотни метров леденящей душу пустоты, Тамару теперь не пугает.

ПОЭЗИЯ

Валерий ЕРМОЛАЕВ ИЗ ТАВДИНСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

Свернём с шоссе привычно влево,
межою полторы версты,
и вот – поверженное древо
в обрыв, прибрежные кусты,

столетних сосен шум приветный,
реки чуть слышный переплеск
и неумолчный, несветный
пернатых скрипок арабеск.

Небесный распахнулся полог,
открылось солнышко анфас,
и долгий солнечный просёлок
разрезал облачный атлас.

Ветрами теплыми причёсан,
глядится в синь заречный край.
На светлом полотенце плёса
разломан яра каравай,

на нём сверкающей солонкой
стоит залитый светом храм –
как будто озорной челдонкой
хлеб-соль подносит лето нам.

Мы завтраком траву нарядим,
нам, право, есть что осушить,
и ощущаем – где-то рядом
место рождения души.

Мы говорим, поём и плачем,
и под гитарный перезвон
нас осеняет: жить иначе
уж завтра начинать резон!

И просим жизни Христа ради!
Нам жить не терпится спешить!
И зарождается в тетради
стихписание души.

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ НАД ТАВДОЙ-РЕКОЙ

*Сибирь, как будто не Сибирь!
Давно знакомый мир лучистый...
...ещё бы церковь у реки, –
и было б всё по-вологодски.*

Николай Рубцов

*– Люба, мне не в чем идти выступать.
На стуле висит свитер соседа по комнате.
Говорю: вот надень его свитер.
– Что ты?..
Наконец, собрались, поехали, выступили.
Из воспоминаний Любови Вагановой*

Мало чего стало жалко.
Жалко – тебя не встретил.
Сердце когда ёкнуло –
тебя уж Всевышний приветил...

Посидели бы, Коля, рядом...
Но здесь я один, коли,
хоть промычу через слёзы
о любви тавдинскому полю.

А почему мне жалко,
того я не выскажу все.
Дымы пожаров в заречье
тайные знаки рисуют.

Пьяный ты тоже плакал.
Пьяные – лучшие слёзы.
Так на твоей Вологодчине
плачут хмельные стрекозы.

С яра виднее пожары.
Горького неба привкус.
Тяжёлая водка не давит
лёгкой слезы искус.

Я это сам увидел,
я обнимал твоё поле
над нелюдимой Сухоной,
шепча про Николу невольню.

Выцвел платок плёса
старой Тавды-речки.
С этого яра я начал,
как ты от Николиной печки.

В отчине был твоей я,
стоял у твоей могилы...
Все не был помянут,
черноглазый мой, милый,

Мой песенный яр убывает –
юность давно смыта,
и потому так дорог
ствол под обрывом замытый.

«маленький, худой, пьющий»,
чужой надевавший свитер,
чтобы пойти с Любой
читать деревенские свитки.

И круг любимых редет,
некого радовать словом.
Раньше мне, дурню, казалось,
мол, заведём новых!

Люба тебя вспоминает.
Тебя вспоминать любо,
как приводить невесту
в дом золотого сруба...

Новые только задушат
ласковыми руками
птицу, возвращённую в горенке
под низкими потолками.

Всё ж хорошо не смыслить
ничегошеньки в жизни
на тёплом клочке мирозданья,
занятом горькой Отчизной.

* * *

Лето, лето, птицами распето!
Будь же, лето, и в моей строке.
Яр высокий, солнышком прогретый,
прислонился к медленной реке.

А под яром малое селенье
окунулось в доброе тепло.
Не одно счастливое мгновенье
тут, окрест, признаюсь, протекло!

Где ещё зареченские дали
и зазывней, и ещё синей?
Только жаль, деревне жить не дали,
некрасиво поступили с ней.

Против трудодней сыскали средство!
Ни женитьб теперь, ни проводин.
Зря слежалось в сундуке наследство –
припасённый бабкой габардин.

Песни сенокосного июля
не услышишь уж из-за реки...
Вон привстал с завалинки дедуля,
что увидит он из-под руки?

Внучка прилетит на выходные –
полдеревни, чисто, на ногах!
Прибегут родные, не родные:
«Нешто баско в ихних городах»?

...По-над яром солнышко зависло,
потемнела лебеда-трава.

Внучка уж воды на коромысле
в баню принесла, горят дрова...

Лучше нету деревенской бани,
ни с какой другою не сравнить!
Я б сейчас в парилку, так и тянет,
да кваску ядрёного испить!

...Вот бежит из баньки с передышкой
в травяной разлив, и иван-чай
городские белые лодыжки
ей целует, будто невзначай.

А потом уснёт на сеновале...
Мне в тех снах уже не побывать!
Вот взгрустнул, а это мне едва ли
помогает жить да поживать!

Словно шанег напекли для внучки –
прут в деревню шаньги-облака.

Эх, деревня, изб дублёных кучка,
слава богу, ты ещё жива!

Мир тебе, хорошее селенье,
вечно стой с покоем визави,
сторожи заветные владенья,
уголки мечтаний и любви!

* * *

Под яром кострового дыма свес,
суглинок рвётся вверх, в ладони неба.
Здесь, как по приглашению с небес,
и каждый раз – как будто сто лет не был!

Здесь на табличках высохшего дна
тебе расскажет клинопись вогула,
как пена мифа на волне нежна,
как свежим русским ветром её сдуло.

Здесь на песчаных плёсах, как всегда,
ничьи следы не чтя, не сохраняя,
течет в забвенье вековом Тавда –
неслышно, не спеша, не вспоминая,

но вдруг тебя заставив вспоминать
не слышанное древнее преданье,
иные открывая времена
и сердце обложив незримой данью.

ПРОЗА

Роберт ЯГАФАРОВ

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Бывало ли у вас такое, что какой-либо человек эпизодически вам по жизни попадается? Как бы и не друг, не близкий знакомый, порой вы даже имя его не знаете, просто как-то пересекаетесь, время от времени... Вот вам небольшая история про одного моего такого знакомого...

Познакомились мы с ним в самом начале девяностых в нашей, старой ещё, тюменской «бракке». Мы тогда с Ленкой, девахой с нашего потока, повадились подавать туда заявления. Делалось это ради получения талонов на «отоварку», по которым в салоне для новобрачных можно было откусить себе колечко, продукты или даже ботинки «Саламандра». Золото, которое обычно доставалось мне, я тут же спихивал знакомому ювелиру, а боты соседке, что банчила на толкучке. Ленка же жила в общежитии, поэтому забирала свою долю продуктами – конфетами, колбасой и сыром.

В принципе, вся эта процедура псевдоженитьбы занимала не более получаса, за которые нужно было совместно заполнить анкету, занести её в кабинет к суровой загсовской тётке с высоким пергидрольным начёсом и получить там взамен те самые заветные талончики.

Главное при этом было сохранять серьёзное выражение лица самому и следить за Ленкой, которая при виде стоявшей на шкафу над головой у тётки пары ободранных лебедей с кольцами (такие тогда цепляли на крышу какой-нибудь «Волги», что возила новобрачных) тут же начинала хихикать.

Вот там, в один из таких заходов, мы с ним и познакомились, вместе выйдя покурить и разговорившись, пока наши невесты заполняли бланки заявлений.

Помню, выглядел он тогда довольно успешно для того времени: короткая стрижка, кожаная куртка, толстая золотая цепочка, сигареты «Магна» и новая «девятка», на которой они потом докинули нас до института. Вероятно, он был из «деловых». Лет ему было под тридцать и, видимо поэтому, обращался он ко мне несколько покровительственно.

– Студенты? Чего рано так, невтерпёж? – ему явно хотелось с кем-нибудь поговорить.

В тот раз было как-то неудобно сказать ему, что мы женимся фиктивно, да и смысла никакого не было, тем более что он больше говорил сам.

– Я за своей Динкой со школы ходил, она из дома ко мне ушла, родители у неё евреи, против были, вот скажи, какая разница-то?! – он даже взмахнул от возмущения руками. – Родишься не понятно кем, а потом тебе в уши надуют и хренак – ты уже еврей или хохол там...

Он затанулся, выпустил дым и снова замахал руками:

– А если ты подкидыш?! Тогда как?! Вообще непонятно кто ты!

Примерно через месяц после того раза я, возвращаясь вечером с учёбы, случайно встретил его в нашем горсаду. Он был заметно пьян и шёл, слегка пошатываясь.

– О-о-о, здоров, студент! – узнал он меня. – Как сам? Накатим?

Видно было, что он находился в состоянии какого-то радостного возбуждения, и ему хотелось с кем-нибудь поболтать. Мы дошли с ним до ларька, и он купил нам по баночному пиву, что тогда только начало у нас продаваться.

– Всё... я из доли ушёл... и машину отдал... мне – прозвучало имя тогдашнего тюменского авторитета – иди, говорит. Всё равно ходишь как чума... А пацаны поняли... не могу я без неё... – язык его уже заплетался, – она мне сразу сказала: никакого криминала. Видал же, какая она красивущая?!

Я кивнул, соглашаясь. Его невеста и в самом деле была очень приметная девушка: высокая, стройная, черноволосая. Помню, что я ещё тогда подумал, что вот у них-то уж точно настоящая любовь, раз уж ради неё он отказался от новенькой «девятки». Для меня в те годы машина была просто недостижимой мечтой.

В следующий раз увидел я его уже в конце девяностых. Рядом с моим спортзалом, что находился в подвале старого «хруща», кто-то выкупил на первом этаже квартиру и делал в ней ремонт. Там, выйдя из подвала, я снова его и встретил, когда он подъехал на «Газели» с нарисованной на тенте снежинкой. Увидев меня, он даже обрадовался:

– Студент! Какими судьбами?! В зал... а я вот, – кивнул он в сторону ремонтируемой квартиры, – развиваюсь потихоньку, кондиционеры продаю, сейчас все их ставят, к лету хочу здесь магазин запустить. Сезон! – он всё так же энергично взмахнул руками.

– Ну, вы как? Никого ещё не наклонировали? Динка тоже пока не рождает, но ничего, тренируемся, – он широко улыбнулся.

И снова я тогда не решился ему сказать правду о том моём «браке». Может быть потому, что интересовался он довольно искренне, и как-то неловко было ему это сообщать, мне почему-то показалось, что его бы это огорчило.

Потом я встретил его уже в нулевые, в каком-то ресторане, где мы с женою (к тому времени я всё же по-настоящему женился) праздновали трёхлетие свадьбы, а он зашёл со своей супругой. Он немного полысел и раздался, но смотрелся по-прежнему бодро и представительно. Дина тоже несколько повзрослела, но выглядела всё так же впечатляюще, в красивом белом платье и с копной длинных чёрных волос, походив на какую-то гречанку.

Увидев со мной вместо Ленки мою настоящую супругу, он удивлённо распахнул глаза, но ничего не сказал и повёл себя как джентльмен, усадив свою жену спиной ко мне, чтобы она ничего не заметила. И сам он тоже больше на нас не смотрел, только раз понимающе подмигнув мне издали, мол, бывает, дело такое...

Мне же, несмотря на весь комизм ситуации, ничего не оставалось делать, как лишь благодарно подмигнуть ему в ответ.

Затем, спустя ещё несколько лет, я увидел их с супругой на странице какого-то местного глянцевого журнала, где рассказывалось о праздновании хануки в Тюмени. Вероятно, он всё же помирился с роднёй, раз уж ходил на их еврейские праздники.

И вот на прошлой неделе я встретил его снова, когда вечером, возвращаясь от своего товарища, проходил через парк. Там в парке он и сидел на скамейке, прихлёбывая из стоявшей рядом бутылки.

Честно говоря, если бы он меня не окликнул, сам бы я вряд ли его узнал, так он изменился. Худой, в морщинах, со сгорбленными плечами, по сути, передо мной сидел настоящий старик. Я даже вздрогнул, до того он не был похож на себя прежнего, всегда весёлого и темпераментного.

– Студент... сколько лет...

Мне показалось, что и голос его тоже изменился, став тихим и каким-то надломленным.

– Да ты не пугайся, – усмехнулся он, заметив моё замешательство, – Я это, я... присядь, выпьешь со мной? – протянул он мне чуть початую бутылку «Джемисона».

Почему-то я сразу послушно выпил.

– Ну, как жизнь семейная? Детей завели?

– Дочка...

– Хорошо... А у меня никого. И Динки моей нет больше, в сентябре схоронил, – он снова отхлебнул и протянул бутылку мне. – Помяни...

– Как же так? – опешил я. – Я же вот вас с ней в журнале видел... у евреев... на празднике...

– Ну, да... – глухо протянул он, – еврей... она ж всё в Израиль хотела съездить, к корням, видать, тянуло, надоели Мальдивы всякие... Я нам в прошлом году путёвки взял – неделю в Эйлате на море, неделю в Иерусалиме. Она там всё обошла. Все святые места, всё. Так ей понравилось, давай, говорит, сюда ещё раз приедем. Даже в Стену Плача записку воткнула, хочу, мол, через год сюда вернуться...

Его голос дрогнул, и он поспешно глотнул виски.

– Так и вышло. В августе мы оттуда приехали, а в мае у неё рак нашли, такой только в Израиле лечится, вот мы ровно через год снова туда и приехали... как она и заказывала... – он глотнул и передал бутылку мне. – Там в онкоцентре, в Тель-Авиве и померла... неоперабельная, сказали...

Разошлись мы с ним, когда уже в парке начало темнеть.

– Ну, давай, студент, может, свидимся ещё.

– Давай. Слушай, а ты вообще как? Может, помочь чем?

Он устало помотал головой.

– Деньги есть у меня... много. Я же бизнес продал, мне сейчас на три жизни хватит. Толку, правда...

Домой в тот вечер я пришёл довольно пьяным, немало удивив этим супругу, я редко так напиваюсь. Кое-как объяснив ей, что встретил старого знакомого, я отправился спать...

Правда, несмотря на выпитое, сразу заснуть мне не удалось, всё чего-то ворочался, да думал, думал...

Я вот не знаю, почему наш мир так несправедлив. И почему неплохой, скорее всего, человек, всю свою жизнь любивший только одну женщину, вынужден так страдать. Я не знаю, и никто, по всей видимости, не знает. Так уж всё неправильно у нас устроено, кто-то там наверху за нас решает, сколько мы пробудем с тем или иным человеком. Жаль его, а что тут поделаешь?

И я уже засыпал, когда мне вдруг подумалось, что, может, лучше уж такая судьба, чем за всю свою жизнь так ни разу по-настоящему ни в кого и не влюбиться...

ПОЭЗИЯ

Анжела БЕЦКО

ЧЕХОВСКИЕ МОТИВЫ

Произведения публикуются в авторской редакции

1. Фирс

Постой,
 хмельная моя эпоха...
Которым веком живу?
 Назад!
Туда, где глухо,
 туда, где плохо,
где рубят,
 рубят вишневый сад!

От репетиций
 до революций
один кровавый
 и верный шаг...
Они не слышат,
 они смеются –
а вишни рубят...
 аж стон в ушах!

Лопахин
 делает дело ловко:
сметлив, прожорлив...
 Обречены
мы вместе с садом.
 У них подковки
на сапожищах
 еще с войны!

Они –
 не новые дровосеки.
Не новый
 рубят вишневый сад.
Застряли где-то
 в минувшем веке,
и щепки те же
 сюда летят...

...погодь, хромая...
 свечу затеплю...
неможно к Богу так сразу
 из
кровищи...
 камень в ладони?
 хлеб ли?
я раб Твой Божий,
 забытый Фирс...

2. Дом на продажу

а дом никак не продается
в подагрово-вишневый сад
врос
в полушаге от колодца
в колодце
стынет звездопад
и всё – никак не продается

кто удосужится купить
одноэтажное сиротство
приют старух
что просят пить?

воды пригоршня
капля солнца
и жизни там где жить –
не место
и бледным шлейфом
по весне
при розовеющей
луне
бредут горбатые невесты

но дело даже
не в пейзаже
с подагрой
дело не в тоске
и сырости и сквозняке
а в том
что не осмыслить даже

что дом
никак... всё всё что кроме
с трудом
трюмо
три венских стула
сидел
весь Ярославль и Тула
седел
почтенный книжный шкаф
старик
отдался за бесценок
без книг
и оголил простенок
ушел
буфет с посудой домик
для пчел
и только дом никак

пустые
черные поля
худые
палки-тополя
кому – родство
кому – уродство

а дом совсем не продается
как Родина
и как земля

* * *

*На землю яблоко падет.
Григорий Поженян*

На землю яблоко падет.
Ньютон откроет тяготенья —
души к душе —
в одну сплетенья —
и что-то вдруг произойдет,
и в мир ворвется,
как капель,
и станет спящее
бессонным,
и станет мелкое
бездонным,
и станет лишним
слово «мель»,
и невозможным —
умереть
в час завязи плода и роста...
И будет все легко и просто.
Лишь надо
яблоку
созреть...

Падалица

маме

засмущалась	рыба птица зверь —
тихо закачалась	я твой плод
спрятала стыдливое лицо	созревший
и фатой цветущей увенчалась	кем-то назван яблоком
приняла заветное кольцо	пусть будет
понесла —	ничего
не то чтоб горделиво —	падалица
в первый раз в неведомое ты	падалица
может быть приснилось это диво	наземь больно падать
робкие размытые черты	с древа Твоего
нет	
похорошела	
округлилась	
налилась	
тяжелая	
теперь в теле разлилась	
Господня милость —	
дух ли голос	

Снег наоборот

шел снег и вечером, и днем.
шел ты и женщина чужая.
шел снег, едва соображая,
что хорошо идти вдвоем.
и это знает каждый школьник:
«три» образует треугольник.
а снег не знал, он просто шел
на красный, желтый и зеленый,
по зебре, клумбам и газонам,
рождая рой пушистых пчел:
когда зима еще вначале,
нет места мартовской печали.
снег плыл – и вы за ним – шаг в шаг, –
доверчивые, тихо плыли –
и все пространство украшал,
из мягкой серебристой пыли
лепил пейзаж, но так непрочное,
как лепят из папье-маше:
не надо снегу о душе,
зато муляж выходит точный.

и вдруг споткнулся, вверх шагнул –
внутри забилося что-то птичье –
свалился, встал и отряхнулся,
потом чему-то усмехнулся
и в небо темное рванул,
забыв про возраст и приличья,
смешно и глупо, невпопад!
с земли потоком в небо хлынул!
такой зимы не знали зимы,
такому снегу каждый рад:
проспект, бульвар и сонный дворик,
а больше всех – бессонный дворник...

в окошко девочка глядела,
как снег летел, летел, летел
и выпасть в небе так хотел,
что темнота вокруг редела
и отступала к фонарям –
к танцующим и мутным пятнам.
и очевидным, и понятным
все было в мире.
и не зря...

и снег летел, как человек
любленный, выпорхнув из тела,
и ты летел, как этот снег,
и рядом женщина летела.

ПРОЗА

Виктор ХМЕЛЁВ

Дорожные страсти

Рассказы

Садись, бабуля!

Эту мизансцену на площадке городского автобуса построила сама жизнь. Она же срежессировала коротенький спектакль – при аншлаге на сидячих местах, одиночных с одного бока и сдвоенных с другого. А сверх того – с несколькими фигурами в проходе, держащимися за поручни.

Пока действие не началось, каждый занимался самим собой.

Веселый карапузик на коленях молодой мамы громко, по-детски картавя, тренировался в счёте, начиная от единицы... Парень в кожаной безрукавке рассматривал, развернув перед собой, глянцевые страницы журнала. Рядом с ним аккуратная дамочка с аскетичной ниткой пробора в черных волосах и коричневой сумочкой на коленях, сидя подчеркнуто прямо, демонстрировала то ли выучку, как поклонница аэробики, то ли просто боролась с привычкой сутулиться.

Всё было мирно, если не считать шумливой парочки влюбленных. Парень сидел у окна. Девушка, стоя рядом в наклон, одаривала его время от времени быстрым поцелуем, что-то горячо нашептывала, после чего оба разражались громогласным хохотом. Короче, вели себя с той позамимствованной у Запада раскрепощённостью, что вошла в моду у наших молодых, якобы «продвинутых», – выходить на публику со своими чувствами «неглиже». Миловаться на виду у всех – «И пусть весь мир подождёт!». Не замечая, что мир уязвлён таким подсматриванием, словно бы в замочную скважину.

Гибкая девица была в белых кроссовках, атласных штанах в обтяжку до икр, с тонким золотистым орнаментом по чёрному полю. Загорелое тело едва прикрывала сиреневатая майка-маломерка, именуемая в модноречии топом. К тому же с открытой шнуровкой через всю спину. Над правой лопаткой проступало на коже плеча голубоватое пятно татуировки. Дополняли портрет солнцезащитные очки в причёске, похожей на белые встопорщенные перья.

Дружок, находящийся тоже в раннем совершеннолетии, сидел колом, длинношей, худощавый. Был экстравагантен под стать подруге: в цветастой косынке, повязанной на голове туго, с ниспадающим из-под неё сзади длинным хвостиком русых волос. В просторной синей футболке на выпуск, узких шортах до колен.

Говорливый пацанчик тем временем, дойдя благополучно в счёте до десяти, сбился на тринадцать... пятнадцать...

– Тебе, сынок, только деньги считать, – источая добродушие, пробасил солидный бородач-тяжеловес, стоявший рядом, и сразу стал похож на терпеливого к шалостям внуков деда.

Ответ счастливой мамы загнула очередная порция дурацкого хохота. Осталась на виду только улыбка.

Бородач повернулся к возмутителям спокойствия, но без раздражения. В лёгком взгляде читались сочувствие и даже благосклонность.

Пока автобус медленно одолевал пробку из-за дорожных работ, время от времени покатываясь вперёд, я попытался определить амплуа этого пожилого господина при бороде, в серой толстовке, с висячей сумочкой-барсеткой.

Простак? Нет, бери выше. Благородный отец семейства. Некто из заслуженных пенсионеров, продолжающих трудиться на любимом поприще. И вот возвращается домой, а машину, чтоб не украли из гаража, держит на стоянке. Между прочим, клобук и ряса при такой роскошной растительности и благодушии смотрелись бы в самый раз.

Есть же люди, думалось, чей возрастной ценз не тускнеет с годами. Резец времени, беспощадный к другим, на таких работает, как выражаются медики, «органосохранно» – не трогая ни густоты волос, ни твёрдости кожи. Лишь округляя, укрупняя черты. Да сдабривая шевелюру и бороду благопристойной сединой.

Этот как раз был из таких счастливиц, сохраняющих и на верхних витках жизни свой шарм.

Наконец, лязгнув дверцами, автобус остановился.

Гибкая дивчина, оборвав смешок, резко чмокнула приятеля в губы, пошла на выход. На нижней ступеньке повернулась, поиграла пальчиками: «Пока-пока!» И скрылась, чтобы тотчас, как в сказке, словно ударившись оземь, вернуться обратно. Но уже в образе старой женщины. Из культурных. В серой мохнатой кофте, болтающейся, как на плечиках, с бусами поверху, и румянцем, наведённым на морщинистые щёки. В белой матерчатой кепке-шляпке в крупных синих горошинах, с буклями морковного цвета – она тянула на роль комической старухи. И уже высматривала, блеклоглазо сияя, с некоторым усилием отжимаясь на ступеньках: где бы присесть... Прошагала тем же путём на тонких ногах – к добру молодцу в косынке. Тот, сразу заскучав, вильнув затылочным хвостиком, отвернулся к окну.

Теперь все были в сборе.

В салоне дали свет. Впереди на дороге заструились двумя потоками огни машин. Красные, топовые – ускользящие, белые – встречные.

И вот первая реплика.

– Молодой человек! – требовательно напомнила о себе старая женщина прокуренным голосом, говоря в затылок, как в микрофон. – Не соблаговолите ли уступить место даме?

Парень откинулся. Оценивающе помедлил. И вдруг озорно прокричал:

– Всегда пожалуйста! – дурачась, подставил собственные колени. – Садись, бабуля!

Женщина отпрянула. По её бормотанию можно было понять, что больше всего она оскорблена за «бабулю».

И тогда случилось неожиданное, как налёт пчелы. «Отец семейства» откуда взялась прыть, сделал два крупных решительных шага навстречу и на легкомысленные колени в шутку плюхнулся сам. Да ещё притиснул молодого, обхватив спинку сиденья руками.

– Ты чо! – заорал тот, выпутываясь из бороды. – Пусти! – и забился, задёргался, весь напрягаясь освободиться. Но не тут-то было. Поняв тщетность потуг, обречённо затих.

– Вот, любезные, – забасил в публику, привлечённую шумом, «отец семейства», – раньше ездил на чём приходилось. На лошади... на комбайне в страду. На гусеничном вездеходе у геологов. В войну на танке... Но на таком вот молодом нахале в бабьей косынке, честное слово, еду впервые. И покачался: «Хорошо сидим. А?..»

Нет, получалось больше всерьёз.

Парень всё так же смотрел вбок, налитый краской то ли от злости, то ли от стыда.

Тут снова лязгнули дверцы, и отпущенный молодой кавалер опрометью, с позором бросился на выход, знаменуя собой наказанный порок. Комичная старушка, севшая на отвоёванное место, стало быть – торжество добродетели.

Некоторые стали расходиться. Кто-то заметил: «Было бы на пользу...» «Отец семейства» занял исходную позицию, как ни в чём не бывало. Прямосидящая дамочка, поймав его взгляд, вскинув руки, беззвучно поаплодировала.

«Снято! – мог бы сказать режиссёр. – Дублей не будет». А я подумал: остроумными бывают не только слова, но и поступки.

Феминистка

В «гармошке», наречённой по-иному «папа с мамой», – час прилива, а потому теснота. В моём одноместном закутке меняет за окном свои декорации городской осенний пейзаж. Впереди на спинку сиденья опрокинулся веер роскошных русых волос. Залюбоваться можно. Но отвлекает, вдвигаясь сбоку, премиленькая чёрно-белая мордашка, торчащая из жёлтой плетёнки. Намереваюсь существо погладить, но сумка в чьей-то полной руке нервически дёргается, оставляя ни с чем. Подняв голову, вижу владелицу – пожилую даму в зелёном берете, глубоко, по последней моде, натянутом на уши. Под ним – нечто брыластое и нелюдимое. Спыхватываюсь, намереваясь подняться:

– Садитесь, пожалуйста...

Но дама в зелёном берете тычком в плечо как припечатывает.

– Сиди, кавалер! – в голосе пренебрежение и насмешка. Чем-то я не угодил.

– Успокойтесь, – говорю. – Я бы не причинил вашей кошке вреда.

– Вреда! – она передразнивает, ещё более возбуждаясь. – Только поспей, не возрадуешься!

Вот так выверт! Выражаясь шоферским языком, завелась с пол-оборота. Женская сварливость – как зубная боль. И нет ничего позорнее для мужчины – вступать в перепалку. Молчу. Роскошный «веер» сдвигается:

– Он вам место уступил, – говорит обладательница, по виду – студентка, – как джентльмен, а вы хамите. Нехорошо!

– Тебя, расфуфыра, не спрашивают! – выпаливает скандалистка, – Не сплясывай! – и переиначивает на свой лад: – Джентльмена! Видали мы таких джентльменов... На свалке... Зубы на полке, а туда же!.. – ей словно бы нравится привлекать внимание. Гремит без стеснения:

– Доживёшь до моих лет – узнаешь! Заступница!

В голове догадка: задержали пенсию, вот и кидается на всех. А может, просто мужененавистница? «И не оспаривай глуща...» Но помимо воли тоже начинаю вибрировать. Вскликаю:

– Что она может узнать? Что?! Про окончательную победу феминизма в отдельно взятой стране? За кордоном женщины пресекают на корню любое мужское внимание, услугу. В ресторане, если с кавалером, платят за себя... Уничтожают в себе женщину. Вы из таких?!

– Чего разорался? – она как-то сразу успокаивается. Очевидно, довольна, что вывела из себя.

В самом деле, мечу бисер...

– Уже замолчал, – говорю. Начинаю пробираться на выход, роняя напоследок:

– Из уважения к вашему возрасту.

Что тут опять поднялось! Переполох в курятнике!

– Смотрите-ка, какой уважительный! – кричал «зеленый берет» вдогонку. – Ой, не могу! Да ты на себя посмотри! Кавалер на один раз... пописать! Иди, иди! Заоглядывался. Не испугалась!

Правильно оскорбительное замечание подхватывает дружный хохот. Пока пробирался, по сторонам озвучивалось:

– Был бы мужик помоложе, не орала бы.

– ...руками, вишь, блудил...

- Да ну-у...
- Вот те ну...
- Эй! Что там? Кошелёк украли?
- Ой-ой! Какие мы нежные, и полапать нельзя!
- Вам, хомякам, только бы лапать!
- Ага! За запрещённые места!

Снова гвалт и ржачка. Кое-как выпадаю. В окнах движение, как в обезьяннике. Пальцы не попадают в петли. Достала-таки... Феминистка. Выскочил за три остановки до дома. За что опозорила? Но истина открылась в беседе с приятелем. Он выслушал и говорит:

– Видишь, поосторожнее надо с дамами замученного возраста. Все они тогда феминистки. Ты к ним с добром, а у них своя мелодия в голове. Вот и случилась оратория, – скаламбурил он и объяснил:

– Мой тесть тоже уступил как-то место пожилой тётке, а та давай орать на весь троллейбус: «Старуху нашёл! Да я помоложе тебя буду! У самого песок сыплется, вот и сиди!»

Всего измерзавила. С тех пор тесть зарёкся... Я тоже почему-то зарёкся...

«Ку-ку»

Когда же это привязалось? Да вот, как вступил в возраст. Но точно – до встречи с цыганкой. Однако не из тех, что расхаживают у базара веселой гурьбой в своей униформе: мужской пиджак поверх цветастой юбки, да пристают к прохожим.

Цыганка – вполне культурная на вид, ну прямо артистка из театра «Ромэн», лет тридцати пяти, в элегантном кожаном сером плаще...

Я шел мимо остановки «Спортивный сквер», занятый невеселыми мыслями о свалившемся нездоровье: плечо, расшибленное зимой на гололеде, ноет по ночам, не дает спать. Не трещина ли?

Вдруг женский возглас сзади:

– Мужчина!

Оборачиваюсь. Она самая. Интеллигентная. С девочкой за руку. Видимо, дочерью. Слышу:

– Мужчина, извините, можно Вас на минуточку?

Подходит и вежливо так, но ошеломительно вопрошает:

– Вы верующий?

Что можно ответить в наш век постатеизма? Только пожать плечами.

– Крещеный?

Тоже мимо. В отличие от многих других новообращенных. А сам думаю: к чему это? Неловко как-то.

Спрашивает, знаю ли, где церковь? Советует участливо поставить свечку, так как меня кто-то сглазил.

Вот так новость! Бред какой-то. Неудобно даже.

– Да-да... Почками маетесь...

Однако ничем себя не выдаю, благодарю за соображение, но решительно разрываю возникшую сенсорнику, ухожу, не слушая, что доносится вслед. Нет, не ругательства, как обычно. Про сердце что-то да позвоночник...

Надо же, думаю, в культурной упаковке, а из тех же, приставучих, алчущих раскрутить на денежку. Но тихой сапой. Тоже мне экстрасенщица!

Вот если бы она про плечо... Да вдобавок – про самое забавное, как разные предметы затевают со мной игру в прятки – тут я бы её сразу и заважал. С непредсказуемыми последствиями.

А так, если и сглазили, то незловредным, веселым, хитреньким глазом.

Вот на днях слышу: в кухне выключился электрочайник. Пошел заварить чай, массажную щетку оставил, где был, – в ванной на полке перед зеркалом. Возвращаюсь, щетки нигде нет. Назло искать не стал.

Или с часами. Прихожу, часы снимаю с руки, кладу в коридоре на холодильник. Точно! Облачаюсь в халат и – к телевизору... А там как раз проверка времени, сигналы пошли. Я – к часам. Бац! Часов как не бывало. Спрятались! И, думаете, где? В кухне возле хлебницы. А я туда и не заходил. Ну и ну!.. Щетка – в корзине с бельем...

Про комнатные тапочки уж и не говорю. Вечно одна залезет под журнальный столик, а другой нет и не предвидится. Очки постоянно провозируют на розыск. Один раз, поверите ли, спрятались даже... на лбу. Ужас! Насмешка природы.

Короче, стало меня это бытовое мелкое хулиганство слегка занимать. Уж не один ли я такой?

Как-то раз, будучи проездом в Екатеринбурге, решил повидаться с другом студенческих лет. К сожалению, уже вдовцом. Дочка его, программистка, давно замужем, живет в той же «хрущевке». Но отдельно. Одарила батю со временем званием неоднократного деда. А сам он – крепкий орешек. Почитатель бега трусцой и зимнего купания.

Ну, обрадовались, обнялись. Засиделись до глубокой ночи. Тех вспомнили, иных помянули...

– Ты уже четырежды дед, – говорю. – В наше время это почти орденосец.

Смеется.

– Дома-то – само собой, – отвечает. – А вот на улице... Вчера один встречный шкет кричит: «Дед, дай закурить!» Не поверишь, полоснуло, как серпом по... шее. Какой, отвечаю, сморчок, я тебе дед? Дед с берданкой на бахче сидит. Вот у него и спроси!

– Улица зрячая, без сантиментов, – замечаю. – Чем наречет – то и носишь. Дед так дед. Привыкать пора.

– Так-то оно так, – соглашается друг, – Стареем... – и загадочно улыбается, – Но не всё изнашивается. Не всё... Тут под боком одна актриса живет. Ха-ха... Мозги у тебя набекрень. Не то, брат... Бывшая. В прошлом месяце справила свой юбилей. Спрашиваю, что же она чувствует в свои девяносто лет? Да, да – девять десятков ровно! Голубчик мой, отвечает, не поверите ли, все желания да помыслы – как в молодые годы. Всё живое и горячее, не побоюсь этого слова, – девичье. Вот так. Но заключено, говорит, в ржавый, скрипучий, неподъемный каркас. Ни рукой как следует ухватить, ни ногой двинуть. И ждет, говорит, своего часа освобождения из этой тюрьмы... Но господь пока миловал...

– Ты понял? – вскричал друг. – Это душа! Я-то гордился... Но у всех так! Поспрашивай. Вот даже в девяносто лет. Не стареет! Молода! Не это ли доказательство её внеземного происхождения? А?..

Тут я возьми и ляпни не совсем к месту:

– Слушай, Петр, а вещи от тебя, случаем, не прячутся?

– Вещи? – он не понял. – Какие вещи? Мои? Я что... ку-ку?

Я стушевался прямо по Достоевскому. Но тему развивать не стал...

Утром – комедия. Стоим в коридоре одетые. Я с дорожной сумкой в руке спешу к рейсовому автобусу. Он торопится к девяти на службу. Но обыскались ключей, выйти не можем. Один замок – ничего, а другой, внутренний, уперся, как злой вахтер. И подчинится только ключу.

Исследовано, казалось, всё – шкафы и шкафчики, ящики и ящички. Выдвигаемое и поднимаемое. В комнате и на кухне. Все закоулки, углы, плинтусы. Стол, за которым сидели, и под ним. Осмотрены ванная и туалет...

Нервничаем оба. Если ещё потянуть с десятков минут – опоздаем! Он – на службу, чего, я заметил, ему остро не хочется. А мне придется кантоваться на автовокзале до вечера.

В коридоре – пустая вешалка в виде прутьев, припиленных к стене, стойка для обуви, полированная тумба... Вот и все убранство.

По тому, как друг перебирал домашние тапочки и ровно укладывал их, я понял: у такого аккуратиста ничего не должно пропадать. И вот, поди ж ты, как испарилось. Загадка!

– Проклятье... – бормочет друг, снова подходя к тумбе. Стучит ладонью по верху, – Я положил их сюда. Хорошо помню. И не брал. Значит, что?.. – смотрит пытливо.

Я улыбаюсь. Ответ напрашивался сам собой, готовый сорваться с губ: «Спрятались!»

– Ты, что ли?.. – он понимает по-своему. Вижу, весь напрягся.

– Запомни, – говорю, – на такие дембельские штучки я не способен. Тем более время поджимает.

Но вдруг пронзает отчаянная мысль: «А если?..» Спешу в комнату, плюхаясь коленями на палас, волнуясь, перетряхиваю манатки. Сумку для верности опрокидываю, трясую. Выпадают... ключи.

На звяк он заскакивает в момент, воззряется коршуном. Глаза квадратные.

– Да мои это! Мои! – рывкаю я. – На хрена, скажи, мне твои прятать?

Сразу доходит. Вот так всегда: подавай взрывную эмоцию. Рывкнуть надо – тогда верят.

– Ну, сам посуди, – говорю миролюбиво. – Зачем мне ломать комедию?

Не отвечая, друг проскальзывает в комнату. Звонит по телефону. То ли в аварийную службу, то ли на работу – предупредить. А может, дочери, за вторым комплектом ключей?

В полной безнадеге минуты текут скучно, по-сиротски... Воздеваю очи горе:

– Боже! За что же ты нас покарал?!

И вдруг меня начинает разбирать беззвучный смех.

– Кончай звонить, несчастный! – кричу. – Сюда! Быстро! Это что?

Ключи, те самые, искомые, один длинный с бородками, другой короткий, плоский, висели вверху у нас над головами – на крючочке металлической дуги, ограждающей вешалку. И будь то в мультике – давились бы от хохота, показывая на нас пальцем.

– Не понимаю, – удивлялся друг, снимая ключи, – как они тут оказались?

– Как-как... – тут уж я не преминул позлорадствовать. – Спрятались. Ку-ку!.. Поздравляю! И ты, Брут...

Расстались с настроением. Много ли человеку надо для радости?

ПОЭЗИЯ

Мария БОЧКАРЁВА

Не буду просить прощения

Не буду просить прощения – Долго плыть мне против течения; Мне – одной!	От тепла я там не растаю, Много очень я повидаю Стран,
Можно одежды сбрасывать, Танцы свои отплясывать Вместе с волной.	Потому что речушка вскоре, Говорят, что впадает в море И в океан.
Я – налево, она – направо; Несмертельная будто забава Эта для нас.	Там на волны ложится глянec, Там начну я последний танец Своего пути.
Может, так будет лучше, Что меня не вынесет к суше Сейчас.	А потом, когда зыбь отпляшет, Моим голосом бездна скажет: «Прости»...

Раскраска

Пленительный и красочный костёр –
В раскраске дней рисуется узор,
Мазками утренних рутин и сладких снов.
Так новый мир, рождаясь с чистого листа,
Дарует истину, которая проста,
Когда в нём умножается любовь.
Какой бы краской ни пленилась жизнь моя,
Она отнюдь не устаёт от бытия,
Взметая вихри чувственных объятий...
И бесконечно ночь собою день сменяет,
Луна растёт и снова убывает...
В душе моей всё меньше белых пятен.

Стена

Обои её прикрывали, От глаз чужих защищали. Теперь штукатурка видна: обнажена стена.	Смотрит, белея, от страха, едва дыша стенная голая душа.
--	--

Весна

Словно сливочное, тающее под солнцем мороженое,
теплее, когда делаешь то, чего не должен.
Сижу встревоженная, взвинченная до предела
эмоциональными хлопотами, подходишь смело.
Я к тебе не готова, уставшая, сухая,
как лимонная шкурка, выжатая,
бормочу бессвязно тусклые фразы.
Мямлю на вопрос «как дела?» – «Не знаю».
Хозяйство, зараза,
доконало,
устала я, исчезаю.
Как в кино, наступает вечер,
массируешь плечи. Свечи
горят. Лицо в ладони берешь, целовать нежнее...
я забыла, как это, без груза на шее,
когда нет уборки, стирки, глажки...
балуемся ночь напролёт, звонко щебечут пташки,
прогоняя остатки сна.
Весна.

Море

Взрослые любят море. Подходят к нему и вскоре
Плавают у берегов, без лишних слов.
Но глубже не погружаются, не решаются
Даже заплыть за буйки. Чудаки!
Не знают, что в море растворяется горе,
Вторят: «Купаться опасно ужасно,
Не смей! Себя пожалей...»
И сами боятся, и другим не дают раздеваться!
Им страшно пойти в глубину,
Прикоснуться к песчаному дну,
Говорят: «А я лучше засну
На песке, вдалеке
От безмерного дна,
Где так сильно не плещет волна...»
Ни капли не жалко, не знают,
Что море тоже скучает
Век от века
По человеку,
В котором
Историй море
Звёзд, ракушек и нитей судьбы.
Поплескались. Поговорили бы...

Конфетти

Битым стеклом на поляне блестят в траве конфетти...
Убегу в лёгком платье босая, отпусти меня, отпусти.
Хлопну дверями рая, волосы распушу.
Знать тебя больше не знаю и узнавать не хочу.
Много воды с первой встречи, рек и ручьёв утекло...
Молилась и оставалась, желаньям своим назло...
Вязала узлы, пыталась сплести разноцветный узор:
Свидание, прогулка ночная и при свечах разговор...
Пойдем танцевать со мною под жёлтой фонарной луной?
Нарисуешь узоры хною? Доверчиво лягу спиной.
Обнимаю и счастье струится, взаимности жду не дыша.
Словно редкая дикая птица, замирает в объятьях душа.
Утетишь словами сердце? Склонюсь на твоё плечо...
Но тебе не хочется греться, не мечтается ни о чём.
Не ощущаешь намёков. Ни холодно, ни тепло.
Мне с тобой одиноко. В одиночестве тяжело.
Оставлю платья и шляпы в мятной чернильной мгле.
Уйду в мир любить и плакать, ступая по грешной земле.
То острые камни, то реки. В лазури – небесная песня!
Время создаст человека, которому я интересна.
Если меня отвергаешь, как оставаться? Прости.
Битым стеклом на поляне блестят в траве конфетти...

Монах

На каменистом плато в горах
Оранжеворясый сидит монах,
Полуулыбка в его глазах,
Губы слегка изогнуты.
Поведай мне, служитель Бога,
Какая впереди дорога,
Невзгод так оказалось много.
Как долго ты живёшь без комнаты?

Ветра и ливни в твоей власти?
Как управляешься с ненастьем?
Кто выдаёт права на счастье,
И, что ещё важней, когда?
Ты, не используя сандалии,
Огромный путь прошёл? Едва ли
Ты не спасался в одеяле,
Когда тебя насквозь пронзали
Холода.

Такая жизнь-существованье
Очистила твоё сознание?
Какие тайные желанья
Тебя вели к такой глуши?
В моих краях под фонарями
Земля завалена снегами,
И заедают пирогами
Отчаянье и злость души.

Ты странник... Или Будда, может?
Неясность эта рвёт и гложет.
И мне сейчас всего дороже
Трава, примятая тобой.
И хоть я из другого теста,
Возможно ль? Сядем рядом вместе,
Без доказательств моей чести,
Без оправданий, мольб и лести,
И просидим лет триста-двести,
Чтоб просто обрести покой.

Переезд

В серых тучах чуть неба просинь.
Ноябрь. Тёплая осень,
Снежная грязь.
Грузчики вещи носят,
Двери держать не просят,
Хрипло дышат, слегка матерясь.

Коробки, пакеты, коробки.
Небоскребы и небоскрёбки
В лоне грузовика...
Как по-новому жить, не знаю.
Куда я переезжаю?
Неудобная ведь такая
оказалась
слегка...

Оглянусь из такси вослед.
Где была я –
там
больше
нет.

Две двести

Там, где не ступала босая нога,
высятся горы куском слоёного пирога;

где облака поют свою песню снегам,
люди катятся с острых вершин, подобно богам;

где горячий глинтвейн варят с вином из кизила,
высота в две двести – могучая хищная сила.

Ветром сдувает с ресниц архиснежную пыль,
мысли уходят, теряясь, в горную быль.

Зима свирепствует даже июльским летом,
негде, увы, примоститься безумным поэтам.

Там, где в ошибках себе тяжело признаваться,
Что остаётся?
Мёрзнуть и целоваться.

ПРОЗА

Мила РОМАНОВА

КАРТОШКА ИЗ МАРТУНИ

На севере Армении, недалеко от озера Севан, в Гехаркуникской области, есть городок под названием Мартуни. Говорят, там растет удивительно вкусная картошка...

Мы познакомились с Гагиком, когда он пришел делать ремонт на балконе моей квартиры. Среднего роста, грузный, с копной черных с проседью волос, он сначала показался мне нелюдимым и даже немного странным. Мне нечасто до этого приходилось общаться с армянами, но те, кого я знала, были веселыми, шумными и гостеприимными. Гагик разительно отличался. Говорил коротко, мало и только по делу. Улыбался редко. И вообще, мне показалось, что он живет с какой-то болью внутри, но сам не хочет в этом признаться.

Через неделю знакомства он стал мягче в общении и все-таки рассказал мне о своей семье. У него была жена и две дочери, которых он безумно любил. А еще – большая семья жены, которая тоже жила в нашем городе. О своих родных говорил сухо:

– Умерли родители. Семья брата живет в Армении. И дед. Младший брат моего деда. Больше никого.

А потом наступил праздник 9 Мая.

В этот день Гагик позвонил и сказал, что приедет, чтобы полностью закончить работу с моим балконом. Я предложила отдохнуть в этот день – праздник ведь. Но он сказал, что уже договорился о новом объекте, поэтому непременно нужно сегодня. И я согласилась.

Работы оставалось немного, и он закончил её уже к обеду. Мы рассчитались, и Гагик собрался уходить, как вдруг в мою дверь позвонили.

– Привет! А мы праздновать пришли!

В дверь влетела моя маленькая племянница Рита, а следом за ней зашел мой брат с женой и старшей дочерью. Наша Рита – удивительная девочка. Она чувствует хороших людей и всегда тянется к ним. Вот и сейчас она подскочила к Гагику:

– Я Рита! А как тебя зовут?

Ее глаза сияли, излучая такую непосредственность и чистоту, что хмурый обычно Гагик улыбнулся:

– Меня Гагик зовут.

– Отлично! Значит, будем дружить! – ответила девочка.

– А я предлагаю пойти за стол и всем вместе отметить праздник! – предложила я и повернулась к Гагику. – Давайте с нами!

Он улыбнулся и кивнул головой в знак согласия.

Потом мы долго сидели за столом: пили чай и армянское вино, много разговаривали и даже пели военные песни. А еще вспоминали своих родных. Тех, кто не вернулся с войны.

– Мой дед не вернулся, – начал свой рассказ Гагик, – его призвали в самом начале войны, а последнее письмо пришло в феврале сорок вто-

рого. Из-под Керчи. Там бои шли сильные. Больше мы ничего про него не знаем.

– А как звали твоего деда? – спросила я.

– Мисак. Мисак Арапетян, – ответил, вздохнув, Гагик.

– Сейчас я попробую тебе помочь, – я взяла в руки телефон.

– Помочь мне? Как? Как это возможно? – удивился он.

– Все очень просто. Есть такой сайт отличный. Называется – «Память народа». Там есть данные на всех военнослужащих. Думаю, и на твоего деда данные есть.

– Чудеса, – только и сказал он.

Я действительно быстро нашла информацию на сайте. Там было указано, что рядовой Мисак Арапетян одна тысяча девятьсот сорок второго года рождения пропал без вести в феврале сорок второго. А еще была копия заявления, которое бабушка Гагика писала в военкомат с просьбой прояснить судьбу мужа. Сверху на заявлении решительной твердой рукой было написано: местонахождение не установлено. Предположительно – погиб.

А потом он долго рассказывал о своем детстве. Об отце, который умер очень рано. О маме, которая осталась вдовой и всю жизнь жила одна. Впрочем, как и бабушка, мама отца, которая тоже жила вместе с ними. И после того, как дед пропал без вести, так и не вышла больше замуж. Еще он рассказывал про то, что в краях, где он вырос, растет удивительно вкусная картошка. И каждой осенью при сборе урожая они делали пур. В переводе с армянского это значит «печь». А на самом деле это костер из коровьих лепешек, в котором пекли ту самую картошку.

– Вкуснее, чем она, я в жизни ничего не ел, – закончил он, а потом вдруг добавил, – нужно поехать в Керчь. Панихиду отслужить по погибшему деду.

Я не успела ничего ответить, как вдруг подала голос маленькая Рита. Дочь брата до нынешнего момента тихо собирала пазлы в углу.

– Не надо панихиду! – вдруг отчетливо сказала она.

– Почему? – мы все повернулись к ней.

– Дедушка жив! – сказала Рита утвердительно.

Но кроме этих слов, более ничего. Попытки расспросить ребенка, почему она сказала именно так, ни к чему не привели.

Возможно, эта история так бы и закончилась, если бы через день Гагик снова не позвонил мне. Его голос был взволнованным, а речь, на удивление, многословной:

– Мила! Я тебе сейчас такое расскажу! Ты не поверишь!

А дальше последовала та самая история, которая случилась тридцать лет тому назад.

Оказывается, после нашего разговора девятого мая, Гагик решил позвонить своему двоюродному деду, чтобы рассказать, что нашел информацию о судьбе его брата на сайте «Память народа». А в ответ услышал...

– В сентябре семьдесят второго года в Мартуни был большой урожай картошки. Мы подумали и решили повезти ее в Россию, продать. Нужны были деньги для моей семьи. Да и твой отец недавно умер. Семья осталась совсем без средств. Вот мы все вместе и решили, что я поеду в Россию продавать картошку. Долго думали куда, в какой город. А потом сосед наш, Горик, сказал, что ездил в Иркутск раньше, и там все удачно продавал. Вот я и решил – поеду в Иркутск!

Нашел там знакомых. Спартака Арутуняна сын в Иркутске жил. Спирался с ним и поехал. И правда, поездка удалась. Я за неделю почти все продал. Стоял на рынке последний день.

Дело шло уже к вечеру, а у меня осталось килограмм десять непроданной картошки.

Сижу я, значит, за своим прилавком, думаю.

– Барев дзез! – вдруг слышу. Поднимаю глаза.

Стоит передо мной мужчина. Лет шестьдесят. Волосы почти все седые, одет прилично. Вроде бы армянин, но поговору – русский.

– Барев дзез! – отвечаю. – Откуда, земляк?

– Я не земляк, – отвечает он, – у меня друг армянин, вот и меня научил.

Смотрит на меня, улыбается, а глаза грустные-грустные.

– А друг откуда? – спрашиваю. – Из какого города?

– Друг был... – не договорил он, а затем спросил. – А картошка твоя откуда?

– Из Мартуни. Слышал про такой городок в Армении? У нас самая вкусная картошка.

– Слышал, – сказал он как-то тихо.

А потом взял клубень картофеля, понюхал и вдруг прижал к щеке. На мгновение закрыл глаза, а потом вдруг решительно сказал:

– Давай мне десять килограмм!

– А у меня как раз десять и осталось! – весело ответил я.

– Ну, тогда вот деньги! – он протянул мне пятидесятирублевую купюру. По тем временам – очень большие деньги.

– Но это много! Сейчас тебе сдам, – начал я торопливо искать смятые купюры в кармане.

– Не нужно. Ответь мне лучше на вопрос. Ты в Мартуни давно живешь?

– Всю жизнь. Я родился там.

– А Мисака Арапетяна семью знаешь?

– Конечно. Это же мой старший брат. А зачем тебе?

Он немного помолчал, потом добавил:

– Друг это мой был. Хотел узнать, как его семья живет.

– А-а, друг. Пропал он без вести на войне. А жена так и осталась одна.

Сын Арарат вырос, женился. Жаль, болел сильно. Умер недавно.

– Арарат умер? – как-то задумчиво спросил мой собеседник.

– Умер, да. Два сына остались без отца.

– Беда, – только и сказал он, а потом добавил, – я сейчас отойду, а за картошкой вернусь.

Но он не вернулся. И больше я его не видел.

Когда я приехал в Мартуни, сразу пошел к твоей бабушке и рассказал ей про эту встречу. Она достала старые фотографии и показала мне. Я почти не помнил старшего брата. Ведь когда он ушел на фронт, я был совсем маленьким. На фото ему двадцать семь. Но когда я присмотрелся, понял, что человек, который подходил за картошкой в Иркутске, удивительно на него похож...

– Мила! Что делать? Скажи! Как его найти? – в голосе Гагика слышалась мольба, так не свойственная мужчинам. В особенности армянским.

– Гагик, послушай. Прошло почти тридцать лет. Кого ты собрался искать? Может, это просто совпадение. Может, это действительно был друг твоего деда. А если даже это был он, почему брату не признался? Допу-

стим, не мог. Действительно, в те времена было очень сложно. Дезертирами и предателями считали даже тех, кто ими не был. Но ведь потом, когда Союз развалился. Может, его уже в живых не было? – я пыталась быть убедительной. Однако...

Нужно знать армянских мужчин. Временами они бывают невыносимы. И непреклонны.

– Я буду его искать! – твердо заявил он.

– Как?

– Еще не знаю. Но буду. И ты мне будешь помогать. Это ведь ты нашла информацию о нём на том сайте.

Я обреченно вздохнула и мысленно пожалела о той минуте, когда предложила Гагику найти в сети информацию про его деда.

– Ладно, Гагик. Так и быть, – согласилась, – давай я напишу эту историю, и мы поместим ее в газеты города Иркутска. В статье укажем твой телефон. Вдруг кто и отзовется.

– Мила, спасибо! Ты мне как сестрѐнка! Спасибо, – кричал в трубку он.

Я снова вздохнула. В мои планы не входило приобретение нового родственника. Тем более я хорошо понимала: человек на эмоциях.

Честно говоря, в успех этой затеи верила с трудом. Однако заметку написала и отправила в несколько иркутских газет с просьбой напечатать и помочь человеку в поиске.

В заметке был указан сотовый телефон Гагика. А еще, лично от себя, я написала так:

«Если вам что-то известно относительно этой истории, позвоните, пожалуйста, по указанному телефону и скажите пароль: «Картошка из Мартуни».

И потекло время ожидания. Сначала неделя, потом вторая, потом третья. Время шло, но ничего не происходило. Я сама не поняла, как втянулась в эту историю и теперь регулярно названивала Гагику с вопросом:

– Ну как?

– Пусто, – грустно отвечал он.

Я снова написала в газеты и попросила еще раз напечатать нашу историю. И мне снова пошли навстречу.

За это время я вдруг решила разыскать всю информацию о двух своих дедушках. Один погиб под Прагой, уже после победы, в мае сорок пятого. Дважды кавалер ордена Красного Знамени. Второй – вернулся домой героем. Но каждый раз, слушая раскаты весенней грозы, вспоминал штурм Кёнигсберга. И то, что из ста пятидесяти человек в подразделении в живых осталось только трое.

Я думала о том, что участие в шестивии «Бессмертного полка» в День Победы есть самое малое из того, что я могу сделать для памяти моих родных. И для наших потомков. Чтобы память жила, вдохновляла и предостерегала.

И еще я часто думала о судьбе Мисака Арапетяна. Что случилось тогда, в феврале сорок второго под Керчью? И действительно ли в Иркутске брат видел его?

Двадцать первого июня, вечером, Гагик снова позвонил мне:

– Можно я зайду? – спросил.

– Заходи. Новости есть?

– Нет новостей. Наверное, ты права была. Тридцать лет прошло...

- Ладно, заходи.
- Вина армянского принести?
- Нет. Лучше абрикосы. Они мне очень нравятся, – ответила я.
- Лично я люблю картошку, – вздохнул он.

А потом мы сидели на кухне и пили чай. Сидели молча, говорить было не о чем. Я понимала, почему он пришел ко мне. Ведь кроме меня его затею с поиском деда никто не поддержал.

Сами собой, как волны, накатывали мысли о хитросплетении человеческих судеб и о том, как удивительно я оказалась втянута в судьбу человека, которого никогда не видела, и настоящую историю жизни которого никогда не узнаю.

– Завтра двадцать второе июня... Восемьдесят лет с начала большой войны, – задумчиво проговорила я.

– Да. Большого горя для всех людей. Почему люди так быстро забыли эту войну? – спросил Гагик, глядя куда-то в сторону.

- Люди, увы, склонны забывать, многое забывать, – ответила я.

И в это время у него зазвонил телефон.

- Алло, – ответил он.

Я продолжала пить чай, но от следующей фразы, которую услышала, чуть не захлебнулась...

- Что? Что вы сказали? Картошка из Мартуни? Кто?! Кто ты такой?

Он путался в словах, заикался и кричал в трубку. По щекам бежали слезы, которые он не успевал смахивать.

И это было так удивительно наблюдать, как сильный мужчина позволил наконец-то себе стать слабым. Чтобы принять себя и свою боль. Чтобы узнать правду.

- Кто это был? – тихо спросила я, когда разговор закончился.

– Мой дядя, – так же тихо ответил он, – дедушка умер пять лет назад. И перед смертью рассказал сыну все. И как контузило его в феврале сорок второго, и как память пропала, и как документы в госпитале перепутали. Вернулся на фронт уже с другим именем и другой судьбой... Я все узнаю. Все, как было. И обязательно тебе расскажу, сестрёнка! Спасибо тебе за все. За то, что вернула мне деда. И память. Я теперь перед тобой в долгу. Что хочешь проси.

– Ладно, – улыбнулась я, – когда поедешь на родину, привези мне вашей знаменитой картошки. Так хочется попробовать!

ПОЭЗИЯ

Алексей СТЕПАНОВ

Два берега одного города

Строчки, строчки, буквы, точки
Друг за друга заплелись,
И словами с рифмой строчки,
Как душою налились,
Закорючками разлились
На рассказ волшебный мой,
За листочек зацепились
Паутинкой голубой!

И летят уже по Свету,
Из-под белого пера,
Неизвестные секреты
И волшебные слова...
Что вам сказка эта вложит,
Не осмелюсь я сказать,
Может, мудрость, глупость, может,
Это вам уже решать!

На земле большой долины,
 В окружении лесов,
 Там, где воды речки синей
 Между белых городов,
 Белокаменные стены
 На высоких берегах,
 Словно шапкою из пены,
 Покрывают облака.

И живёт народ долины,
 Крепок духом и силён,
 Честный и трудолюбивый,
 Лишь рекою разделён.
 А когда-то стены эти
 Были городом одним,
 Правил им из лета в лето
 Царь премудрый – Никодим.

Златоглавый правый берег,
 Колокольный перезвон,
 Православной славной Веры
 Возвещает Славу он!

Камень красный на дорогах,
 И резные терема,
 И лошадки на подковах,
 Словно звон в колокола.

Левый берег тоже красен
 Царским расписным дворцом,
 Медью, золотом украшен,
 Жемчугом и серебром.

На холме стоит высоком,
 Весь на солнышке блестит,
 Ежедневно, ровно в полдень,
 Пушка царская палит,

Приглашая всех на рынок
 Торговаться, торговать...
 Хороводы из корзинок
 Снова будут заполнять.
 Но не только красотой
 Славен улиц город тот,
 Никодим своей женою
 Восхищал всегда народ.

Словно ночь при ясном небе,
 Словно солнечный закат,
 Бога чудное творенье,
 Озарил прекрасный взгляд.
 Волос по плечам стекает,
 Словно горная река,
 И улыбка белоснежной,
 Чем вершинные снега.

И на зависть всем посольствам
 Чужеземных городов
 Был тот город славен войском,
 Самым сильным из миров,
 Стрелы лучников и пушки,
 Конных всадников щиты
 В мире крепче всех и лучше,
 И гроза любой страны!

Проживали люди в счастье,
 В блеске золота монет,
 Гроз не зная и ненастья,
 В протяженье многих лет.
 Но на блеск и звон монеты,
 Как на сладкий мёд пчела,
 Враг слетался, и в соседях
 Зависть чёрная жила!

Клятва днём у них здоровьем
 В дружбе, верности, любви,
 Ночью же паучьим роем
 Козни разные плели.

И вынашивали планы
 Кровью город тот залить,
 Чтоб коварством и обманом
 Никодима победить.

Но на счастье Никодима
 Благоверная жена
 Родила ему два сына,
 Чудных два богатыря!
 Были радость и веселье,
 Миром всем гулял народ,
 Песни, танцы две недели,
 Две недели без хлопот.

Фейерверки и хлопушки,
 Яркий звон колоколов,
 Громкий грохот царской пушки,
 Смех артистов и шутов!
 Пушка каждый час палила,
 Созывая всех к столу,
 И вино рекою лили
 За Илюшу и Фому!

Но в угаре и в веселье
 Враг не спал, замыслив зло,
 И, как страшное похмелье,
 В город сей пришло оно.
 Загудела вся Столица,
 Слухом полнится она,
 Что похищена Царица,
 Никодимова жена!

Нет уж в горнице народа,
 В центре плачет Никодим,
 И Никита-Воевода,
 Весь в слезах стоит за ним.
 Десять дней они искали
 Миром царскую жену,
 Пропустить могли едва ли,
 Обыскали всю страну.

Никодимовы шпионы
 Направляют письма:
 «Заглянули за все троны,
 Но не найдена она!»
 Только «Чёрный лес» остался,
 Ход в который запрещён!
 Ведь никто не возвращался
 Из него, был проклят он.

В том лесу живёт колдунья,
 Никодимова сестра,
 Проклиная от полудня
 Всех на свете до утра.
 Зависть жгучую питает
 К брату сводному в душе
 И от зависти сгорает
 Много лет она уже.

Огорожена бурьяном,
 Топями и колдовством.
 Охраняет Истуканом –
 Старым скрюченным столбом
 Свои чёрные деревья
 И деревьев тех плоды.
 Их хранит усердно ведьма,
 Вкус, как у морской воды.

Те плоды сжирает ведьма,
 В полнолуние каждый раз,
 Обретая тем бессмертье
 И дурной, поганый глаз,
 Не стареет год от года,
 Сила вся её в плодах,
 Злость и брань – её природа,
 Ужас и смертельный страх!

– Я возьму, – сказал Никита, –
 Дюжину богатырей
 И дорожкой, что закрыта,
 В Чёрный лес пойду скорей!
 Не осталось в мире места,
 Потаённого от нас,
 Только в чарах злого леса
 Всё скрывается от глаз!

– Нет, я сам пойду за нею, –
 Поднял Никодим копьё, –
 Может, ведьма пожалеет,
 Всё-таки я брат её!
 Не могу на смерть отправить
 Я тебя, мой верный друг!
 Но Никита возражает:
 – Если что случится вдруг?
 Кто же будет нами править,
 С кем оставишь сыновей?
 Должен я от зла избавить,
 И Царицу, и людей!
 В глушь отправишься лесную –
 Лучше сделаешь врагу!
 Не грусти, авось, верну я
 Твою бедную жену!

Выстроили храбрых воинов
 Перед золотым дворцом...
 «Кто из вас, сынов достойных,
 Может справиться с врагом?
 Дюжину героев нужно!» –
 Обратился Никодим.
 Шаг вперёд шагнули дружно
 Все солдаты, как один!
 Выбрали из них двенадцать,
 Первых, кто в строю стоял,
 Царь с дружиной попрощался,
 Крепко каждого обнял.
 И в опасную дорогу
 Их перстом перекрестил:
 «Отправляйтесь, братцы, с Богом,
 Я вас всех благословил!»

И пошли они двенадцать,
 С Воеводой во главе,
 С тёмной силою сражаться,
 Самой лютой на Земле.
 Но уже неделя, месяц,
 Вот ещё сто дней прошло,
 А из Чёрного из леса,
 Не вернулся так никто...

Никодим чернее тучи,
 Ходит кругом по дворцу,
 Потерял людей он лучших
 И любимую жену.
 Было кинулся в дорогу,
 Но увидев сыновей,
 Зарыдал он на пороге
 И вернулся к ним скорей.

ПРОЗА

Наталья БОРОДКИНА

Рита

Старый троллейбус со скрипом и скрежетом медленно тащился по своему обычному маршруту. На остановках его двери хищно распахивались, как пасть какого-то гигантского чудовища, и заглатывали всё новых и новых пассажиров.

Рита каждый вечер возвращалась с работы на этом троллейбусе. Ехать нужно было долго, на другой конец города. Всё, что проплывало за окнами, было знакомо и привычно. Вот здание театра, трогательное в своём старомодном величии. За ним огромное, сверкающее синими панорамными окнами, современное здание банка. Дальше – белоснежный храм с потускневшей от времени позолотой на куполах. Ничего нового. В городе вовсю хозяйничала роскошная янтарно-рубиновая осень. Но даже это празднество красок не могло отвлечь Риту от тягучих, печальных мыслей.

Всего лишь через месяц ей исполнится тридцать шесть. Время подвести кое-какие итоги. Вот именно, кое-какие. А вернее, никакие. Живёт с котом на съёмной квартире и вряд ли когда-нибудь будет иметь собственную, с её-то зарплатой старшего библиотекаря. С мужем расстались два года назад. Детей у них так и не случилось. Да ничего в её жизни хорошего не случилось. Ничего. Думала, что Сергей тот самый, единственный, за которым как за каменной стеной, который будет любить, оберегать и жалеть.

– Ну-ну, – одёрнула сама себя Рита, – начиталась любовных романов, дурочка, а в жизни всё оказалось совсем по-другому.

В их жизни почему-то очень скоро не осталось места для романтики, нежных объятий, поцелуев. Она даже сразу не поняла, когда, в какой момент они стали совершенно чужими людьми. Десять лет её жизни будто провалились в какую-то бездонную чёрную яму. Она изо всех сил пыталась вытащить оттуда хоть что-то хорошее и не могла. Из всех чувств, которые ей вспоминались, самым главным было всепоглощающее чувство одиночества, которое она испытывала рядом с Сергеем в последние годы их совместной (а совместной ли?) жизни.

Они существовали словно в параллельных вселенных. Вместе завтракали, вместе ужинали, вместе спали, но каким-то непостижимым образом были каждый сам по себе. Футбол, телевизор, компьютер – вот всё, что интересовало Сергея. За десять лет он не прочёл ни одной книги. Его друзья так и не стали её друзьями, а подруги Риты только раздражали Сергея. Никаких общих интересов, никаких общих тем для разговоров. Между ними пролегла пропасть, которая с годами становилась всё шире и глубже.

Рита с горькой иронией подумала о том, какая же это чушь, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Ни её борщи, ни её пироги не удержали мужа. Да и она, надо честно признаться, в последнее время не очень-то и старалась. Что-то надломилось в ней. Появилось ощущение безысходности, бессмысленности происходящего.

Она даже сходила к психологу, хотя для этого ей пришлось сделать просто невероятное усилие, если не сказать насилие, над собой. Психолог с важным видом изрекла, что это семейная проблема, и ей необходимо видеть их обоих с мужем. После долгих колебаний она сказала об этом Сергею, но тот посмотрел на неё, как на сумасшедшую, и как отрезал: «Я не псих. Тебе надо, ты и ходи».

Умом она понимала, что нужно спасать отношения, семью, а сердцем чувствовала, что спасать нечего. Их просто нет – ни отношений, ни семьи. Даже ссоры их были какими-то вялыми, безжизненными. Они замолкали, так ни до чего и не договорившись. Сергей считал, что после работы он имеет полное право на отдых, ведь его вклад в бюджет семьи гораздо более значителен, чем вклад Риты. Рита, конечно, тоже имела право на отдых, но только после того, как сделает всю работу по дому. Она с самого начала так сильно старалась быть хорошей женой, хозяйкой, что даже не заметила, как постепенно вся домашняя работа стала её работой. Это даже не обсуждалось: должна, и всё тут.

Её размышления прервали крики кондукторши. Эта могучая, как ледокол, пышногрудая дама теснила к выходу тщедушного очкарика, не желавшего надевать медицинскую маску.

– Не положено без маски, пандемия! – хрипела на весь троллейбус кондукторша.

– Ваши требования незаконны, вы нарушаете мои конституционные права, – пищал очкарик.

– Постановление главы города, – парировал неумолимый ледокол, – надевай маску или высажу!

– Не имеете права! – настаивал на своём вцепившийся в поручни очкарик.

– Выходи. Пока не выйдешь, не поедем.

Рита отвернулась к окну и встретилась глазами со своим бледным, размытым отражением. Каждое утро она видела это лицо в зеркале, и оно ей настолько не нравилось, что хотелось побыстрее проشمыгнуть мимо, чтобы не видеть этих огромных печальных глаз, этих уныло опущенных уголков губ, едва заметных тоненьких лучиков морщинок и ранних, пока ещё редких, седых волос на висках. Она никогда не считала себя красавицей, но лицо её с правильными чертами, тонким, прямым носом, увенчанное копной длинных тёмных волос, вполне можно было назвать миловидным и даже утончённым.

Давно ли эти карие глаза искрились радостью и непоколебимой верой в то, что в жизни её ждёт только хорошее? Как же всё это случилось с ней, почему, а главное, за что? Ни на один из этих вопросов у неё не было ответа.

Вынырнуть из глубокого омута этих тяжёлых размышлений Риту заставил шум у дверей троллейбуса. Там завязалась настоящая потасовка. Это законопослушные граждане в медицинских масках, желавшие поскорее ехать домой и, видимо, не читавшие конституцию, пытались вытолкнуть из троллейбуса несчастного очкарика. Битва была неравной, и исход её был предрешён.

Рита вздохнула и отвернулась к окну. Её взгляд скользнул по длинному ряду наскоро сооружённых разномастных столиков, за которыми бабушки торговали щедрыми дарами осени. Пузатые тыквы, огромные перезревшие кабачки, жёлто-рыжие кучки опят, совсем ещё белобокая

клюква и брусника. Чего тут только не было! Но взгляд её внезапно как будто на что-то натолкнулся. Это была пожилая женщина, продававшая книги. Рита даже не сразу осознала, что привлекло её внимание. Женщина эта была поразительно похожа на её маму. Мама умерла в тот самый год, когда они разошлись с Сергеем, всего лишь на год пережив отца. Сердце Риты гулко стукнуло, а потом будто покатило куда-то вниз.

Двери троллейбуса, злорадно выплюнув очкарика, размахивавшего какой-то книжицей, видимо, конституцией, с лязгом захлопнулись, и троллейбус покатил дальше.

Образ промелькнувшей в окне женщины, похожей на маму, всколыхнул в душе Риты целую бурю чувств. Это была и обида на мать, больше любившую младшую сестру Катю; и злость на Катю, которая категорически не признавала её прав на часть родительского дома; и презрение к бывшему мужу, не только не ставшему ей опорой, но и путём каких-то хитрых юридических манипуляций лишившему её доли в их совместной квартире; и страх перед будущим, которое казалось ей ещё более унылым и беспросветным, чем прошлое; и ощущение полного тупика и невозможности что-то изменить в жизни. Но какую-то особую, изощрённую боль ей причиняло непроходящее, чудовищное, выжигающее её изнутри чувство вины перед матерью.

В последние годы мама, жившая с Катей в небольшой деревне в трёхстах километрах от города, тяжело болела. Некогда дородная, пышнотелая женщина, Варвара Семёновна буквально таяла на глазах. Рита редко навещала родных. Тягостно ей было в родительском доме. Мама никогда её ни в чём не упрекала, но её укоризненный взгляд был хуже любых упреков. А сестра Катя не трудилась выбирать слова для редкой гостьи: «Явилась, не прошло и полгода. Благодетельница ты наша! Надо же, сколько всего навезла. Откупаешься деньгами да подарками, а я тут одна бьюсь с больной матерью». Катя со временем всё больше и больше становилась похожа на мать – крупная, статная, голубоглазая, светловолосая. И, пожалуй, её можно было бы назвать красавицей, но как только Катерина открывала рот, очарование мгновенно рассеивалось. Крикливая, всегда раздражённая и всем недовольная, она производила впечатление злобной старой девы, какою, впрочем, и являлась.

А ведь права, права была сестра. Но что Рита могла поделать? Работа, дом, муж, да и силы уже не те, что в восемнадцать лет. Так и умерла мама на руках у Кати. Приехав на похороны, вместо сестринских объятий, – ведь общее горе, казалось бы, должно объединять, Рита получила от сестры такую жёсткую отповедь, что даже растерялась:

– Налетели стервятники, что, наследство приехали делить? А где вы были, когда я тут одна мучилась с лежачей матерью? Деньги посылали? Да что нам с ваших денег? Мама всё спрашивала перед смертью: «Ритка когда приедет? Ритка не звонила?»

Сергей тогда не стал выслушивать гневную речь Катерины. Он, молча развернувшись, сел в машину и уехал, предоставив Рите самой решать свои проблемы с родственниками. Их отношения к тому времени уже совершенно разладились.

Риту опять больно кольнуло это «Ритка». Думала, привыкла к тому, что мама всегда называла младшую сестру Катюшей, а её Риткой. Оказывается, нет, не привыкла, да и можно ли привыкнуть к тому ощущению

нелюбви, которое Рита испытывала в семье с тех пор, как себя помнит. Мама и папа с утра до позднего вечера работали на ферме. «Может, эта бесконечная, тяжёлая работа сделала их такими чёрствыми?» – оправдывала Рита родителей. Папа иногда брал Риту на колени и гладил её по голове. Жалел.

Рита была старше Кати на 7 лет, и ей очень рано пришлось стать и нянькой для сестры, и кухаркой, и огородницей. Да и скотины было немало: куры, гуси, свиньи. Мама не позволяла себе никаких нежностей, по крайней мере, по отношению к Рите. А вот с Катей всегда была ласкова и снисходительна к её шалостям: «Младшенькая же она, поскрёбьш». Как-то так и повелось в семье, что всё лучшее Катюше.

Папа иногда пытался восставать против такого порядка вещей, но мама всегда решительно и властно подавляла эти робкие попытки. Главной в семье была мама, и папа даже не пытался это оспорить. Ему так было даже удобно. Иногда, пропустив рюмочку-другую, папа пытался стукнуть кулаком по столу, но тут же затихал от одного сурового взгляда мамы. Слишком уж разные у них были «весовые категории». Папа, Степан Васильевич, был высок, но худ, костист и жилист. Несмотря на то, что он был очень силён, силу свою применял только в мирных целях и отличался особенной добротой, которая распространялась не только на людей, но и на животных, и на растения, и на всё-всё-всё.

Если нужно было зарезать кролика или курицу, приглашали соседа – дядю Валдиса – огромного, жизнерадостного эстонца, отца многочисленного, шумного и шkodливого семейства. Тёмные глаза и волосы у Риты от отца, да и худощавая фигура тоже досталась ей по наследству от него. А ещё – спокойный, податливый характер и мягкая, почти вкрадчивая манера говорить.

Все эти мысли тяжело копошились в голове Риты.

Объявили её остановку. Рита, очнувшись, поспешно рванулась к двери троллейбуса. Ух, успела! Чуть не проехала. Теперь, как всегда: супермаркет, какие-нибудь полуфабрикаты быстрого приготовления для себя и корм для Тришки. Так она назвала своего кота, которого когда-то подобрала на улице ещё котёнком, – жалкого, дрожащего на промозглом осеннем ветру, охрипшего от крика, с разорванным ухом и распухшими от слёз глазами. Теперь это был вальяжный котиче с белоснежной, лоснящейся шерстью, шикарным пушистым хвостом, торчащим, как перископ подводной лодки, и совершенно невыносимым характером. «Что поделаешь, видимо, стрессы, испытанные в детстве, не проходят даром и у животных», – подумала Рита.

О его тяжёлом прошлом теперь напоминал лишь розовый шрам за ухом. Оба они были бездомными и никому не нужными. И это чувство никому ненужности их объединяло и почти роднило. Поэтому они прощали друг другу маленькие слабости: Рита прощала Тришке изодранный его когтистыми лапами диван, вывернутую из цветочных горшков землю, а он прощал ей то, что она иногда не успевала вовремя его покормить или поменять наполнитель в лотке. В общем, между ними было полное взаимопонимание. Ну, или почти полное.

Подходя к своему дому, Рита привычно взглянула на два окна на третьем этаже. Зачем? И так понятно, что света в них нет, потому что её никто, кроме Тришки, не ждёт, а тот прекрасно обходится и без света.

Рита накормила Тришку, наскоро приготовила ужин. Она всю жизнь готовила для кого-то. Готовила много, вкусно и с удовольствием. А теперь готовить для себя одной ей почему-то совсем не хотелось. Поужинав совершенно безвкусными котлетами из супермаркета, Рита уселась на диван с книгой, а Тришка свернулся клубочком рядом с ней и, уснув, по обыкновению стал похрапывать, как настоящий мужичок. «Ну что ж, – сонно подумала Рита, – хоть какая-то душа живая» и завела будильник.

На следующий день Рита возвращалась с работы как обычно, тем же маршрутом, но что-то неуловимо изменилось. Сначала она не могла понять, что. Те же осенние пейзажи, разве что листьев на деревьях стало ещё меньше, те же дома, те же остановки. Другая кондукторша? Нет, не это. Ах, вот оно что... Она поняла, что с каким-то странным, необъяснимым волнением ждёт ту остановку, где видела женщину, как ей тогда показалось, похожую на маму. И когда троллейбус остановился на этой остановке, Рита, подхваченная внезапным порывом, неожиданным для неё самой, вышла на этой остановке, хотя ей нужно было ехать ещё две.

Женщина, продававшая книги, была на месте. Рита медленно подошла к её столику и, не поднимая глаз, стала рассматривать книги. Они были не новые, некоторые даже изрядно потёрты. «Не библиотечные ли?» – настороженно подумала Рита и, просмотрев несколько книг наметанным взглядом библиотекаря, поняла, что нет.

– Что вас интересует? – тёплым грудным голосом спросила женщина. Рита взглянула на неё и поняла, что ошиблась. Никакого сходства с её мамой не было. Хотя... глаза, да, глаза – в молодости, видимо, ярко-голубые, а сейчас как будто выцветшие. И такие же лучики морщинок, и глубокая вдовья складка на переносице, да крепкая, статная фигура. Вот, пожалуй, и всё сходство. На женщине было старомодное, потёртое, но чистое аккуратное пальто и драповый берет. На вид ей было лет шестьдесят–шестьдесят пять.

Рита никогда не покупала книги, ведь она работала в библиотеке и могла взять почитать любую.

– Что предпочитаете, классику или современную литературу? – ласково улыбаясь, спросила женщина. И Рите почему-то захотелось что-то купить, просто чтобы сделать приятное этой улыбчивой женщине. Она выбрала небольшую книжечку Пауло Коэльо и спросила:

– Сколько стоит?

– Триста.

– Триста? – переспросила Рита

– Дорого, да? Ну, возьмите за 200, – засмушалась женщина, – это от мужа осталось, всю жизнь собирал эти книги, а я вот...

– Триста так триста, – сказала Рита, расплатилась и взяла книгу.

– Спасибо вам большое, – сказала женщина, – дай вам Бог здоровья и хорошего мужа.

Рита обескуражено уставилась на женщину.

– А с чего вы взяли, что я не замужем?

– Так вот след у тебя ещё остался от обручального кольца, – женщина внезапно перешла на «ты», но это почему-то нисколько не смутило Риту, – видно, недавно с мужем-то разошлась, да и не торопишься никуда, значит, одна ты, не ждёт тебя никто.

– Ну почему же, – усмехнулась Рита, – меня ждёт кот Тришка.

– А что ж деток-то у тебя нет, милая?

– Нет, – вздохнула Рита.

– Ничего, будут, обязательно будут.

– Да от кого рожать, где они, мужики-то эти? Хоть бы одного встретить настоящего, которому и детей родить не страшно, – Риту как будто про-рвало, – пьяницы, лентяи, альфонсы.

– Ну что ты, милая, встретишь ты ещё своего суженого, и всё у тебя будет хорошо. Ты только не отчаивайся, верь, и всё будет: и дом, и муж, и детки.

И так уверенно и убедительно говорила эта женщина, что Рита на какое-то мгновение вдруг поверила, что так оно и будет. И поверила так вдохновенно и безоговорочно, что чуть не задохнулась от нахлынувших чувств. Это была не просто вера, а какое-то яркое, почти осязаемое предощущение счастья; что-то давно забытое и в то же время такое новое, непривычное, что Рита не сдержалась и заплакала. Стыдясь этих неожиданных слёз, она наклонилась, сделав вид, что копается в сумочке, укладывая туда книжку, а слёзы предательски катились и катились по щекам, стекая прямо в сумочку.

– Поплачь, дочка, поплачь. Плакать не стыдно, а иногда даже нужно, – как сквозь вату услышала Рита и, присев на ближайшую скамейку, дала волю слезам. Она, всегда такая сдержанная, привыкшая скрывать свои чувства от окружающих, сидела и беспомощно плакала перед этой совершенно чужой женщиной, которую она видела первый и, может быть, последний раз в жизни.

– Тебя как зовут-то, дочка? – спросила женщина, присаживаясь рядом с Ритой и обнимая её за плечи.

– Ри-та, – задыхаясь и всхлипывая, ответила Рита.

– А я Анна Савельевна. Вот и познакомились.

Рита долго плакала, всхлипывая всё тише и тише, и, наконец, успокоилась, вытерла живописно размазанные по лицу чёрные слёзы, вздохнула полной грудью и, поднявшись со скамейки, поблагодарила женщину:

– Спасибо Вам, Анна Савельевна.

– Да за что?

– За книжку, – улыбнулась Рита и ещё раз облегчённо вздохнула, – пойду я.

– Иди, иди с Богом, дочка, а то твой Тришка тебя заждался, – закивала Анна Савельевна и украдкой перекрестила удаляющуюся спину Риты.

Рита не заметила, как прошла оставшийся путь до дома. В её душе воцарился удивительный покой. Она дышала полной грудью и не понимала, что с ней происходит. Всё вокруг неуловимо изменилось: прозрачный, уже пахнувший зимней свежестью воздух будто вибрировал вокруг неё; шуршанье листьев под ногами звучало умиротворяющей музыкой; запах прихваченных лёгким морозцем бархатцев приятно щекотал ноздри. Темнело, зажглись фонари и превратили маленький сквер, через который проходила Рита, в загадочное сказочное царство. Лица людей уже не казались ей измученными и уставшими. Она улыбалась, и ей улыбались в ответ. Краем глаза Рита заметила, как несколько мужчин, глядя на неё, заинтересованно оглянулись. Всё это было так ново и необычно, что она стала тихонько напевать что-то бессвязно-радостное. И ей захотелось пуститься вприпрыжку, скорее – туда, где ждал её пушистый, тёплый домосед.

На следующий день Рита уже без колебаний сошла на знакомой остановке.

Её как магнитом тянуло к этой славной женщине, проявившей такое живое добросердечное участие, что хотелось рассказать ей обо всех своих бедах.

Теперь Рита каждый день виделась с Анной Савельевной, иногда даже покупала у неё какую-нибудь книгу. Они подолгу разговаривали. Анна Савельевна рассказывала о своей жизни, о дочери, внучке и сыне, живущих в далёком Мурманске, о том, как ей их не хватает. С дочерью Светланой и внучкой Дашей видятся раз в год, а с сыном Алексеем и того реже. Он старпомом служит на военном корабле. Уж который год бобылём живёт, скоро сорок, а он всё один. Жена ещё терпела, когда он уходил в плавание на пару месяцев, но когда однажды ожидание затянулось на восемь месяцев, подала на развод, не захотела больше ждать. Это надо особый характер иметь, чтобы быть женой моряка.

«Интересно, – подумала Рита, – а я смогла бы столько ждать? Конечно смогла бы, я бы смогла ждать любимого сколько угодно».

«Человек не должен быть один, человеку нужен человек, от одиночества душа съёживается и каменеет, – горестно сетовала Анна Савельевна, – раньше дети жили с родителями, а теперь, едва оперившись, стараются вырваться на волю, подальше от родителей, их советов и опеки. А цена этой свободы – страшные ошибки и одиночество, ведь их дети тоже оставят их, своих родителей, в погоне за счастьем».

Анна Савельевна рассказывала о том, как не сложилась жизнь её дочери, которая вышла замуж второпях, вопреки воле родителей, не получив их благословения, потому что они уже тогда понимали, что её жених человек пустой и ненадёжный.

«Удивительно, – вдруг вспомнила Рита, – мои родители так же предупреждали: мама говорила, что он эгоист, папа – что он пустышка. А как же я так долго этого не замечала? Почему, чтобы понять то, что они увидели почти сразу, мне понадобились годы?» Рита вспомнила, как на свадьбе, глядя на Сергея, лихо отплясывавшего с её подругой, мама печально сказала: «Ох, и намаешься ты с ним, Ритка!» Так и вышло – намаялась.

Рита уже почти спокойно рассказала своей новой знакомой историю своего неудачного замужества – результата дочернего непослушания. Рассказывая, она как будто смотрела на свою жизнь с Сергеем со стороны, бесстрастно и отстранённо, как патологоанатом, препарирующий холодное тело, и не находила в душе никакого сожаления, кроме того, как бессмысленно были потрачены годы её жизни. А впрочем, так ли уж всё было бессмысленно? Теперь-то она точно знала, что больше никогда не бросится в отношения так безоглядно, так легкомысленно.

– Я, Анна Савельевна, мечтала, что у меня будет один муж на всю жизнь, а вот как вышло.

– Зато теперь ты стала мудрее, стала настоящей женщиной. Теперь ты битая. А за одного битого двух небитых дают, слышала такую поговорку?

– Слышала, – усмехнулась Рита.

– Вот моя дочка больше не обижается на меня за то, что я не одобряла этого её замужества, поняла, что мы с отцом желали ей только добра. И ты, Риточка, не обижайся на своих родителей, они тоже желали тебе добра. А любовь, что ж, любили, как умели.

- Да я уже, кажется, и не обижаюсь.
- Кажется?
- Да, не обижаюсь, – после некоторого раздумья ответила Рита.
- Вот и славно. И на сестру не обижайся. Одна она у тебя осталась родная кровиночка. Страшно это – остаться на свете совсем одному.

Возвращаясь домой, Рита думала: «Как же так получается, что мы не бережём своих родных людей и так поздно понимаем, как они нам дороги. Так поздно, что уже не можем ничего исправить? Мама, мамочка, прости меня за всё, чего я не сделала для тебя, прости мне мои детские обиды, моё непонимание, моё невнимание. Катя, как же тяжело тебе пришлось, моя маленькая сестрёнка. Всю свою молодость ты провела с мамой, а ведь тебе уже скоро тридцать, по деревенским меркам перестарок. Ничего-ничего. Что-то я ещё могу исправить, могу...»

Однажды, сойдя на привычной остановке, Рита увидела, что ни столика с книгами, ни Анны Савельевны нет. Сердце гулко бухнуло в груди. Что могло случиться? «Да что угодно», – успокаивала она себя, но чувство тревоги нарастало. Рита не знала что делать и растерянно оглядывалась по сторонам. Меж тем бабушка, столик которой всегда стоял рядом со столиком Анны Савельевны, видя растерянность Риты, спросила:

- Вы Анну Савельевну ищете?
- Да.
- Так приболела она. Вот здесь она рядышком живёт, в этом доме, первый подъезд, шестая квартира.

Поблагодарив доброжелательную старушку, Рита поспешно отправилась в тёмный подъезд с исписанными граффити стенами. Старенькую, обшарпанную дверь с номером шесть действительно открыла Анна Савельевна – осунувшаяся, бледная, но приветливо улыбающаяся неожиданной гостье.

- Это ты, Риточка, проходи.
- Здравствуйте, Анна Савельевна. Что случилось?
- Да ничего страшного, простудилась я, пора заканчивать эту торговлю, а то уже белые мухи скоро полетят, а я всё стою. Да и книги не больно-то кто нынче покупает. Прходи, у меня чайник горячий.
- У вас лекарства-то есть?
- Да есть какие-то, только я их не жалую, всё больше травками лечусь.
- Травки травками, а лекарства тоже нужны, – сказала Рита, – посмотрев скудную аптечку Анны Савельевны.

В этот вечер Рита сбегала в аптеку, приготовила наваристый куриный бульон, перемыла скопившуюся в раковине посуду. Все эти хлопоты ей, привыкшей о ком-то заботиться, были в радость. Рита и не заметила, как наступила ночь. Спohватившись, она поняла, что опоздала на последний троллейбус.

- Ну, ладно, тут недалеко, две остановки, – засобиралась Рита.
- Да что ты, – возмутилась Анна Савельевна, – оставайся, куда ты на ночь глядя? Тем более, ты сама говорила, что у тебя завтра выходной.
- Нет-нет, Тришка мне этого не простит, – засмеялась Рита.
- А ты завтра забирай своего Тришку и ко мне. Втроём-то веселее, – предложила Анна Савельевна.
- Ну что вы, неудобно, – засмушалась Рита.
- А по ночам шастать удобно? А как на лихих людей нарвёшься?

Так и решили. На следующий день Рита, взяв кое-что из самых необходимых вещей и без церемоний засунув упирающегося Тришку в сумку-переноску, отправилась к Анне Савельевне.

Тришка, оказавшись в незнакомой квартире, никак не хотел выходить из сумки. Сначала он повернулся спиной, забился в угол сумки и там нарочито громко обиженно сопел, потрясённый неслыханным вероломством Риты. Затем робко высунул голову наружу и стал удивлённо озираться по сторонам.

– Будем уважать его право свободной воли, – засмеялась Анна Савельевна, – выйдет, когда захочет. Впрочем, долго ждать не пришлось. Любопытство оказалось сильнее страха.

То ли лекарства помогли, то ли травы, то ли забота Риты, но уже через неделю Анна Савельевна была, как она сказала, живёхонька-здоровёхонька.

За эту неделю они так сильно привязались друг к другу, что обоим казалось, будто знакомы они много-много лет. Не удивительно, что у них было много общих тем для разговоров, ведь Анна Савельевна в прошлом была учительницей русского языка и литературы. В общем, сошлись два гуманитария.

Но больше всех перемены, похоже, понравились Тришке. Ему теперь не приходилось сидеть целый день в одиночестве, ожидая хозяйку. А в Анне Савельевне внезапно пробудились доселе дремавшие гены кошатницы, и Тришка, заласканный и закормленный, снисходительно принимая её нежности, очень быстро освоился в новой обстановке.

Рита вернула купленные у Анны Савельевны книги на их привычное место в книжном шкафу, на что та растроганно, с дрожью в голосе, проговорила, обращаясь к фотографии покойного мужа: «Ну вот, дорогой, почти все твои книги и вернулись».

Так и стали они жить втроём. Вечерами подолгу беседовали о жизни, о литературе. Анна Савельевна показывала свои семейные альбомы, с любовью рассказывая о родных людях. И эта любовь, как губку, пропитывала сердце Риты мягким и добрым теплом, растворяла застарелое, горькое чувство одиночества.

Приближался Новый год. Как-то незаметно вызрело в Рите и окончательно сформировалось решение – самое важное, может быть, решение – новый год она встретит с Анной Савельевной, а потом на несколько дней съездит в деревню к сестре. Убедит её в том, что не претендует на родительский дом. Объяснит, как любит её, как нужны они друг другу особенно теперь, когда остались одни-оденёшеньки на всём белом свете. Теперь Рита была уверена, что сможет найти нужные слова, и эта уверенность росла в ней с каждым днём и наполняла сердце удивительным покоем и радостью, такими давно забытыми и такими благодатными чувствами.

То, что наполняло Риту изнутри, изменило и её внешний облик. Это заметили даже её вечно перегруженные работой коллеги. Да и трудно было не заметить то спокойствие и уверенность, которые появились в её движениях. Даже осанка стала другой – Рита расправила плечи и перестала сутулиться. Были возвращены из долгой ссылки красивые яркие вещи. Волосы уложены в модную косу «колосок», благодаря которой Рита выглядела намного моложе своих лет.

Анна Савельевна с удовольствием наблюдала за этими метаморфозами и всячески их поощряла, даже подарила Рите изысканную кофточку

из натурального вологодского кружева. «Вот и обновка на Новый год», – подумала Рита, благодарно целуя Анну Савельевну и обдумывая, какой же она купит подарок своей доброй... доброй... кому? Кем стала для неё эта недавно ещё совсем чужая женщина? Она не могла это понять – настолько разнообразные чувства переполняли её. Но самым главным, пожалуй, было чувство бесконечной благодарности...

Новый год – странный праздник. Ждешь его, ждешь, и всё равно он всегда наступает внезапно – что-то всегда не доделано. Уже и бутылочка шампанского предусмотрительно вынесена на балкон охлаждаться, и подарки «секретно» припрятаны под пушистую ёлку, и салаты готовы, а всё ещё в палитру новогоднего стола вносятся какие-то последние штрихи...

Когда Рита и Анна Савельевна собрались было сесть за празднично накрытый стол, раздался звонок в дверь. Женщины недоумённо переглянулись – они никого не приглашали.

– Я открою, – сказала Рита, – и, поправив волосы, направилась к двери. Открыв дверь, она от неожиданности отшатнулась.

– Сюрприз! – из-за огромного букета цветов показались весёлые голубые глаза, удивительно похожие на глаза Анны Савельевны. Это был высокий широкоплечий мужчина в форме морского офицера. Веселье в глазах неожиданного гостя сменилось удивлением, а затем восхищением.

– Вот уж, действительно, сюрприз, – промолвил он, закрыв за собой дверь и с интересом разглядывая Риту.

– Вы кто, новогодняя фея?

– Я Рита, а вы, наверное, Алексей? Я видела ваши фотографии.

– Так точно, – по-военному ответил гость.

– Ну, здравствуй, сынок, – тихо выйдя в прихожую, лукаво проговорила Анна Савельевна, от внимания которой не ускользнули ни восхищённый взгляд сына, ни порозовевшие от смущения щёки Риты.

А из комнаты уже слышались слова новогодней речи президента...

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ОТЦОВСКИЕ ДОЛГИ

Неожиданно позвонили из Центробанка Российской Федерации. Очень вежливый сотрудник, с безупречной финансовой аккуратностью удостоверившись, что на другом конце мобильного провода – именно Омельчук Анатолий Константинович 1946 года рождения, сообщил:

– Вас, Анатолий Константинович, ввели в экспертный совет Центробанка. Готовится новая пятитысячная купюра, посвященная Уральскому федеральному округу.

– И при чём здесь я? – почти возмущенно недоумевал гражданин УФО.

Тон сотрудника стал еще более корректным, по-отцовски вразумляющим.

– Вы авторитетный знаток края, поэтому выбор пал именно на вас.

Известному знатоку, понятно, признание Центробанка польстило.

Задача моя оказалась не особо сложной, но и не простой. Я должен предложить сюжет (один-два-три) для купюры – знаковый вид на пространных Уральском федеральном округе, ландшафт-символ государственной значимости.

Мы еще не закончили разговор с вежливым куратором, а я для себя уже определился.

– Конечно же, Тобольский кремль.

Что может быть более впечатляющим? Величественно спокойный храм святой Софии в кремлевских стенах на семи холмах давней столицы Сибирской губернии. Потрясающий вид! Мощь. Мудрость Сибири. Без вариантов. Но на раздумья мне выделили времени побольше. Я задумался. Мои дети – Юля и Костя – родились в Салехарде, где я отработал радиорепортёром от звонка до звонка – двадцать лет. Бывший Обдорск-Салехард – планетарная уникальность – город пересекает черта Северного полярного круга. Так уж получилось: на планете другого такого города не отыскать. Только у России есть столь уникальный город – столица Ямало-Ненецкого автономного округа, входящего в Уральский федеральный округ. Салехард не так давно обзавелся новой замечательной гранитной стелой, которая и символизирует полярный круг. Сейчас там салехардские аборигены гуляют свадьбы, встречают именитых гостей, туристов и просто зевак со всего света, поют, танцуют и пляшут. Живое место. Сакральное. Планета особо отметила Обдорск.

Моя рука дрогнула. Я переставил Тобольск на второе место. Потом – на третье.

Когда я жил в Салехарде, из моего окна деревянного двухэтажного барака открывался невероятный вид – тундра, старая стела полярному кругу, широко здесь разливающаяся Обь и дальше, в синей дымке, горы полярного Урала – вечно заснеженные. Такой вид любых денег стоит, не только пятитысячной купюры.

В общем, не устоял тюменский эксперт перед обдорским обольщением. Да и в Салехарде я прожил, пожалуй, самые бурные годы своей молодой

жизни, годы великого отечественного нефтегазового освоения. Здесь женился, остепенился, родил детей. Родина детей, пожалуй, роднее своего родного места.

С центробанковским Игорем мы постоянно разговаривали, советовались. Кажется, мой выбор его начал убеждать. Салехардская стела Северному полярному кругу. Вид полярного Урала. Святое тобольское старинно-столичное холмогорье.

Я запечатал свои экспертные предложения-пункты в надёжный конверт и специально повез их сам в Центробанк. Оказалось, что офис Центробанка находится рядом с моей многолетней работой – конторой ВГТРК на Ямском поле.

С Игорем обсудили шансы моих символов. Он обнадежил: шансы есть – не полная безнадёга. Но позже Игорь прислал мне пять страниц убористого текста – еще 250 экспертных предложений со всех городов и весей УФО. Никакого намека на Салехард. И я понял, шансов у меня, пожалуй, нет. Либо! – около нуля.

Я не расстроился, а просто постарался забыть. Шел разгар мировой пандемии, ковид и меня прицепил. Не судьба. Прости, Обдорск.

Года два прошло. Сижу наемдни в любимом лобби-баре, пью хороший тюменский кофий, разворачиваю свежую газетку, а там извещение Центробанка с иллюстрациями. Наконец-то ЦБ России собрался с силами и пятитысячерублевую купюру родил. Вот она на цветной вкладке. Посвящена УФО. Ну-ка, ну-ка. Что-то знакомое. Да это ж моя любимая стела любимому Северному полярному кругу в любимом Салехарде. Увековечена. Выразительно. Мощно. Красиво. Монументально.

Если взглядеться, можно найти намёк на белые горы полярного Урала. Всё. Победил Салехард!

Почему ж мне мой деликатный куратор Игорь не звонил? Забегался?

Пока купюра до Тюмени не дошла. Дойдет – обязательно прикуплю сколько смогу и буду дарить-раздаривать – в первую очередь, понятно, Юле и Косте – салехардским уроженцам. С автографом. А что? Не имею права? Имею. Авторское право. Распишусь прямо на полярной стеле.

Какое-то неявное удовлетворение наступило. Долго наступало, а расшифровать сразу не мог. Потом стукнуло. Первая моя книжка – «Салехард». Её издали СУКИ – СреднеУральское книжное издательство еще в 1978 году.

Историю с книжкой «Салехард» трудно забыть. Я работаю текущим радиорепортёром «ЯмалРадио». Иногда в журнале «Урал» публикую производственно-освоенческие очерки, попадаю в коллективные сборники молодых авторов, которые выпускает СУКИ. Ничто не предвещает.

Звонит из Свердловска редактор этого издательства. Мы знакомы – Игорь Шакинко.

– Толя, выручай.

– Конечно выручу. В чем дело?

– Нас подвел один автор. Напишешь книжку про Салехард? Объем семь печатных листов.

– Ого! Неожиданно! Семь печатных?

Я прикинул: почему бы и не написать. Я в Салехарде уже десяток лет – знаю город как облупленный. Важный город. За год-полтора можно осилить семь салехардских печатных листов. Самому интересно.

- Сколько времени у меня есть?
- Четыре месяца...
- Но это же невозможно, Игорь! Только материал собирать...
- У нас план срывается. Нас расстреляют, и премия не светит.

Оказывается, уже три года назад издательство заказало главному редактору салехардского «Красного Севера» книжку про Салехард. Он согласился, всё обещал, а вчера позвонил: у него ничего не получается.

- Выручай, Толя. Иначе расстрел.

Я в лермонтовском возрасте – мне чего терять? В омут так в омут. Попробовать можно. Юле два года, Косте, пожалуй, месяц.

Да, славные случились 4 месяца. Салехард – полярная затрапеза и интеллектуальная дыра. О нём не то что книжки – приличного исторического очерка не сочинили – за все четыре столетия его существования. В местном стареньком музее кое-что отыскалось, но очень скупо. Надо лететь в Ленинград, в Москву, записываться в «Ленинку», в шикарную библиотеку ИРГО, шариться по архивам. Это – не выключаясь из текущей репортёрской работы, а молодая жена еще так жалостливо просит повозиться с малышами...

– Толя, это подвиг! – радостно звонит мне Шакинко, когда к означенному сроку я высылаю ему в Свердловск честные семь, напечатанные на редакционной машинке, печатных листов. Первая часть – «Обдорск». Вторая – «Салехард».

- Ты герой!
- Расстрела не будет? – устало интересуюсь я.
- Какой расстрел с такими героями! Будет премия и банкет.

Издательство не подвел – оно охотно и долго публиковало все книжки обязательного салехардского автора.

На ту пору это первая и единственная книга об Обдорске-Салехарде. Он хотя и был столицей национального округа, но печать отдаленной затрапезности на нем не смывалась. Заштатный, незатейливый городишко. Однако газовый Ямал набирал мощь, и книжной серии «Города нашего края» потребовался труд о старинном северо-сибирском городе. Я написал книгу о родине своих детей. Тогда я об этом не подумал, только потом догадался, что если мои дети заинтересуются своим родным городом – им далеко ходить не надо. В отцовскую библиотеку. Обязанность отца – рассказать детям об их родном городе?

В начале XXI века меня что-то надоумило: я дерзко замыслил снять серию документальных телефильмов «Полярный круг человечества». Полярный круг северного полушария пересекает немногие страны. Их всего восемь. Большая часть круга – российская. Арктика – русская судьба. Еще: Финляндия, Норвегия, Швеция, Исландия, датская Гренландия, Канада и Сибирская Америка – Аляска. За шесть лет с телеколлегами мы управились. Наверное, посчастливилось – то были годы международного дружелюбия, так что даже со спонсорами везло. В Финляндии мы сняли «Одиночество мужества» – о великом финском исследователе Сибири Российской империи, моём давнем герое Александре Кастрене. В Канаде попали в «Ловушку для снов» – известно, что американский Север в древние времена по берингоморскому перешейку заселяли, естественно... сибиряки из Тихоокеанской Азии. В Исландии провели «Уикэнд в Рейкьявике». В Норвегии нас ждала, кроме незабываемых фьор-

дов, «Платформа» в Северном море. «Холодный расчёт». «Неопознанная Гренландия» была опознана только с краешка. На Аляске мы искали «Америку, которую мы потеряли» и «Чужое счастье», на Алеутских островах и острове Кодьяк отмеривали «Рашен таймс». Русское время. «Пятая душа», «Солёный полуостров», «Восторг пространства» – это российский Полярный круг. Но самое неожиданное открытие нас ждало на озере Виви в Эвенкии. Оказалось, что нынешний географический центр Российской Федерации утыкается в Полярный круг. Тютелька в тютельку. Россия – северная страна. «Цивилизация тишины».

Славный получился полярно-кружный телесериал – редко кто удосуживается вот так пройтись по полярному краешку планеты. Всем творческим колхозом телесериала мы издали фотоальбом, который, не мудрствуя лукаво, так и назвали «Полярный круг человечества». Шикарная вещь получилась. Для редких читателей – денег хватило всего на 500 экземпляров.

И только завершив скитания по северному кругу, я вдруг осознал, что выполнил еще один отцовский долг. Родина моих детей – не только ж точка на Полярном круге, а весь он – символическая черта на земном шаре. И я рассказываю не просто о соленом Ямале, загадочном озере Виви, о тайнах пятой души древнего усть-полуйца, вожде аляскинских индейцев с сибирскими корнями, форте Россе, моем друге по человечеству Александре Кастрани – я рассказываю Юле и Косте об их земшарной родине – Северном полярном круге. Избранные. Посчастливилось.

И вот эта пятитысячерублёвая купюра с символической стелой родного Салехарда.

Бог троицу любит. «Салехард», «Полярный круг человечества». Главная российская купюра 5000 р.

Думаю, главные отцовские долги детям я отдал. Честно.

Да, Юля? Костя?

Леонид ИВАНОВ

КОНТАКТЁР ИЛИ СВЯТОЙ ЧЁРТ?

На вопросы писателя Леонида Иванова отвечает российский драматург, сценарист, художественный критик, журналист и популярный телеведущий канала РЕН ТВ Олег Шишкин – автор более пятисот статей, посвящённых современному искусству, фотографии, буддизму, ранней истории советской разведки и советским тайным обществам.

Перу О.А. Шишкина принадлежат книги «Убить Распутина» (2000), «Красный Франкенштейн» (2003), «Распутин: история преступления» (2004), «Сумерки магов. Георгий Гурджиев и другие» (2005).

Автор сценариев многих документальных фильмов.

С 2017 года ведёт документальную программу «Загадки человечества» на телеканале РЕН ТВ.

Леонид Иванов: Олег, некоторые называют Григория Распутина контактёром. Насколько эта версия правдоподобна?

Олег Шишкин: Всё-таки контактёром его называть неправильно, потому что, на мой взгляд, всё-таки он был человеком некоторых действительно выдающихся способностей, но связаны они с его невероятным талантом гипнотизёра. И возможно, что азы этого искусства, с одной стороны, у него были от рождения, с другой стороны, видимо, где-то в Сибири, возможно, даже в Тобольске он брал какие-то уроки, а потом брал их уже в Петрограде. И его контакты с неким гипнотизёром из Самары довольно-таки известны полиции. Он действительно посещал занятия и усиливал свой фактический эффект. Поэтому Распутин был человеком с очень сильной интуицией, с некими формами прекрасного видения будущего. Но мы должны понимать, что он находился в непосредственном контакте с царской семьёй, и многие события происходили у него прямо перед глазами. В этом смысле у него было объективное представление о больших процессах, которые происходили накануне февральской и октябрьской революций.

Леонид Иванов: У Валентина Пикуля был напумевший роман «Нечистая сила», а действительно ли Распутин обладал нечистой силой?

Олег Шишкин: Ну, тогда мы должны с вами спуститься к самому началу XX века, когда в 1905 году из села Покровского Тобольской губернии в Петербург, в Александро-Невскую лавру зимой приходит некий странник. Он производит настолько сильное впечатление на местное духовенство, что довольно быстро слава о нём распространяется по Санкт-Петербургу, да, собственно, и по России. Что касается нечистой силы, это уже дело петербургской прессы, которая, с одной стороны, чистосердечно, а с другой стороны, может быть, и небескорыстно начинает рисовать образ некоего святого чёрта. Даже такая книга выходит «Святой чёрт». Но это образ, слепленный прессой в годы Первой мировой войны, когда Великобритания и Франция очень рассчитывали, что Россия не выйдет из войны, а будет силами своей огромной армии продолжать военные действия.

Если бы Россия вышла из войны действительно в момент, когда ещё правил Николай II, а такой вариант исхода событий был возможен, то мы бы имели другую историческую карту и другие исторические реалии. Но произошло

то, что произошло. Хотя, нужно сказать, что Распутин выступал человеком, который тайно проводил переговоры с прибывшими из Германии посланцами кайзера Вильгельма, предлагавшими заключение сепаратного мира. Такие переговоры велись. И мне удалось найти даже имя человека, который вел их с немецкой стороны. Он прожил долгую жизнь и умер в 50-х годах.

Поэтому Распутин – это такая политическая и дипломатическая фигура, но святого чёрта не существовало, был довольно интересный, необычный человек со своими плюсами и минусами. Но всё-таки плюсы, на мой взгляд, перевешивали.

Леонид Иванов: Олег, ты в своих исследованиях много лет посвятил Рериху, сам бывал на Тибете и даже встречался с Далай-ламой. Это было в рамках подготовки этой книги?

Олег Шишкин: Нет, с Далай-ламой я встретился в 1994–1995 г. Было приглашение. Я тогда выступал как корреспондент «Независимой газетъ». Встреча была в бывшей резиденции министра иностранных дел Советского Союза Шеварнадзе. Очень закрытое место. Во времена Горбачева там на острове в центре озера был построен двухэтажный особняк. Машина представительского класса заезжала, останавливалась на пяточке перед особняком и по другому мосту выезжала. Я в эту резиденцию и был приглашён. Охрана очень серьёзная. Сидел наш охранник, увешанный пистолетами, как в гангстерском фильме, за мной шёл другой с помповым ружьём. Меня провели в комнату, где у нас и состоялась беседа с Далай-ламой, в том числе и по экспедиции Рериха. Он в своё время сам предложил такую легенду, что в конце 1916 года у него заболели лёгкие, он уехал в Финляндию, где встретил революцию. Из Финляндии уехал в Англию, из Англии в США, а потом решил путешествовать в поисках следов Иисуса Христа в Гималаях. Путешествовал через Индию, Китай, Советский Союз и потом вернулся в Индию, где в 1947 году и умер.

Понятно, что просто так в Советский Союз в 1926 году эмигранту, даже столь известному, приехать было невозможно. Тем более, что в 1918–1920 годах Рерих занимал откровенно враждебную антисоветскую позицию. Он писал, что большевики – это наглый монстр, который врёт в глаза человечеству. Он говорил о том, что из двух имён Колчак и Ленин он выбирает Колчака. И первые деньги, переданные армии Юденича, которая шла на Петроград, это были деньги, полученные за подписью Николая Константиновича Рериха.

Думаю, все понимают, что вернуться после этого в Советскую Россию было просто невозможно. А о желании вернуться Рерих довольно много говорит в своей переписке с высокими советскими чиновниками вплоть до Молотова и Майского, который был послом СССР в Великобритании. К тому же в его переписке фигурирует организация «Епископальная церковь». Епископом этой организации являлся Леонид Борисович Красин, друг Ленина. Именно он выполнял самые секретные поручения Ленина. Это друг Ленина. Это человек, которому Ленин доверил восстановление отношений СССР со странами Запада и финансирование индийского освободительного движения.

Перед Рерихом стояла задача войти в контакты с советскими дипломатическими органами и с секретными. Это было обязательно для того, чтобы вернуться в Советскую Россию. А он предполагал вернуться сразу же в 1926 году. Об этом говорит, между прочим, человек, который формально давал ему деньги на эту экспедицию. Это брокер Нью-Йоркской товарной

биржи Луис Хорш. С ним Рерих познакомился в 1922 году, позднее он устроил в своём трёхэтажном доме музей Рериха и выступал его финансистом.

Потом их отношения с Рерихом расстроились, но тем не менее факт их сотрудничества имел место быть. Рерих общался с крупными советскими агентами, в том числе с Георгием Астаховым, который упоминается в книге Судоплатова «Разведка и Кремль». Общался с другими важными людьми. В его второй экспедиции 1935 года ехал сотрудник советской разведки, шифровальщик, который, кстати, позднее предал какое-то количество наших агентов за границей и в том числе вывел британскую разведку на Кима Филби. Были и другие люди, я о них подробно пишу в своей книге «Рерих. Подлинная история русского Индианы Джонса».

Леонид Иванов: В составе экспедиции Рериха ведь был и один из создателей советских разведслужб Яков Блюмкин.

Олег Шишкин: Блюмкин имел отношение к экспедиции в её части, связанной с Москвой 1926 года и с Монголией 1926–1927 года, когда он работал инструктором государственной военной охраны Монголии. То есть это такая была монгольская спецслужба. Но он точно был резидентом в Улан-Баторе. И, конечно, он имел прямые контакты с экспедицией Рериха. Экспедиция Рериха, когда она переходила с территории Монголии на территорию Китая, находилась в рискованном положении, потому что в Китае несколько генералов поделили территорию страны и вели между собой кровопролитные бои. Блюмкину нужно было договориться с одним из них, чтобы экспедиция Рериха безопасно прошла эту территорию. И он для этого совершил довольно рискованное путешествие на территорию воюющего Китая.

Леонид Иванов: Понятно, что экспедиция генерала царской армии Маннергейма была чисто разведывательной, и в ходе неё он тоже встречался с Далай-ламой. А Блаватская имела какое-то отношение в разведке?

Олег Шишкин: Мне сложно сказать, потому что, с одной стороны, она была женщиной авантюрного плана, была выдумщицей. И выдумщицей довольно-таки талантливой, потому что её книга о путешествии по Индии, написанная в популярной форме, довольно хорошая, качественная беллетристика. Были ли у неё контакты с русской разведкой? Возможно, были, потому что говорилось о её контактах не напрямую, а, может быть, и напрямую, с Рачковым, который находился в Париже и был резидентом царской охраны в этом заграничном пространстве. Но я темой Блаватской не занимался, и потому не могу сказать точно, насколько тема Тибета и Индии интересовала царское правительство, спецслужбы, прежде всего, конечно же, военных, хотя тогда в Генштабе была и военная разведка, и политическая, которая существовала в виде одного из отделов Министерства внутренних дел Российской империи.

Леонид Иванов: Олег, о начале твоего пути в литературе. Каково было чувствовать себя в роли редактора произведений лауреата Нобелевской премии Ивана Бунина? Была же у тебя такая страница в биографии...

Олег Шишкин: Да, я работал тогда в редакции Московской писательской организации. Издательство «Столица». В основном моя редактура заключалась в том, чтобы посмотреть, допущены ли были ошибки при перепечатывании текста. Я получался таким вот контролёром до того, как это уйдёт к корректору. Я должен был это просто отсмотреть, несложная работа. Она позволяла мне довольно много времени проводить в театральном училище имени Щукина, что располагалось напротив. Там тогда преподавал

Александр Кайдановский, которому я ассистировал. Поэтому я, с одной стороны, редактировал классика русской литературы Ивана Бунина, а с другой стороны, общался с Александром Кайдановским. Я в редакции говорил, что ухожу на обед, а сам вместо обеда час-полтора общался с Кайдановским. Потом возвращался, и продолжались мои контакты с Буниным, Зайцевым, с другими классиками эмигрантской литературы. Зато теперь можно говорить, что я самого Бунина редактировал. Сегодня я расцениваю это как некий курьёз, но он мне приятен. Это же ведь были годы, когда к нам возвращалась та прекрасная, действительно прекрасная, настоящая, большая литература, которой по разным, в основном, политическим причинам мы были лишены. Хотя Бунин тайно поддерживался советским правительством. Не всё так было просто в этом многослойном мире, как потом оказалось.

Леонид Иванов: При этом Бунин, живя в эмиграции, критиковал Алексея Толстого за то, что тот вернулся в Россию.

Олег Шишкин: Ну, Алексея Толстого можно было критиковать за то, что он занимался всякой фигнёй, писал дневники Вырубовой и даже самого Распутина дневник написал. И это выходило за грань невозможного, он стал критиковаться уже и советскими партийными деятелями. Они говорили, ну как же так, мы боремся со всеми этими псевдомемуарами, а тут у нас у самих появился человек, который это всё распространяет. Да, это была большая проблема. Бунин критиковал его, потому что он заслуживал этой критики как человек талантливый. А Алексей Толстой реально был талантливым человеком, тут никаких сомнений нет.

Леонид Иванов: Олег, давай вернёмся к Григорию Распутину. В Тольском на базе местного пединститута проходила научно-практическая конференция, посвящённая 150-летию Распутина. На ней мы с тобой и познакомились. И принимал участие в этой конференции Дмитрий Филатов из Санкт-Петербурга, основатель музея-квартиры Распутина. Как этот музей развивается?

Олег Шишкин: К сожалению, Дмитрий скончался. Это было печальное событие. Я был просто потрясён. Совсем молодой. Дмитрий заболел ковидом, перенес его, но потом были осложнения, они привели его к инсульту. Сегодня квартира – это самостоятельный частный музей, возглавляет его вдова Филатова. Я переслал туда некоторые важные фотографии. Считаю, что это один из тех музеев, в который не так просто попасть. Но тем не менее он для Петербурга, для русской истории имеет значение, потому что это последнее место, откуда Распутин уже уходит в историю, откуда происходит начало нового исторического процесса, охватившего потом всю страну. Этот процесс сказался на февральской и октябрьской революциях. Пользуясь случаем, я хочу проанонсировать новую книгу, редактуру которой заканчиваю. Она называется «Распутинский Петербург». Адреса этой книги выверены охранным отделением Министерства внутренних дел Российской Империи, поэтому их довольно просто было устанавливать. Также там происходило и установление личности каждого, кого посещал Распутин, и кто посетил его самого. Это 5000 персоналий. Но у меня только часть этого списка. Тем не менее мой комментарий связан с другими документами, не только с документами охраны, но и с другими литературными, кстати, особенностями мест, которые посещал Распутин.

Николай БАШМАКОВ

Вернулся я на родину...

Очерк

Прослужив без малого четверть века в армии и пожив после выхода в запас в Пермском крае, вернулся я в родные места, и как только появилась возможность, выбрался на Ницу с удочками. Не исчезла с годами страсть к рыбалке, как ни мотала кочевая жизнь кадрового военного.

Любовь к рыбной ловле закладывается чаще всего с детства. Моё детство прошло в посёлке Рассвет, расположенном на правом берегу реки Ницы. От Рассвета в километрах пятнадцати вниз – устье, где Ница впадает в более быструю Туру. Сливаясь с Турой, она пополняет воды Тобола, потом Иртыша и, влившись в Обь, устремляется в Ледовитый океан.

На Туре в девяносто километрах ниже по течению расположилась столица огромного Западно-Сибирского региона – Тюмень. В этом городе в тысяча девятьсот семьдесят втором году я окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище, которое в настоящий момент является главной кузницей военно-инженерных кадров России. Здесь же сейчас работаю в творческом коллективе поэтов и писателей тюменского отделения Союза писателей России.

Детство моё и юность неразрывно связаны с реками Ницой и Турой. Примерно в четырёх километрах от Рассвета ниже по течению Ницы – устье небольшой речушки Межницы. За ней – деревня Ерзовка, а от неё рукой подать до Усть-Ницы. По Межнице до образования Тюменской и Свердловской областей проходила граница между Уралом и Сибирью. Точнее, между Пермской и Тобольской губерниями. Теперь на переезде через речку, превратившуюся в ручеёк, установлен памятный плакат с исторической справкой.

В устье Межницы по весне мы ездили на велосипедах на рыбалку. Перед нерестом рыба шла на тёплую воду, и клёв здесь был всегда отменным. Клевали окунь, плотва, подлещик, густера... Попадались даже карась.

Весь тёплый сезон проводили мы на природе. Не боялись леса и большой реки, как некоторые современные ребята. Приучали нас к ним не только родители, но и учителя. Они в то время ещё не были «преподавателями, предоставляющими услуги по образованию». Они были нашими воспитателями в самом полном смысле этого слова. Прививали нам чувство любви к Родине, к своему родному краю, учили всему, в том числе коллективизму, взаимовыручке и бережному отношению к окружающей среде. Экскурсии и походы по родному краю были естественно вплетены в наше обучение.

Река в нашей жизни занимала особое место. Летом мы, мальчишки, целыми днями пропадали на ней. Купались, загорали, ловили рыбу. В пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века река нас кормила. Холодильников в то время было мало. Мясо летом ели преимущественно солёное, и его не хватало. Выручала река. Для многих ловля рыбы была не просто развлечением, но и необходимостью. Сети имелись почти во всех семьях, где были мужики, а рыба от ловли сетями не переводилась. Вода

«без химии», корма в воде много, много и рыбы. Но попадалась в сеть на самолов она не всегда, вот тут и выручали поплавочные удочки и донки.

В детстве я особенно любил ловить «королевского» ерша. Уж очень мне нравилась уха, сваренная из этой рыбы. Об этом уже вспоминал в очерке «Волшебство рассвета». Неизгладимы из памяти такие яркие моменты. Не подвержены они старческому склерозу.

Прибегал на речку на утренней заре. Непередаваемый и своеобразный запах реки, лёгкий туман, постоянно меняющаяся на восходе палитра, пение проснувшихся птиц превращали рыбалку в волшебство. Забрасывал три донки (леска, гайка и крючок) и не переставая работал с ними по очереди, вытаскивая прожорливых рыбок. За утро удавалось поймать до сотни. Вместе с ершом иногда попадались окуни или плотвички. Реденько даже шурята хватали. Мама варила на семью из пяти человек двойную уху. Сначала отваривала моих ершей, потом в этом бульоне пойманную отцом белую рыбу. Такая уха к утру застывала в холодец. Если достоин до утра, конечно. У нас такое случалось редко, вкуснее этой ухи, казалось, не было ничего.

В отличие от детства, современный арсенал удочек и приобретённый за время жизни опыт в рыбалке – богатый. Но такого волшебства, как раньше, не получалось, как ни менял место и снасти. И вскоре понял: хоть и не ловят теперь массово сетями, бреднями и неводами, рыбы в реке сильно поубавилось. Есть, видимо, правда в словах тех, кто бьёт тревогу по поводу превращения уральских и сибирских рек «в сточные канавы». И пока смотрел на неподвижные поплавки и не подающие сигналов донки, немного поразмышлял на эту тему.

Изменения, которые произошли за пятьдесят пять лет, значительные, и они бросились в глаза. И позитивные, и негативные. Конечно, порой трудно соблюсти объективность: издали детства и юности кажутся безоблачными и чистыми, а приобретённый в жизни опыт любому человеку навязывает определённые стереотипы. Но можно просто сравнить, а оценку сделают сами люди. Например, сейчас у многих в личном пользовании появились автомобили. Стало больше дорог с твёрдым покрытием. Гораздо лучше стал выбор в питании человека, значительно улучшилось автобусное сообщение. Это хорошо!.. А вот малая авиация исчезла – это плохо! Раньше на «кукурузнике» можно было долететь до Свердловска за два часа. Теперь до Екатеринбурга приходится трястись в автобусе шесть часов, скрючившись в тесном «корейском» кресле с согнутыми ногами, которые просто некуда вытянуть (компании явно сэкономили на комфорте). Невольно вспоминаются «Икарусы» прошлого века с просторными «самолётными» креслами. Где и ноги было куда вытянуть, и поспать удавалось в полугоризонтальном положении.

А ездить в областной центр приходится. В первую очередь, за квалифицированной медицинской помощью. Получить её, как раньше, в Тюмени не получится. Слишком много барьеров нагородили сейчас между регионами. Чиновникам это удобно, а простые люди от этой «феодалной раздробленности» страдают. Потому невольно вспоминают те времена, когда законы для всех регионов были едины.

Многое изменилось с той поры... Перемены видны не только в развитии технического прогресса, но и в глубинной жизни народа. О позитивных моментах хорошо информирует телевидение, а вот о негативных сейчас

принято умалчивать. И напрасно, ведь недостатки рано или поздно придётся исправлять будущим поколениям... Две крупные трансформации особенно бросились в глаза: деградация русской деревни и изменения в экологии.

За деревню особенно обидно. Она, по сравнению с советским периодом, сильно сдала. Где то русское поле, о котором народ пел песни? Где трактора и комбайны, густо бегавшие по полям и полевым дорогам в моём детстве? Большие стада бурёнок, пасущиеся на заливных лугах? И где те самые песни, которые народ пел по вечерам и в застолье? Молодёжь, гуляющая вечерами с гармошкой или гитарой?.. Выхолощено российское село. Заросло русское поле бурьяном, кустарником и подлеском. Молодёжь, едва оперившись, разлетается по городам в поисках счастья на чужбине... Может, где-то в более тёплых и благоприятных для жизни краях всё это и есть, но не у нас.

Да, сейчас нет особых проблем с продовольствием. Благодаря «успешной» торговле природными богатствами мы покупаем всё, что нужно, но белорусское масло народ в магазинах ищет, потому как оно от бурёнок и «пахнет настоящим маслом».

А в уральских и сибирских деревнях жизнь замерла... Деревня не вернулась в прошлое к патриархальному состоянию, а пришла к непонятному образованию под названием «поселение». Из хорошо механизированной советской деревни, являвшейся производственной единицей, работавшей на страну, превратилась она в поселение «дожителей» (придумали же чиновники название для стариков) и безработных, где торжествует кулацкая психология и люди живут не родами, как в старину, не коллективом, как в советское время, а каждый сам за себя, как на зоне. Слово «поселение», видимо, и взято из лексикона этой самой зоны.

Телевидение и пропаганда непрерывно создают картину российского благополучия. И в действительности это благополучие есть! Правда, не для всех и, главным образом, в столицах! А что на периферии? Год от года становится всё больше брошенных старых домов, всё меньше в русских деревнях населения. Тысячи деревень исчезли с лица земли совсем. А ведь русские деревни – это те самые малые корешки, питающие огромное древо России. Засохнут корешки – и неизбежно погибнет само дерево.

Не знаю, может быть, пока безосновательно, но верю, что возвращение к жизни русского села – вопрос времени. Далеко не все хотят уезжать в города. Но и жить там, где нет подходящих условий и интересной, хорошо оплачиваемой работы, тоже не дело. Человек имеет право жить и работать там, где он родился. Дождаться бы только государственной воли. Ведь в той же Республике Беларусь созданы условия для жизни и работы на селе. В каждом самом маленьком районе стимулируется производство сельхозпродукции и организован её приём и полная переработка. Внедрять подобное нужно и у нас! Делать это всё равно придётся, причём в самое ближайшее время, потому как надеяться Россия может только на собственные силы. Любая «помощь» со стороны Запада всегда превращается в Троянского коня... И продовольственная безопасность становится решающим условием независимости страны.

Именно поэтому все эти «набиулинские» проекты о переселении населения России в тридцать городов-миллионников – являются глупостью человека, тяжело заболевшего в каменных джунглях. Человек – часть

природы, и даже у закоренелых горожан сильна тяга к ней. Потому города по окраинам и обрастают дачами. Душа русского человека ищет уголок, где она может слиться с природой. Она хочет туда, где царит покой и равновесие! Где рождаются стихи и высокая проза! Где человек может набраться душевных сил! По той же причине люди выезжают на рыбалку (даже при отсутствии рыбы). Отдых на природе, да ещё и у воды лучше всяких докторов восстанавливаются силы.

А кто не дачник и не рыбак, тот просто выезжает в лес. Посмотришь, как из Тюмени в выходные устремляются тысячи машин за город, и понимаешь: не просто за ягодами и грибами едет народ. Всё, что нужно, сегодня можно купить в магазинах и через Интернет. Это душа у людей просится хоть ненадолго покинуть суматошный город!

Подумал о лесе и вспомнил о пожарах, которые так часто сейчас губят леса и их обитателей, а зачастую – и самих людей. Пожары случались и в моём детстве, но гораздо реже. И тушились они тогда быстрее. Не было в то время такого разгула стихии, как сейчас. В том, что пожары ныне по большей части рукотворные, сомнений нет. Спрос на лес и пиломатериалы в стране высокий. Поэтому предпринимателей, нацеленных на лес, который ранее принадлежал государству или колхозам, много. А там, где прибыльный бизнес, благоразумием и совестью не пахнет...

Горелый лес – это дешёвый лес, и взят он может быть хоть откуда, даже из заповедника. Всего-то спичкой чиркнуть! И вози потом всю зиму на пиломатериалах дешёвые брёвна. Пили их для блага людей! Тоже ведь польза!..

Беда в том, что польза здесь не перевешивает вред. Да, благодаря госпрограммам высаживать деревья стали больше, чем вырубать! Но что от этого толку, если все эти молодые лесопосадки сгорают в огне раньше, чем вырастут! Кроме того, в огне гибнет не только флора, но и фауна. Природа потом долгие годы по крупицам восстанавливает то, что потеряла в огне за несколько дней... А уж говорить о том, что лесные пожары напрямую влияют на изменение экологии, и вовсе не приходится. Пожары являются и одной из причин обмеления рек. Опять же, для сравнения, в Беларуси такого разгула стихии нет. Наверно потому, что там есть хозяин...

Видны невооружённым глазом и проблемы рек. Много воды утекло в Нице и Туре с поры моей молодости, и перемены, произошедшие в этих реках, совсем не радуют...

Тура, по которой в то время от Тюмени до Туринска ходили катера, в этой части стала несудоходной. Несмотря на весенние паводки, реки пересыхают всё сильнее... Нет теперь в них и той рыбы. Нельма, язь, лещ, налим – редкость. Да и щука, окунь и плотва сильно поубавились... Даже пескарь исчез, и рак в Нице куда-то подевался. И созданная государством рыбоохрана ничего не может с этим поделать. Инспектора суеются, вводят какие-то дурацкие запрещения ловли рыбы удочками, штрафуют пенсионеров за пойманных рыбок (на каждую рыбку есть тариф), а главных виновников, губящих и отравляющих реки целиком, в упор не видят!

Люди винят в этом нефтяников, вода, якобы, уходит в пустоты, образовавшиеся в результате добычи нефти. Грешат на Ирбитский фармацевтический завод, отравляющий Ницу, да Туринский целлюлозный комбинат, стоки которого травят Туру. Кивают на плотины, которые «понастроили» в верховьях. Достаётся даже американцам, «экспериментирующим с климатом»...

Климат в последнее время действительно бьёт рекорды: то потоп, то засуха. Иногда эти явления наблюдаются в одном регионе. Как в этом году. На реках Ишим и Тобол – потоп, а Ница и Тура семь лет кряду даже не выходили из берегов.

Но, скорее всего, ухудшение экологии на реках связано с хозяйственной, точнее бесхозяйственной (бес хозяйничает) деятельностью современного бизнеса. У бизнеса ведь свои законы: «Поменьше расходы, побольше прибыль!» Деловые люди часто рассуждают так: «Главное, я приношу своей деятельностью людям пользу (и себе, в первую очередь), создаю рабочие места, а природа сама восстановится!» В том-то и дело, что сама восстанавливается не всегда! Мы русские люди! Связь с природой у нас сильнее, чем у кого бы то ни было, но бизнес меняет наших людей буквально на глазах... Чрезмерная любовь к деньгам застит глаза, и человек перестаёт видеть меру. Особенно плохо с этим у сверхбогатых, разделивших страну на свои сферы влияния. Они не очень-то замечают из столиц проблемы на подконтрольных их бизнесу территориях. А с таким подходом можно уподобиться американцам, которые, осваивая Америку, уничтожили не только индейек и многотысячные стада бизонов, но и коренное население...

Мелеют реки, мелеет множество мелких озёр и болот вокруг Ницы и Туры. Они теперь редко подпитываются водой и тоже пересыхают. Многие болота, на которых раньше росла клюква, незаменимая для русского человека (особенно для пожилого) ягода, высохли и заросли кустарником. Исчезает утка и другая водоплавающая птица, раньше во множестве тут гнездившаяся. В этом есть, конечно, и вина охотоведов. Бесконтрольная охота и современные многозарядные ружья позволяют быстро (и полностью) выбивать дичь. Её выбивается больше, чем воспроизводится! Потому массовый перелёт птицы с севера остался только в воспоминаниях. Сейчас увидеть стаю перелётных – большое счастье, а тогда небо не пустовало. В нём постоянно летали стаи уток, гусей, журавлей, а на озёрах вдоль Ницы и Туры на ночёвку садилось столько птицы, что было черно от неё.

Куда всё это делось за половину века? С тех пор, как началось активное освоение природных ресурсов на севере, методично и бесконтрольно истребляли водоплавающих всё более совершенными ружьями... Хотя с голоду не пухли. Истребляли и сейчас истребляем ради удовольствия!.. И чем мы, русские, оказались лучше жадных и эгоистичных американцев? Запретить бы весеннюю охоту в трудные и засушливые годы совсем!.. Хотя бы на время. Но... На это тоже нужна «государственная воля»... Не отличался наш народ никогда законопослушанием, и меры мы зачастую не знаем. А руководствоваться совестью и моральными законами предков уже разучились. Нас и сейчас отучают от этого либералы-западники из «пятой колонны», для которых главный бог – золотой телец.

...В этот раз за рыбалку поймал лишь пару плотвичек и пяток художных ёршиков, не идущих ни в какое сравнение с «королевским» ершом из детства. Теперь «королевского» ерша можно поймать разве что в реке Тавде. Она протекает севернее, на ней нет крупных городов, её ещё не загрязнили хозяйственными стоками до такой степени, как Ницу и Туру.

Зато в размышлениях своих пришёл к определённом выводу. Да, сейчас в государстве заработали (пусть со скрипом) национальные проекты, в том числе и в области экологии. Но спасение лесов и рек – задача не толь-

ко государства, но и каждого человека, который на этих реках живёт... Твердить о том, что «люблю Россию», сегодня мало. Нужно её охранять!

Как это веками делали наши предки, защищавшие огромную страну, над которой никогда не заходит солнце, от западных хищников. Потому и не стали наши земли их колониями! Именно это и не могут они простить русским!..

В настоящий момент природу России нужно беречь не только от врагов внешних, но и от супостатов внутренних, которые в погоне за прибылью вполне могут уничтожить леса вместе с их обитателями и превратить русские реки-красавицы в сточные канавы!.. Пришло время притормозить с расхищением и халявой и понять каждому – без привычной для нашей многонациональной семьи природы – страна уже не будет Россией...

Апрель 2024 г.

Андрей ДРОБИНИН

ОБЛАВА

Очерк

Стёртые имена

Старые документы наполнены именами людей, о которых мы ничего не знаем. Сведения о них утрачены, память стерта временем, а лица забыты. Возможно, где-то хранятся пожелтевшие фотографии, которые уже некому опознать, и ветхие документы с выцветшими чернилами, но пути к ним неведомы любопытному исследователю. Иногда, правда, случается чудо, и раскрывается полузабытое прошлое, возникают яркие образы и невероятные истории. Но чудо это, как правило, результат кропотливого и длительного поиска. Зато когда поиск приносит результат, когда восстанавливаются забытые имена, и рассыпанные осколки прошлого складываются в яркую мозаику, это вызывает взрыв позитивных эмоций, удовольствие от хорошо проделанной работы и добавляет новые страницы в старую историю.

За почти столетнюю историю прокуратуры Ямала через нее прошло множество самых разных людей, от которых порой не осталось никаких следов, кроме неразборчиво нацарапанного плохим пером имени.

В сохранившейся книге приказов прокуратуры Ямала конца 30-х годов прошлого века удалось разобрать полустертое имя Доры Демьяновны Ерёминой (Шавкун). Упоминание о ней обнаружилось также в книге об истории ямальского правосудия¹. Необычное имя заинтересовало, но никакой информации о ней, кроме того, что в 1937 году была принята стажером народного следователя в окружную прокуратуру, поначалу не было. А вот о её прошлой, довоенной жизни мы узнали. И информация оказалась неожиданной.

Поиск привел нас в государственный архив Омской области, где обнаружилось рассекреченное ныне уголовное дело² по обвинению Доры Шавкун в совершении должностного преступления. Дело рассматривалось в 1935 году военным трибуналом внутренней и пограничной охраны Западно-Сибирского края НКВД СССР. История военной юстиции сама по себе интересна и увлекательна, но дабы не отвлекаться от основной темы нашего повествования, отмечу лишь, что военные трибуналы НКВД СССР были образованы на основании совместного Приказа НКВД СССР, Прокурора СССР и Верховного суда СССР от 7 октября 1934 года «О реорганизации военных трибуналов и военных прокуратур пограничной и внутренней охраны». Структура военных трибуналов при этом носила (в отличие от армейско-флотских) административно-территориальный характер. А руководство трибуналами НКВД СССР осуществлялось

1 Е. Демьянова. «Право на независимость. Страницы ямальского правосудия», 2006, Екатеринбург, изд-во «Баско». Фамилия Шавкун в книге искажена из-за неразборчивости почерка в источнике.

2 ГИАОО, Фонд Р-1548, Опись 2, дело 292

со стороны Военной коллегии Верховного суда СССР, где имелся «3-й отдел военных трибуналов войск НКВД СССР». По существу, это был суд специальной компетенции. В функции этих военных трибуналов входило рассмотрение дел о преступлениях, совершаемых сотрудниками НКВД, госбезопасности, уголовно-исполнительной системы, военнослужащими войск НКВД.

Дора Шавкун угодила в жернова трибунала, потому что была сотрудником НКВД. Но что же она такое совершила? Давайте откроем старую папку и заглянем в прошлое.

К сожалению, мы не знаем, как выглядела Дора, не сохранилось её фотографий. Но те сведения, которыми мы сегодня располагаем, свидетельствуют, что женская судьба её не была счастливой, а работа, к которой она привыкла, больше доставляла неприятностей, чем радости. С другой стороны, работу она не выбирала – как молодого коммуниста ее направили на службу в правоохранительные органы, где она и проработала почти всю жизнь.

Любая профессия накладывает отпечаток на личность её обладателя. Служба в силовых структурах связана с постоянным риском, контролем и повышенной ответственностью, что не проходит бесследно для психики представителей органов правопорядка, влечет за собой изменения поведенческих и моральных качеств, то есть профессиональную деформацию. Особенно подвержена такому изменению женская психика. Сохранившиеся документы характеризуют Дору Ерёмину как добросовестного опытного работника, но нередко проявляющую грубость с гражданами, нетерпимость, что очевидно является следствием изменения её характера под воздействием особенностей профессии. Полагаю, что все «виражи» в её жизни как раз и обусловлены влиянием профессии.

Русская по рождению Дора Ерёмина родилась на Волыни, в селе Здомышель¹. Кстати, в то время село находилось на территории царства Польского и лишь после революции эти земли отошли к Советской России. Село это существует и сегодня – полузабытая волынская глубинка. Ничего интересного. Единственная печально известная достопримечательность находится неподалеку, по ту сторону границы, на территории Польши – знаменитый ныне Собибор².

С девяти лет Дора батрачила, но при этом девушкой она была образованной, закончила приходскую школу, что редкость по тем временам – на Западной Украине девочек обычно в школу не отдавали. Когда началась империалистическая, то бишь война с германцем, родители увезли Дору в Россию, в тыл, подальше от войны.

Её юность пришлась на революцию, сильно увлекшую Дору своей новизной, шансом вырваться из нужды, захватывающими возможностями и сильными эмоциями. В 1920 году она вступила в комсомол. А через пять лет, когда ей исполнилось двадцать, Дора Ерёмина стала коммунистом.

1 Ныне находится на территории Западной Украины.

2 Собибор (нем. Das Vernichtungslager Sobibor) – лагерь смерти, организованный нацистами в Польше, в котором было убито около 250 тысяч евреев. 14 октября 1943 года в Собиборе произошло восстание (одно из немногих в нацистских лагерях смерти, ещё одно было поднято в лагере смерти Трешлинка-2 в августе 1943), которое возглавил советский офицер Александр Печерский.

Тогда все вступали, это был знаменитый «ленинский призыв»¹, чем Дора гордилась потом всю жизнь. Но судьба партийца двадцатых годов была непредсказуемой, никто не мог заранее знать, куда его забросит воля партии. Власть большевиков, остро ощущая лютую нехватку квалифицированных специалистов, латала бесчисленные дыры в хозяйстве бурлящей страны, перекидывая свои кадры с места на место, туда, где припекало. Так, по партийной путевке Дора оказалась на работе в ОГПУ², где ей вручили маузер в большой деревянной кобуре и скрипящую тужурку из потертой рыжей кожи, которую она позже заменила на зеленую гимнастерку. Через несколько лет Ерёмину перевели в Главное управление пограничной охраны РСФСР, и, вновь надев старую кожаную тужурку, Дора беспрекословно отправилась на Дальний Восток.

Мы свою КВЖД никому не отдадим

В конце двадцатых годов Дора добровольцем поехала в Забайкалье, на пограничную станцию Хилок, где активно включилась в работу по ликвидации контрабанды. Маленький провинциальный городок Хилок лежит на пути из Улан-Удэ в Читу. Железнодорожная станция Хилок сегодня является частью Транссиба, следовательно, через него проезжает любой, кто путешествует на поезде до Дальнего Востока и обратно. Но тогда это была часть знаменитой КВЖД³, где в это время как раз вспыхнул конфликт.

Тема это настолько интересная, что хочется на этом немного остановиться, тем более что наша героиня стала непосредственным участником тех событий.

Вооружённый конфликт на КВЖД стал крупнейшим с участием СССР со времен окончания Гражданской войны в России и Советско-польской войны. Проходившая по китайской территории железная дорога, построенная по инициативе России в конце XIX – начале XX века, хотя и была формально совместным коммерческим предприятием двух стран, рассматривалась Китаем в лице предводителя Гоминьдана маршала Чан Кайши как несомненная угроза – если не в настоящее время, то в будущем. Возможно, ситуация вокруг Китайско-Восточной железной дороги не стала бы столь катастрофической, не осядь в Маньчжурии эмигранты

-
- 1 Начавшийся после смерти В.И. Ленина массовый набор в РКП(б). Соответствующее решение было принято Пленумом ЦК РКП(б) 29–31 января 1924 года; в соответствии с постановлением Пленума «О приёме рабочих от станка в партию» набор распространялся в первую очередь на рабочих, а также на беднейших крестьян.
 - 2 Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР (ОГПУ при СНК СССР) – специальный орган государственной безопасности СССР. Данная структура была образована на базе ГПУ при НКВД РСФСР постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 ноября 1923 года.
 - 3 КВЖД или Китайско-восточная железная дорога – железнодорожная магистраль, южная ветка Транссибирской магистрали, находящаяся в совместном ведении советской и китайской сторон. Дорога была построена в 1897–1903 гг. на территории Маньчжурии – северо-восточной исторической области Китая, соединяла Читу с Владивостоком и Порт-Артуром (ныне Люй-Шун, Китай). Эту уникальную железную дорогу построили русские инженеры и рабочие в 1897–1903 годах. Дорога и полоса отчуждения вдоль КВЖД принадлежали России и обслуживались её подданными.

из России. Это были бывшие русские подданные, воевавшие на стороне Белой армии и отказавшиеся жить при новой власти.

В начале июля 1929 года Китай перешел к открытой агрессии, начав захватывать имущество КВЖД и повально заменять советских сотрудников на китайцев или белоэмигрантов под предлогом участия граждан СССР в антигосударственной коммунистической пропаганде. Периодически на объекты КВЖД нападали китайские бандиты – хунхузы, а во время восстания ихэтуаней¹, еще в 1900 году, было разрушено около 1000 километров железной дороги.

Правление КВЖД расплодило вокруг себя несколько коммерческих агентств, которые занимались привлечением грузов на дорогу. Агентства содержались, по сути, на казенные средства, а прибыли не приносили. Имела место и самая обычная контрабанда – под видом служебных грузов на Китайской дороге производился непрерывный массовый провоз разных товаров.

Дора в то время даже спала с оружием. Её рыжая кожанка была знакома всем контрабандистам, с которыми она не церемонилась. На ее жизнь многократно покушались, на пограничный пост было совершено несколько вооруженных нападений, но она от этого становилась только жестче и злее. Конечно, было страшно, но страх она пыталась глушить спиртом, лихо отплясывая под переборы гармошки:

*«Вьются рельсы вдалеке,
И колечком вьётся дым.
Мы свою КВЖД
Никому не отдадим!»*

17 июля 1929 года Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Китаем. 12 октября части Отдельной Дальневосточной армии начали Сунгарийскую наступательную операцию, 30 октября – Фугдинскую, а 17 ноября – Маньчжуро-Чжалайнорскую. В результате этого удара была окружена и разгромлена наиболее крупная и опасная группировка китайских войск на северо-западном участке КВЖД, непосредственно примыкающем к территории СССР. Разгром был сокрушительным: уже 19 ноября китайская сторона начала настаивать на мирных переговорах. Они прошли 13 декабря в Хабаровске и завершились девять дней спустя подписанием Хабаровского протокола. По нему Советский Союз восстанавливал все свои права в отношении КВЖД, а Китай освобождал всех задержанных советских граждан и обязался ликвидировать все вооруженные белоэмигрантские отряды в Маньчжурии. КВЖД оставалась совместным советским предприятием еще пять лет, пока в 1935 году СССР не продал ее.

1 Ихэтуаньское (Боксёрское) восстание – восстание ихэтуаней (буквально – отряды гармонии и справедливости) против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая. Сначала власти были против повстанцев, затем поддержали их, но в конце концов императрица Цыси перешла на сторону Альянса восьми держав, подавившего восстание. В результате Китай попал в ещё большую зависимость от иностранных государств, что сказалось на его политическом и экономическом развитии в первой половине XX века.

Почетную грамоту Доре вручал сам командующий Особой Дальневосточной армией Василий Блюхер, прибывший в Хилок с группой командиров дивизий, полков и представителей погранохраны после разгрома группировки китайских войск в ходе Маньчжуро-Чжэлайнорской операции.

Сегодня там обычная, ничем не приметная железнодорожная станция, каких множество. Проезжающих на поезде Хилок провожает огромное депо, ну а дальше степные низины, лесистые сопки, пыльные избы остервенелых пустеющих деревень...

И снова судьба Доры сделала очередной вираж, направив её туда, откуда она мучительно будет искать выход. Из пограничников Дору перевели в милиционеры. Так она в 1933 году оказалась в Омске, в Управлении рабоче-крестьянской милиции.

Паспортистка из Называевска

Теперь мы переходим к основным событиям нашей истории, изменившим жизнь Доры. Напомню, что это была весна 1935 года, время вскоре после убийства Кирова, всколыхнувшего всю страну, время начала массовых репрессий. Но Омск – далекая советская провинция, где ничего такого пока не происходит, напротив, население, ничего не боясь, требует от правоохранительных органов соблюдения законности и недопущения перегибов.

Сейчас об этом мало кто помнит, кроме историков и краеведов, но в те времена Омская область была одним из самых крупных регионов страны. Она раскинулась от приграничных казахских степей до ямальских тундр, сползающих в Ледовитый океан. Арктические широты Ямала, болота Ханты-Мансийска и сельскохозяйственные угодья Тюмени – все это входило в состав громадной Омской области.

Итак, мы – в омской глубинке. В ста двадцати километрах от Омска есть небольшой городок Называевск, перевалочный пункт на северной ветке Транссибирской магистрали между Западно-Сибирской и Свердловской железными дорогами. Туда Дора Шавкун была назначена начальником паспортного стола.

Сказать, что Называевск был древним городом с большой историей, нельзя. Возник он лишь в 1910 году как железнодорожный разъезд, где построили паровозное депо, жилые дома для инженерно-технических работников и контору дистанции пути. Поселок рос быстро. Через него пролегла не только железная дорога, но и гужевой путь. Активно велась торговля. Называевское сливочное масло славилось и за рубежом, оно завоевало мировую славу и успешно конкурировало с датским, которое прочно занимало первое место. Иностранцы торговые фирмы открыли в Называевске свои торговые фирмы и магазины. По субботам проходили многочисленные базары, куда съезжались торговцы из соседних областей. Открылось крупное производство растительного масла, построены частные паровые мельницы. Революция многое поменяла в Называевске, ушли в небытие ярмарки, исчезли иностранные торговцы. Маслодельное производство, конечно, сохранилось и после революции, но в меньшем объеме.

На работе дела у Доры складывались в целом неплохо, её ценили как добросовестного работника, но замечали, что порой грубит гражданам,

а то и прямо хамит. Впрочем, у нее замечались проступки и посерьезнее: за утерю чистого бланка паспорта Ерёмину привлекли к дисциплинарной ответственности в виде двух суток ареста. Можно сказать, легко отделалась, тем более что впоследствии выяснилось, что на самом деле она этот бланк отдала знакомому.

Штатная численность Называевского отдела милиции была совсем маленькой, потому на оперативные мероприятия, рейды, облавы привлекали всех свободных сотрудников без учета их служебных обязанностей, так что Ерёмина прекрасно знала оперативную обстановку и обслуживаемую территорию, особенно в районе железнодорожной станции. Поначалу на мероприятиях она вела себя вполне корректно, стараясь соблюдать инструкции, как привыкла на границе. Но однажды Дора упустила сбежавшего арестованного, преследуя которого, как полагается, сделала два предупредительных выстрела вверх. Беглец лишь оглянулся и припустил еще быстрее, моментально затерявшись среди складов и товарных вагонов. «Эх ты, шляпа, – презрительно отозвался о её осторожности Ячников, начальник районного отделения милиции, – делай как я, бей их прямо!» И хвалясь поведаль, как однажды избивал арестованных в камере, добываясь нужных показаний. Не самый лучший пример для подчиненных, но Дора поняла, что требуется начальству, и потом вела себя жестко и без оглядки на инструкции. Был случай, когда конвой из Омска привез арестованных. Дора обратила внимание на женщину, метавшуюся в коридоре отделения: она запуталась, не знала куда идти и не давала прохода конвою. Дора не растерялась, подбежала к ней, ударила по лицу и вытолкала вназад из отдела.

18 апреля 1935 года через станцию Называевскую проезжал на поезде заместитель начальника Управления РКМ УНКВД по Омской области товарищ Скорняков¹. Во время стоянки, прогуливаясь по перрону, Луппа Ксенофонович (вот такое у него некруглое имечко) обратил внимание на многочисленных торговков, разложивших на столах вдоль заплёванного шелухой от семечек перрона свои нехитрые товары: яйца, вареную картошку, огурцы, хлеб, молоко, зелень и прочее. Пассажиры, пользуясь случаем, с удовольствием покупали свежие продукты. Среди толпы шныряли чумазые вороватые беспризорники. Проблема беспризорности в нашей стране остро встала в годы Гражданской войны. Полностью справиться с ней не удалось даже к середине 30-х. Беспризорники часто промышляли на вокзалах, железнодорожных станциях. Они брали все, что плохо лежит, грабили пассажиров в поездах².

Возмущенный увиденным, товарищ Скорняков углядел спокойно стоявших в стороне двоих милиционеров, лузгавших купленные здесь же семечки, выругал их за бездействие и поручил передать руководству

1 Скорняков Луппа (Леонид) Ксенофонович, 1892 года рождения. В 1939 году уволен согласно ст. 33 п. «а» Положения (по служебному несоответствию). Впоследствии восстановился в органах. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красного Знамени. В отставку вышел в 1946 году, после войны в звании полковника.

2 31 мая 1935 года вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Новое постановление обязало Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД СССР усилить борьбу против хулиганства на улицах со стороны детей и подростков. С этого времени берут свое начало подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

районного отдела милиции, чтобы навели порядок со спекулянтами, торгующими продуктами питания в антисанитарных условиях, приняли решительные меры борьбы с беспризорниками.

Вообще-то линейная транспортная милиция не относится к территориальным органам, имеет свою структуру и свое отдельное руководство. И отвечает за вокзал и прилегающую территорию именно транспортная милиция, а не территориалы, о чем товарищ Скорняков в силу занимаемой должности обязан был знать. Ну да ладно, не важно. Уполномоченный оперпункта УГБ станции Называевской старшина Почекуев тоже не стал заморачиваться с иерархией и просто передал поручение начальственного товарища Скорнякова в районный отдел милиции.

Поскольку начальник районного отдела милиции Ячников был в отъезде, организовывать выполнение поручения Скорнякова пришлось местному оперу Илье Аркину, остававшемуся «на хозяйстве» за начальника. Команды вышестоящего руководства, как учил отсутствующий начальник Ячников, должны выполняться моментально, и Аркин¹ не стал откладывать мероприятие до его возвращения, а начал действовать. Но, как обычно бывает в случаях, когда нет четкого письменного документа, сработал принцип «глухого телефона» – устное эмоциональное приказание начальства, переданное через третьи руки, искажается порой до неузнаваемости.

Приказав немедленно собрать в отделе всех свободных сотрудников и бригадмилльцев², Аркин, будучи опытным оперативником, решил сначала обсудить предстоящее мероприятие с местным прокурором.

Прокурора на месте Аркин не застал, но его заместитель Косенко внимательно выслушал Илью.

– У меня полно оперативной информации о том, что в Называевске активно ведётся спекуляция печёным хлебом, – убеждал Аркин прокурора.

– Да, тема актуальная, – соглашался Косенко. – Имеется указание Наркомюста³ о том, что если будет обнаружен у гражданина печёный хлеб, купленный в госторге в количестве более восьмидесяти килограмм, то его следует немедленно привлекать по 107 УК. А если будет установлена скупка с целью перепродажи более тридцати двух кило, то все равно надо привлекать по 105 УК⁴. Но учти, Аркин, – предупредил Косенко, – что директива Наркомюста предостерегает от каких-либо массовых обысков, привлечений и так далее.

1 Аркин Илья Исаевич, 1907 года рождения, участник Великой Отечественной войны, погиб в бою в 1944 году.

2 В 1932 году в соответствии с постановлением «О реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска в бригады содействия милиции» на территории Советского Союза была создана специальная общественная организация «Бригадмилль», которая оказывала помощь милиции в поддержании общественного порядка. Поэтому и получился такой термин, состоящее из слов «бригада» и «милиция». Добровольцы для этой организации набирались из народа и назывались бригадмилльцами. Именно они стали предшественниками дружинников с красными повязками, которые в поздний советский период патрулировали города.

3 Народный комиссариат юстиции СССР.

4 УК РСФСР 1926 года.

Увы, предупреждению прокурора деятельный Аркин не внял, в результате огрѣб немало неприятностей и едва не угодил за решетку.

Облава

Вернувшись от прокурора, Аркин позвонил на станцию Почекуеву и договорился с ним о направлении на вокзал своих людей для облавы.

– Полная облава! Задерживать торговков! – командовал Аркин. – Братъ всех и везти сюда, в отдел!

Для полноценной облавы на железнодорожной станции нужно много людей, а Аркин выделил всего шесть милиционеров и три бригадильца – вот и вся группа захвата. Старшим по облаве Аркин назначил Игнатъева. Ерѣминой, как лучше других знающей территорию станции, была поручена расстановка людей. Однако поруководить облавой Игнатъеву не удалось – на станции имелось свое начальство в лице Почекуева.

Позже на допросе Почекуев оправдывался, что не знал о том, что облава была личной инициативой Аркина, полагал, что есть договоренность с руководством районного НКВД, ссылаясь на указание Скорнякова о принятии решительных мер борьбы со спекулянтами на столах. А тогда, тёплым апрельским днем, Почекуев взялся за дело со всем рвением.

– Братъ будем всех по моей команде, когда одиннадцатый курьерский подойдет к перрону! – распоряжался Почекуев, важно расхаживая по кабинету перед прибывшими сотрудниками.

Мероприятия, особенно планируемые в местах массового скопления людей, бывают успешны лишь тогда, когда они тщательно продуманы и четко организованы. Дора Ерѣмина, имевшая уже некоторый опыт проведения таких мероприятий на КВЖД, пыталась отговорить сначала Аркина, потом Почекуева от поспешных действий, но большие мужские начальники не слушают женщин, особенно всяких паспортисток, а поступают так, как велит им революционное правосознание. Вот и здесь, хотели как лучше, а получилось как всегда.

Вокзал, как известно, – ворота города. Всегда приятно, приезжая в какой-нибудь город, попадать не на рынок или гадюшник, а на чистое и хорошо организованное пространство. Добротное одноэтажное кирпичное здание Называевского вокзала располагалось вдоль железнодорожных путей. Выкрашенное в бело-голубые цвета, усиленное пилястрами, контрфорсами, со множеством высоких окон и тремя массивными дверями, здание выглядело крепостным замком среди частной называевской застройки. Впечатление крепости усиливали мощные зубцы крышного ограждения и угрожающие пушечные жерла водосточных труб, зияющие в метре над землей. Вдоль станционных путей тянулся длинный асфальтированный перрон с деревянным ограждением и круглая водонапорная башня из красного кирпича, со значением возвышавшаяся над станцией, словно колокольня над монастырем. Вокзал окружали клумбы, едва закурчавившиеся первой зеленью, и свежеевыкрашенные палисадники.

На перроне было оживленно: люди, ожидавшие прихода поезда, гуляли вдоль платформы, сидели на лавочках, лузгали семечки. У окошка, где выдавали кипяток, теснилась небольшая очередь. На заборе, как воробьи на ветках, сидели беспризорники, выглядывая, где и чем можно поживиться. Дора

с милиционерами, возглавляемыми Почекуевым, зашли с северной стороны перрона, а Игнатьев и бригадмилецы замкнули кольцо с южной стороны.

Низкие деревянные столы – прилавки еще пустовали, торговки выходили на платформу только с приходом поезда. Но вот раздался протяжный паровозный гудок, блеснул фонарь. Весь в клочьях черного дыма, вырывающегося из трубы, пуская клубы белого пара, паровоз с красной звездой на выпуклой «морде» подтащил к перрону вереницу пассажирских вагонов. Шипение пара, скрип колодок, лязг колёс. Стоянка курьерского в Называевске – всего пятнадцать минут, поэтому проезжающие пассажиры здесь всегда торопятся купить свежих продуктов в дальнюю дорогу.

То, что случилось далее, происходило быстро, одновременно и с великим шумом.

У столов на перроне появились торговки со своими корзинами, бутылками с молоком и коробками, предлагая живых кур и нехитрую снедь, выкладывали на столы вареную картошку, розовое, как мечты юности, свиное сало, яйца и соленые огурцы. Из поезда в клубах белесого пара вывалилась гомонящая толпа пассажиров, немедленно ринувшихся к прилавкам. Возле столов моментально возник Почекуев со своими милиционерами и, надсаживая глотку, заорал, чтобы все оставались на своих местах и предъявили документы.

– Облава! – со свистом и воплями рассыпались беспризорники, успевая хватать со столов всё, что попадалось под руку.

Всё смешалось. Перрон охватила полная неразбериха. Разгоряченная толпа напирала на прилавок, пассажиры хватали хлеб, торговки цеплялись за корзины с продуктами, шмякались в грязь мешки с хлебом. Кто побежал, кого-то сбивали с ног. Перрон огласился бабьими воплями, пронзительными свистками и забористым матом, всполошено кудахтали обезумевшие от ужаса куры. Возникла паника, одни торговки побросали корзины и побежали. Другие – передавали корзины со снедью своим знакомым, пытавшимся незаметно убежать. Дора некоторое время еще удерживалась за шатающийся прилавок, но потом её сшибли с ног. С трудом поднявшись посреди беснующейся толпы, Дора что-то заорала, схватила одного, другого и стала раскидывать в стороны. Из-под прилавка вылез подросток с узлом и миской в руках, в которой лежали четыре куриных яйца, и стал протискиваться сквозь толпу на выход в сторону водонапорной башни. Дора, расталкивая людей, ринулась за ним, догнала, несколько раз наотмашь ударила, отняла миску с яйцами и, крепко схватив за руку, потащила упиравшегося пацана назад, к прилавкам. Мальчишка споткнулся, упал под ноги мечущейся толпы, закричал. Дора бросила его и, активно работая кулаками, кинулась на помощь милиционерам и бригадмилицам, которые вытаскивали из толпы торговок, лиц, тащивших продукты, и особо буйных граждан, строили их в ряд за оградой возле вокзала.

Пассажиры курьерского громко возмущались действиями милиции. Мужчина в форме КВЖД и военный – петлицы со шпалами, требовали прекратить насилие.

– Что это за безобразия на советской земле! – оскорбленно кричал военный, придерживая разорванный рукав гимнастерки. – Мы на КВЖД насмотрелись на побои, а оказывается, и у нас в советской стране бьют людей! Детей бьют! Кто эти люди, кто эта женщина?!

– Да это милиция! – неслось в ответ из толпы. – А тётку эту мы знаем! Это Ерёмину из паспортного. Ей не привыкать кулаками махать.

– Проклятый спекулятивный элемент! – яростно грозила в ответ Дора. – Я с вами ещё разберусь!

Над платформой пронзительно зазвенел звонок к отправлению поезда. Изрядно помятые и недовольные пассажиры поспешили в вагоны. Паровоз дал гудок, и поезд, дернувшись и грохнув сцепками, плавно тронулся на запад.

Тем временем Почекуев рассортировал задержанных, коих набралось восемнадцать женщин, выстроившихся в ряд в скверике у вокзала. Они вяло огрызались, прижимая к себе свои корзины и мешки. Остальных задержанных, переписав их фамилии, отпустили, в том числе и побитого Дорой мальчонку.

– Забирай добычу, Игнатьев, – скомандовал Почекуев, довольно потирая руки, – и доложи Аркину о результатах.

Разрозненным строем женщины во главе с Игнатьевым побрели в районный отдел милиции. Дора с бригадмильцами замыкала строй, потирая ушибленное плечо.

На опустевшем перроне ветер шевелил обрывки газет и нёс семечную шелуху. Облава оставила после себя разбитые бутылки с молоком, растертые в месиво хлебные караваи и вдавленные в грязь огурцы вперемешку с куриными пухом и перьями...

Наверное, все могло обойтись без последствий, но через два дня районная газета «Социалистическое маслоделие» разразилось редакторской передовицей под громким названием «Борьба со спекуляцией подменена самосудом». На беду организаторов облавы одним из пострадавших оказался Иван Репко – заместитель главного редактора газеты, встречавший поезд. Изрядно помятый в давке, Иван Иванович не стеснялся в выражениях: «Жандармские методы борьбы Ерёмину применяет не в первый раз, – гремел глаголом в статье Репко. – Надо крепко ударить по тем, кто извращает карательную политику партии!»

– Что ты натворила, Дора?! – паниковала Бронислава Ванцевич, подруга Ерёминной и секретарь районного суда.

– Мне не привыкать, – равнодушно отмахнулась Дора. – Мало ли кто чего пишет.

От подруги, конечно, отмахнуться легко, а вот от руководства так просто не отмахнешься. Прибывший наутро Иван Дмитриевич Самойлов¹, начальник Управления РКМ НКВД Омской области, молча разглаживал лежавшую на столе районную газету со злополучной статьей, глядел в открытое окно, как будто не замечая понурые лица стоявших перед ним навтытяжку Ерёминной и Аркина. Руководство районной милиции и НКВД

1 Самойлов Иван Дмитриевич, советский деятель органов внутренних дел, участник Первой мировой и гражданской войн. С 1913 года в Русской императорской армии. В 1918 году перешёл на сторону Рабоче-крестьянской Красной Армии, где занимал различные командные должности вплоть до командира полка. С 1928 года начальник 2-й Омской школы административно-милицейских работников НКВД СССР, с 1932 года – начальник Управления РКМ НКВД Омской области, начальник Саратовской школы милиции ГУРКМ НКВД СССР (1936–1942), майор милиции. Погиб в 1942 году на фронте.

заполнило тесный кабинет начальника Называевского РОМа, хозяин которого, Ячников, скромно сидел в углу под развесистым фикусом.

– Я его не била, – оправдывалась Еремина, – толкнула и сказала: «Лезь обратно туда, откуда вылез». Я думала, он украл, так как в это время беспризорники тащили все, что побросали спекулянты.

– Приказа, чтобы во время облавы били людей, я никому не давал, – чеканил слова Аркин. – Это было бы преступно. С моей стороны никакой инициативы по задержанию не было, прежде чем направить людей, я все согласовал.

Лошадиное лицо Самойлова мрачнело все больше. Наконец, он махнул рукой и выбрался из-за тесного ему стола, встал.

– Значит, так. Ячников!

– Так точно! – вскочил тот.

– Назначаю служебную проверку. Проведешь лично. Материалы через три дня представить мне. Копии документов в отношении Ерёминой – в бюро райкома партии для рассмотрения вопроса о нарушении революционной законности. На период проверки обоих отстранить от занимаемой должности!

Заседание бюро Называевского РК ВКП(б), состоявшееся 4 мая 1935 года, показалось Доре бесконечно долгим, но решение оказалось по тогдашним меркам в общем-то лояльным: объявить строгий выговор с предупреждением и снять с работы, с должности заведующей паспортным столом (это они ещё не знали того, что потом всплывёт на следствии). «Советский руководитель не имеет права заниматься рукоприкладством, тем более в отношении несовершеннолетних», – косноязычно ругал Дору заведующий общим отделом райкома Субач.

Решение бюро вскоре оказалось на столе у Самойлова. Начальник управления слыл человеком упертым, требовательным, и решение бюро райкома партии показалось ему излишне мягким. В результате под его пером родился приказ, которым Ерёмина увольнялась из органов с преданием суду военного трибунала внутренней и пограничной охраны Западно-Сибирского края. Аркину был объявлен строгий выговор.

Трибунал для Доры

Следствие по делу было поручено лейтенанту госбезопасности Ермилову Никанору Ивановичу, начальнику особой инспекции Управления РКМ НКВД Омской области.

Итак, в нашем повествовании на пути главного героя появился человек, может быть, более интересный, чем сама Дора, о котором можно написать отдельную книгу. Впрочем, о Никаноре Ермилове уже написаны очерки, опубликованы его воспоминания, ему посвящена отдельная экспозиция в музее истории Нижнесалдинского металлургического завода Свердловской области, его помнят и чтут краеведы Мордовии. Вот так пытаешься исследовать биографию малоизвестного персонажа и натыкаешься на пересечение его судьбы с судьбами известных людей. Жизнь Ермилова не назовешь простой и однозначной, оценки его деятельности тоже неоднозначны. С одной стороны, его обвиняют в причастности к политическим репрессиям, с другой – о нем отзываются как о честнейшем человеке высочайшей ответственности,

грамотном, умном профессионале, талантливом художнике и наставнике молодежи. Обойти вниманием такого человека, оказавшегося на пути Доры в критический момент её жизни, было бы неправильно.

Прежде всего, Никанор Ермилов известен как один из первых комсомольцев Урала. В августе 1919 года по комсомольской путевке он, заводской пролетарий, ушел добровольцем на Балтийский флот. Служил в Кронштадте в должности старшины-минера на эскадренном миноносце «Ленин». Там же, на флоте, вступил в партию. В 1929 году, после демобилизации, по решению Уралобкома ВКП(б) балтийский матрос Ермилов был направлен на работу в органы ОГПУ. Вот уж где ему пришлось поколесить по Уралу и Сибири. Довелось ему служить в Свердловске, Тобольске, Ханты-Мансийске, Тюмени, Рязани. Где-то здесь, посередке, случился и Омск...

Расследование любого уголовного дела – это прежде всего кропотливая рутинная кабинетная работа с документами, со свидетелями, выяснение деталей и нюансов произошедшего, поиск и исследование доказательств. Поэтому углубляться во все перипетии технически несложного, в общем-то, хотя и резонансного для провинциального городка дела, не стану. Стоит упомянуть лишь о том, что первые следственные действия по делу провел следователь районной прокуратуры, но после того, как на первых же беседах с Дорой Шавкун всплыли новые факты и обстоятельства, материал немедленно был передан в госбезопасность. Так он оказался на столе у Ермилова.

Дело в том, что в Называевск Дора приехала уже будучи замужем. Муж её – Павел Шавкун, тоже трудился в милиции оперуполномоченным уголовного розыска, но так вышло, что служил он далеко от жены – в Сталинске¹. Так вышло, что судьба их развела по разным городам, но этот фактор сыграл свою негативную роль в том, что произошло в дальнейшем.

Дора, когда была возможность, приезжала к мужу, но такая жизнь на расстоянии категорически не устраивала Павла, и он выдвинул жене ультиматум – либо ты увольняешься из милиции и переезжаешь ко мне, либо между нами все кончено. Дора пыталась уволиться из органов, обращалась с заявлением к начальнику районного отдела НКВД Кулику, но тот категорически отказал, не желая даже слышать об этом, напомнил о партийной дисциплине и обидно пошутил: «Ничего Еремина, найдем тебе мужа получше, здесь, в Называевске». А вскоре Дора получила письмо от мужа, резкое и категоричное. «Чего хотела, то и получила, – писал Павел. – Можешь не приезжать, теперь целуйся со своим партбилетом».

Дора рыдала у подруги на плече, по уже сложившейся привычке запивая горе водкой, и строила планы один фантастичнее другого. Потом, на допросе, она искренне каялась, не понимая, что это на нее нашло: «Пьяная я была, – твердила Дора, – не соображала, что делаю. Хотела, чтоб меня поскорее уволили, а убивать никого не собиралась».

1 Новокузнецк. В 1932 году переименован в Сталинск. В 1939 году к нему был присоединён «старый» Кузнецк, после чего объединённый город некоторое время именовался Сталинск-Кузнецк, а затем снова Сталинск. В ходе десталинизации в ноябре 1961 года городу было возвращено имя Новокузнецк.

Но, как говорится, что написано пером... На обрывке бумаги простым карандашом Дора написала анонимку (без знаков препинания, изменённым корявым пляшущим почерком, нарочито путано и безграмотно) и подкинула в почтовый ящик своему начальнику. Анонимка сохранилась, вот её текст без изменения, с сохранением орфографии, но без употребленных Дорой бранных слов: *«Вот тебе наш накас чтоб ежели хош жить на свети убирай с работы Еремину знай что тебя ждет острый нож Еремину ждет петля Этой м...ке немного надо Передай чтоб она рассчиталась .. Она пила ему кровь и должна нам расплатится свою кровью и не один и не одна нас много и не севодня так завтра все ей отплотим Ты человек хороший береги себя Один рас не удалос а на другой уже не проморгаем Мне не страшно 10 лет но ее уничтожим а там меня спасут наши Вот и все нас не ищи мы все здешние недалеко живем 29 апреля 1935».*

Кто-то скажет – пьяный бред, но Кулик, начальник районного отдела НКВД, получив анонимку, сразу сообразил, чьих это рук дело. А потом и почерковедческая экспертиза подтвердила авторство Шавкун. Впрочем, и сама она ничего не отрицала. Ермилов грамотно провел следствие, установил хороший контакт с Ерёминой. Впавшую в депрессию Дору Ермилов на допросах, больше похожих на душевительные беседы, отпаивал крепким чаем со смородиновым листом.

Она рассказывала следователю о своей жизни и несчастной любви, стискивая в сухих ладонях горячую кружку, и крупные слезы текли по щекам, капали в чай.

Говорят, если любовь обходит женщину стороной, то разрушение и отчаяние исходит тогда от ее потухшей, тоскующей в одиночестве души. Тогда она наносит раны и болеет коварством, строит интриги и расточает гнев. Ее красота оборачивается холодным ужасом, и несчастен оказывается всякий, кто встретит на своем пути женщину, обделенную любовью. Но и сама она страдает больше других, так как любовь и становится причиной, разделяющей женское естество на добро и зло, созидание и разрушение, свет и тьму.

Никанор Иванович не стал раздувать шпионские и террористические страсти, быстро разобравшись в ситуации, хотя многочисленные свидетели путались и противоречили друг другу в показаниях, но это и не удивительно, учитывая ту кутерьму и бестолковщину, что творилась тогда на перроне. Ермилов учел, что Дора и сама пострадала, добросовестно приобщив к делу её порванную гимнастёрку и зафиксировав синяки и кровоподтеки на её руках и плечах.

Ерёминой было предъявлено обвинение по пункту «А» статьи 193–17 УК РСФСР – превышение власти. Задерживать Дору Ермилов не стал, отправив на подписку о невыезде. Дурацкая анонимка тоже вошла в обвинение, но выделять её отдельным эпизодом с самостоятельной квалификацией Ермилов не счел нужным. К уведомлению об окончании следствия Дора отнеслась со смирением. Больше печали ей доставило известие о том, что её исключили из партии, отняли её гордость – «ленинский призыв».

Дело в отношении Ерёминой-Шавкун рассматривалось военным трибуналом пограничной и внутренней охраны по Западно-Сибирскому краю. Приговором от 26 июля 1935 года она была признана виновной

и приговорена к полутора годам лишения свободы условно. Трибунал не обошел вниманием и Аркина, потребовав в частном определении возбудить против него уголовное преследование за то, что допустил массовые аресты.

Аркину еще потрепали нервы, дело вяло тянулось некоторое время, а потом и вовсе заглохло.

Если посмотреть на ситуацию отстранённо, абстрагировавшись от эмоций, проанализировать действия и поступки тех, кто так или иначе касался «дела Шавкун» (руководство местной милиции, следователь, судьи трибунала), становится очевидным, что вся эта каша заварилась главным образом из-за газетной статьи. Не будь её, всё закончилось бы для Доры разве что дисциплинарным или партийным взысканием, а то и вовсе ничем. Затеянная Аркиным облава закончилась полным провалом: никто не был арестован и предан суду, никто не пострадал и никаких негативных последствий, кроме разбитых банок и раздавленных огурцов не случилось, жалоб и заявлений на действия милиционеров никто не подавал. А эмоции схлынули, развеялись как паровозный дым над пустым перроном, поэтому такими лояльными были следователь и трибунал. И никого больше, кроме несчастной Доры, к ответственности за провалившуюся облаву не привлекли.

Ермилов вскоре после этих событий отправился к новому месту службы. В первые месяцы Великой Отечественной войны, будучи начальником Управления НКВД по Рязанской области, Ермилов по указанию центра и обкома ВКП(б), занимался организацией истребительных батальонов, партизанских отрядов и подготовкой через оперативно-учебный центр Западного фронта. Как начальник противовоздушной обороны области организовывал защиту промышленных объектов и населения. После разгрома немецких войск под Москвой, Ермилов был направлен на Балтийский флот, в контрразведку СМЕРШ НКВД. Участвовал в обороне Ленинграда, Балтийского побережья и обеспечении работы Дороги жизни на Ладожском озере. Воевал отважно, за заслуги перед Родиной Никанор Иванович награжден тремя боевыми орденами и пятью медалями. После войны, в 1945 году, боевой офицер контрразведчик Ермилов получил назначение в Среднюю Азию заместителем наркома госбезопасности Таджикской ССР, а затем – заместителем министра госбезопасности Мордовской АССР. В апреле 1950 года в звании полковника госбезопасности вышел в отставку по болезни – сказались фронтовые ранения. Остался жить в Саранске. Неугомонный пенсионер активно участвовал в общественно-политической жизни города, избирался депутатом горсовета, был членом городского штаба народных дружин, общества «Знание». Был избран почетным пионером шести школ города Саранска. Увлёкся живописью, оказался талантливым художником – его полотна хранятся в музеях и художественных галереях Мордовии.

Дора после суда два года отработала секретарем в Называевском пункте заготзерна, с мужем развелась. После погашения судимости потихоньку восстановилась в партии и уехала на Север, на Ямал. Удалось выяснить, что до 1939 года служила Дора следователем прокуратуры (сначала в Салехарде, а потом в Ямальском районе), затем была назначена народным судьей Ямальского района, однако прора-

ботала в этой должности только до весны 1941 года и снова вернулась в Ямальскую районную прокуратуру. В феврале 1944 года Шавкун была уволена как не справившаяся с работой. Никаких подробностей её жизни и работы на Ямале, о судьбе после 1944 года выяснить не удалось.

И это всё о ней. Дальнейшая судьба Доры Шавкун скрыта пока во мраке времени.

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Александр СОРОКАЛЕТОВ

ВОВКА

Рассказ

С Вовкой я не виделся пятнадцать лет. И вот долгожданный отпуск в родном поселке.

Вовка Язынин ждал меня с нетерпением у своего дома. Поздоровались. Расцеловались. Вспомнили детство, знакомых, друзей. Потом я называл знакомых нам с детства, а Вовка пояснял, где они.

– Генка? Генка на Сахалине с Танькой. Он военный... Витька в Балаково на химическом... квартиру получил... Юрка Никонов в Нижневартовске шоферит... – Вовка перечислил мне всех наших знакомых друзей. За разговорами быстро пролетела ночь.

– Ба-а-а! – Глянул в окно Вовка, – Петухи третью курицу топчут, а я ещё язык не высушил. Ну, ты отдыхай, а вечером договорим. Я на завод пошел, – он наскоро положил себе на обед в пакет пару огурцов, три вареных яйца, краюху хлеба и ушел. Я вышел следом. Утреннее солнце резало глаза. Ранний зной будоражили слепни. Один, долго изучая меня, осмелился примоститься на шее. Легкий шлепок моей ладони повалил тушку на землю.

– Кусают? – раздалось где-то над головой. Я посмотрел вверх и увидел на сучке ветлы мальчика лет десяти. Одет он был в майку и короткие штанишки с лямкой через плечо. Одной рукой держался за толстую ветку, другой чесал затылок. Его веснушчатое лицо напоминало круглое блюдце, усеянное мелкими крошками.

– Ты кто? – спросил я нечаянного гостя.

– Витька! А ты кто? – Витька запустил указательный палец в нос, словно пытаясь оттуда что-то вытянуть.

– Я-то? Я человек.

– Вижу, что не козёл, – равнодушно протянул Витька.

– У-у -у! Ты еще и юморист!

Витька долго перебарывал непонятное для него слово, в упор, не моргая, глядел на меня.

– А что это такое юморист? – с любопытством спросил он и быстро слез с дерева, – Что такое юморист? – повторил он, дергая меня за брюки.

– Ну, как тебе объяснить? – начал я в ответ, заодно размышляя, как более понятно объяснить незнакомое мальчику слово. – Юморист – это тот, у кого всё смешно получается.

– А-а-а! Понял, – захихикал Витька, – значит, наш козёл – юморист.

– Какой козёл? – теперь уже я не понимал ответа собеседника.

– А вон, на крыше, – и Витька показал на дом напротив.

Я посмотрел и удивился – на самом коньке крыши дома действительно стоял козёл и изучающе смотрел на нас.

– Он что у вас, акробат? – спросил я Витьку.

– Не-е! Он у нас Гнида! Это так папка его назвал.

– И откликается? – съехидничал я.

– А как же, – обиженно ответил Витька, насупив брови. – Гнида он и есть Гнида. Пойдем, я тебя с ним познакомлю, – и Витька за руку потянул меня к дому.

– Вот наш Гнида! – снова хихикнул Витька. Козел, услышав свое имя, радостно отбил чечетку по шиферу и что-то бодро мы-мыкнул в ответ.

Я обошел дом и никак не мог понять, как козлу удалось залезть на такую крутую крышу.

Витька, поняв мое удивление, пояснил.

– Во дворе машина с сеном стояла, он с нее и залез. А когда машина придет – через неё и слезет.

– Что же, он так и будет весь день стоять на солнцепеке? – удивился я завидной участи животного.

– А что козлу делать? Ни молока, ни мяса. А так улицу подивит и сам подивится высоте, – сощурился Витька в улыбке.

– Ну, раз так, тогда пусть глазеет, – согласился я и весело подмигнул Витьке.

– А ты, оказывается, хитрый, – дернул меня за брюки Витька

– Это почему же?

– Да потому, что не говоришь, как тебя зовут.

– Ну, Сашкой меня зовут! А что, тебе лучше стало?

– Ну, ты даешь! – выпятил губы в восторге Витька. – Сашка, скажешь тоже.

– Тогда Александр Николаевич! Пойдет?

– Потянет, – нараспев сказал Витька и потянул меня за руку. – А в лес пойдем?

– Когда?

– Ну, завтра с утра.

– Потянет! – ответил я и пошел спать.

Вечером после работы пришел Вовка. В кармане его брюк торчала бутылка самогона, в руках три головки лука с зеленым пером, огурец и вареная курица.

– Гляжу, ты время зря не терял, – улыбнулся он, – вся мелкота только и жужжит, что ты их завтра в какой-то поход поведешь.

– А-а! Витька работает, – буркнул я спросонья.

В коридор вышла моя мама, осмотрела экипированного Вовку.

– Что стоишь, как чужой. С работы, что ли?

– С нее, милой.

Мать поставила парящую жаром картошку на стол и ушла к себе в комнату.

– Со встречей, что ли?

– Со встречей.

Вовка долго искал на столе вилку. Воткнул её в варёную курицу, отломил ляжку и смачно начал есть, жадно отправляя вилкой в рот горячий картофель, нарезанный огурец.

Давясь едой, продолжал разговор.

– В позапрошлом году к нам с района присылали уполномоченного проследить уборочную. Так он, паразит, входил в каждый дом и упрашивал людей, чтобы, пока уборочная не закончится, не затевали свадеб,

гулянок, а то ведь наша деревня как загудит, так, считай, на две недели. А урожай кто будет убирать? Будто мы не знаем. Ну, мужики подговорили одну вдовушку подпойть его. Всё равно от него толку никакого. Только работать мешает. Тот, конечно, поддался красивой бабе и возомнил из себя непонятно какую птицу высокого полета. Мужики подождали, пока его окончательно развезет, и повели под руки вдоль улицы. У каждого дома его угощают. Председатель колхоза за телефон да в район, так, мол, и так, заберите своего чиновника, он нам всю деревню споил... Приехали начальники, увезли своего инспектора, а потом долго упломоченных не присылали.

Вовка внимательно посмотрел на меня:

– Вот ты живешь в городе, человек грамотный. Скажи мне, как другу, ты счастлив?

Я выдержал паузу и уклончиво ответил:

– О, слово-то какое у тебя прорезалось.

– Слово? – взметнул брови вверх Вовка и расхохотался, – Слово для идиотов, а для меня важнее дело. Дело, понимаешь? – Вовка запустил пятерню в сковороду, кинул в рот остатки картофеля, вытер замасленную руку о брюки и продолжил, – Вот я богат словами, – он, загибая пальцы, стал перечислять, – я Вовка, человек, рабочий, крестьянин, житель села, частник, семьянин, владелец земли, семьянин-н-н... – сбившись со счета, Вовка потряс пятерней перед своим лицом, будто играя на бубне. – А толку? Никакого.

– Философ ты, а не рабочий, – заключил я Вовкино красноречие.

– Философ? – съязвил Вовка, – А я в прошедший день не смотрю. У меня для сытной жизни всё есть. И я не стесняюсь из своего погреба достать себе пропитание или из грязной фуфайки выручку от продажи мяса. А ты как в городе живешь? От получки до получки? Да и работа под вопросом – сократят предприятие, куда пойдешь? Да и примут ли на другом предприятии? И своего ничегошеньки нет. Так что ты полностью зависишь от обстоятельств. А я нет. У меня земля. А сейчас выживет тот, у кого она есть. Да, я горд, что живу в деревне. Тут рай, а в городе сплошной ад, и на город никакой надежды. Разврат, безработица и жульё. Так что переезжай в деревню. Иначе не выживешь. То ли еще будет... – Вовка посмотрел на меня с улыбкой. – Рай не рай, деревня не деревня, ни того, ни другого. Просто заброшенные никому не нужные люди. Живем сами по себе, выживаем сами, как можем – получается...

С Вовкой я расстался за полночь. Я долго лежал и думал о Вовкиных словах. За окном установилась ночь. Где-то в углу надрывался сверчок. Кот Васька ткнулся мне в лицо холодным носом, лег рядом и замурлыкал. Долго мял своими лапами мне грудь, словно пробуя ее на прочность, и, удовлетворенный своей работой, свернулся калачиком и затих. Я вдался в воспоминания...

Вовка был из тех людей, коих односельчане считали не от мира сего. Среднего роста, поджарый, с толстыми в запястье руками и огромными кулачищами-кувалдами, он выглядел неуклюже среди своих сверстников. С грубо посаженной головой на толстой короткой шее он напоминал скорее памятник. Большие выпуклые губы со смачным чмоканьем тяжело повиновались управлению при разговоре. Главным у Вовки была любовь к спорам. Он спорил в меру и не в меру, не задумываясь о правдивости

своих убеждений. Он часто проигрывал в спорах и это, как ни странно, доставляло ему огромное удовольствие. Помнится, в школе, в шестом классе, он поспорил с Вовкой Игониным, что в эту ночь не взойдет луна. Спор Вовка проиграл. Но в школьной библиотеке он прочитал все о луне и за год получил пятерку по астрономии.

– Проигранный спор, – любил повторять Вовка, – кнут к устранению незнания. Это толчок к работе.

За счет такого кнута Вовка окончил школу чуть ли не с медалью. Учителя возлагали на него большие надежды. В институте он продолжал спорить со всеми, включая преподавателей. С чисто деревенской психологией он поспорил с преподавателем биологии, что переспит с преподавателем истории и что у неё родится сын. Его хамство тогда много наделало шума. Затем он поспорил с учителем истории, что Сократ в левом ухе носил цыганскую серьгу. Вовка так спорил, что дело чуть не дошло до драки. Об этом узнал ректор института. Преподавателя истории уволили с работы за нарушение этики поведения со студентами, а Вовку отчислили из института. Затем Вовка поменял методику споров. Он сначала изучал какой-либо вопрос, затем искал спорщика на изученную тему. Он выигрывал спор за спором, и на селе не стали с ним связываться. Тогда он стал свои знания вкладывать в рационализаторские предложения и предлагать вкладывать их на заводе. Но руководство завода посчитало несерьезным связываться с Вовкой. И он стал применять свои предложения в своем хозяйстве. Однажды в его гараж залезли воры и экстренно попали в больницу. Сработал Вовкин механический сторож. При другом случае сосед Николай решил украсть у Вовки вертолетное колесо. Когда он поднял его, раздался взрыв, и Николая облило типографской краской. Вор месяц ходил по селу меченым, проклиная Вовку и весь его род. В хозяйстве рационализатора все было механизировано и частично автоматизировано. И кто бы ни лазил с воровской целью к Вовке, был обречен на большие неприятности. Вскоре на Вовку все в селе махнули рукой.

На заводе Вовка работал на засыпке шихты в дому. Не считаясь со временем, он механизировал свой участок работы, тогда как рабочие на других участках вручную надрывались на тяжелых операциях. Вовке дали грамоту, повесили его фотографию на Доску почета. И все. Но Вовка был доволен своим творением до беспамятства.

Вскоре на завод прибыл новый директор. Присмотревшись к Вовке, он предложил ему наладить автоматическую охрану тыльной стороны завода, откуда тащили всё, что можно и нельзя. Вовка автоматизировал систему работы заводских ворот, установил видеокамеры, смонтировал сигнализацию складов. За это рабочие ночью подкараулили и избили Вовку. Плюнув на все свои достижения, Вовка снова вернулся на засыпку, где его механизированные и автоматизированные узлы разворовали и растащили.

– Рас-с-е-я! – только и произнес Вовка.

Утром меня толкнули в бок. Я открыл глаза. Витькино лицо – блюдечко с веснушками – кривилось в улыбке. Я глянул в окно. На крыше соседнего дома стоял Гнида.

– Уже утро? Гнида пост принял? – протянул я спросонья.

– Ага! – отозвался Витька. – Вставай, пошли в поход.

– Кулибин был вчера? – спросил Витька.

– Какой Кулибин? – не понимая вопроса, спросил я.

– Вовка!

– А-а... да.

– Тогда понятно, почему ты не выспался, – тяжело и сочувственно вздохнул понимающий Витька.

– А что, заметно? – спросил я.

– Еще бы... все село шумит... – загадочно ответил Витька.

– А что случилось? – заволновался я от мысли, что Вовка опять что-то натворил.

– Да не-е, просто Вовка не закрыл за собой дверь, а поросенка Повольнова дверью прижало... теперь погибнет поросенок.

Я быстро оделся, поел блинов и вышел на улицу. Витькины три друга ждали меня. От Вовкиного дома шла моя мама.

– Что там? – спросил я.

– Всё обошлось. Жить будет поросенок. Голову автоматически ему прижало. Ну, вы сходите в лес и к обеду возвращайтесь.

Я проводил её взглядом и впервые отметил влияние старости на походку. Она немного в развалку, как бы маневрировала телом от случайного заноса в сторону, ноги передвигала с трудом. Руки еле двигались в такт движениям, словно работая на устойчивость равновесия тела.

– Пойдем? – прервал моё замешательство Витька и дернул за руку.

Витька познакомил меня со своими друзьями.

Вскоре мы вошли в лес. От соснового бора и молодого дубняка повело прохладой. Подошли к песчаному котловану огромного размера. Раньше здесь пытались разрабатывать залежи песка для нужд стекольного завода, но быстро прекратили по непонятной причине.

Я присел на поляну. Сорвал стебель дикого щавеля, кислятик, так звали его местные жители, и сунул в рот. От кислоты у меня свело скулы.

– Вот это аптека, – выплюнул я месиво.

– Что, свело брулы-то? – хихикнул Витька. – А у меня не сводит. Я не привык к кислятикам и не ем. Их с самолета дустом опыляют. Отравиться можно.

– У нас тут всё отравлено дустом, – ввязался в разговор Толик, – сыпят и сыпят...

– А папка говорит, что в авиации распылительной деньги на воздух бросают, – подметил Сашка

– Да! Хорошая лекция о воздушном флоте. Приятно с грамотными людьми общаться.

Услышав приятную похвалу, ребята быстро расселись вокруг меня и наперебой стали рассказывать истории из жизни села. Первым начал Витька.

– Это было в позапрошлом году. Пошли мы с дядей Ваней пасти коз. Дядя Ваня – инвалид. У него нет одной ноги. И ходит на костылях, и все время под мухой. Так мой папа говорит. И сколько бы мы с ним ни ходили, никакой мухи у него я не видел. Один раз мы набрали на гнездо диких ос. Дядя Ваня разгреб его костылем, а оттуда осы как зажужжали и дядю Ваню стали кусать. Меня тоже одна в шею укусила. Ну и мы бежать, – Витька расхохотался и вперемежку со смехом вставлял детали рассказа. – А дядя Ваня на костылях ка-а-ак сиганет прыжками, вперед коз на костылях домой примчался и два дня отмочки квасом делал...

Ни рожи, ни кожи – коровья лепешка вместо лица. Вот я и говорю, что дядя Ваня не под мухой, а под осами ходит ха-ха-ха...

– Ну и врать же ты горазд, – начал Толик.

– Я-а-а?! – посуровел Витька. – Да ты папку спроси, козел вонючий.

– А вот со мной история произошла, – начал Сашка, – приехал к нам в гости мамкин двоюродный брат. Мамка папке шепчет, ты, мол, его сильно не пои, у него белая горячка. А папка говорит, как, мол, гостя не приветить. На третий день мамкин брат пальцем кому-то грозит и кричит: «Черти, кыш, рыжее племя», – и руками вокруг себя машет.

– А ты видел их, чертей-то?

– Не-е, мамка говорит, сроду бы их не видать. Вот, говорит, вырастешь, водку не пей. Зло одно.

Саша подсел ко мне поближе. Ковырнул зачем-то палкой землю, посмотрел по сторонам, словно чего-то боясь, и шепотом сказал мне:

– Мне папка рассказал одну страшную тайну. В гражданскую войну на нашем кладбище потомственную графиню – старушку похоронили. Два ейных брата вместе с ней закопали в могиле золота тьму-тьмущую. Но один мужик случайно всё видел и потом рассказал моему прадеду. Говорят, потом по ночам на кладбище кто-то разрывал могилы, но найти золота так и не могли.

Саша закончил рассказ, а ребята сидели как замороженные. Каждый думал о своем.

– Да, – нарушил я молчание, – тайна действительно великая. Но правды что-то в ней не чувствуется. Давайте семинар заканчивать, пора по домам.

Ребята лениво поднялись и поплелись за мной в село.

Вечером я рассказал Вовке про поход с ребятами. Он подумал мгновение и грустно посмотрел на меня. В его взгляде я прочитал тоску, отчаяние и полную растерянность. Он был чем-то встревожен.

– Вот скажи ты мне, чего человек боится? – начал Вовка. И тут же сам ответил на свой вопрос. – Собаки и ножа, потому что он понимает нутром сам процесс их влияния на тело человека. А чего больше всего любит человек? Деньги и подлость. Потому что где деньги, там и подлость. И наоборот. А чего больше всего человек боится? Конечно, змею. При одном только слове о ней у человека вся психика встает щетиной. Вот и посуди, какой финал у людей: собака, нож, деньги, подлость, змея.

– Логика не вижу, – возразил я Вовке.

– Логика? А ты со своей логикой почему живешь от зарплаты до зарплаты, как в долг? И ответь хотя бы сам себе, чего больше всего боится человек? – Вовка опять ответил сам себе. – Человек боится самого себя. Он не знает и не стремится познать самого себя изнутри: своё ханжество, грязь, пороки и положительное. И чем больше человек судит о других людях, тем больше он ненавидит себя за свою подлость. Таким образом, человек постоянно борется с самим собой. Одни находят выход в пьянстве, другие в наркотиках, третьи в писанине, надеясь найти выход в своем придуманном мире.

Вовка умолк. Молчал и я. Я пытался обработать изложенную Вовкой информацию, но так ничего из сказанного им и не понял. Потом Вовка взял меня за руку и повел к себе в сад. Там я оказался за сплошной завесой мелкого дождя, искусственно созданного Вовкиным изобретением. Я осмотрел огород: справа в четыре ряда сплошной жирной зеленой массой

колыхалась малина, чуть дальше тугими футбольными мячами гнездились капуста, левее – грядка огурцов, в конце огорода краснели томаты, пестрел вишневый сад, плодовые кустарники и все это на одном гектаре...

– И это все обрабатывается и поливается автоматически? – удивился я.

– Три раза в день, – пояснил Вовка. – С этой территории я собираю урожай, что на зиму хватает детскому садику, местной столовой. Одной свинины сдаю, курей, яиц, столько, что всю деревню прокормить можно.

– Как же ты управляешься? – удивился я.

– Нормально. Просто работать нужно уметь. А у нас привыкли только завидовать, критиковать, жрать, да налоги драть. Поэтому и живем в долгах да в нищете. Отвык народ работать. Зато воровать научился.

В течение трех часов Вовка показывал мне свое хозяйство.

На следующий день я стал собираться к отъезду. На прощание Вовка подарил мне фуражку с четырьмя козырьками. Я не понял подвоха и вопросительно посмотрел на него.

– Это подарок со смыслом, – сказал Вовка, – смотри, козырек спереди, чтобы на нос не капали, сзади, чтобы за шиворот не лили, а по бокам, чтобы лапшу на уши не вешали... – и внес ведро с медом. На нем было четыре дужки с ручками.

– А про это сам догадывайся, – сказал Вовка, пожал мне руку и быстро ушел домой к своему хозяйству.

По дороге в город я всё размышлял о Вовке. Вот если бы все в деревнях так же работали, у нас бы проблем с питанием не было. Так что же нам мешает?..

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Сергей БОРОВСКИЙ

СЫН РУСИ

*Дуб задумал стать вольней –
Оторвался от корней.
Извели его на тёс¹ –
Из пенька другой отрос.*

* * *

Между гор и океанов,
Среди сосен-великанов
И степного ковыля
Зародилась Русь-земля.
До Руси на месте этом,
Наслаждаясь белым светом,
С незапамятных времён
Жило множество племён:
Полочане и древляне,
Волыняне и поляне,
Северяне, кривичи,
Чудь, тиверцы, уличи...

* * *

Всякий род, считаясь славным,
Среди прочих не был главным,
И при множестве таком
Все роднились языком:
Чудный повод подружиться,
На земле объединиться.
Но не сразу племена
Поменяли имена.
Не спешили в жар кидаться,
Русским именем назваться –
Век прошёл, а то и пять.
Нам теперь не сосчитать.
Ни монахом, ни поэтом
Не написано об этом,
А народная молва
Говорит, что века два.

1 Тёс – доски, получаемые из бревна путем продольного распиливания или раскалывания с дальнейшим обтёсыванием.

* * *

Чтоб взрастить иное племя,
Даже Богу нужно время,
Но не год, не двадцать лет,
Плюс – Его авторитет.
Он управился бы во сто.
Разделить на части просто,
Да сложить потом в одно
Эти части мудрено.
Русь же, так или иначе,
Преуспела в той задаче,
Племена собрав в семью,
В землю вольную свою;
Как родных, своих по праву,
И себе, и им во славу...
Кто придумал имя Русь,
Я поведать не берусь.
Тех давно уж нет в помине.
И никто, живущий ныне,
Вам на то не даст ответ.
Правда, горя в этом нет.
В мире многое забыто,
Много тайнами покрыто.
Но немало смельчаков
Погружалось вглубь веков:

* * *

Там, границы наблюдая,
Русь стояла молодая,
Упираясь в океан.
У Руси был сын Иван.
Мать Иванушку любила:
И кормила, и поила.
Он возделывал поля.
Процветала Русь-земля.
Сын надёжной был опорой.
Если кто грозился ссорой –
Поднимался: «Полно, мать!
Нам ли силу занимать,
Нам ли думать о неволе?»
И ему на бранном поле,
Коль собрать со всех концов,
Равных не было бойцов.

* * *

Если враг не беспокоил,
Он рыбачил, сеял, строил,
Занимался ремеслом,
Рос богатством и числом.
Русь украсил городами,
Куполами и садами.
Мать на славные дела
Отвечала, чем могла.
Став дитём её природным,
Рос он сильным, благородным,
Сердце доброе имел,
Дружелюбен был и смел.
В мире славился смекалкой,
Труд любил, но не под палкой.
Из желаний и утех –
Волю ставил выше всех.
Трусость, страх считал пороком
И, шагая за Пророком¹,
Он за Родину, за мать
Жизнь способен был отдать.

* * *

Этой редкою чертою
И прослыла Русь святою,
Ей и силою родства
До сих пор ещё жива!
Правда, нынче Русь другая...
Но, вперёд не забегая,
Букве следуя простой,
Возвратимся к древней, к той.

1 Иисус Христос (примечание автора).

* * *

Годы мчались по порядку,
Звёздный Кучер¹ гнал лошадку
Вдаль, неведомо куда...
А на Русь сошла беда –
Изнутри её достала:
Змей² показывает жала,
Нечисть – вместо чистоты,
И поля кругом пусты.
Сын, опутанный страстями,
Счастье ищет за морями
И не видит, как она
Бьётся с чудищем одна,
Как клыки змеиной пасти
Разрывают Русь на части,
Как кружится вороньё,
И не слышит стон её.

* * *

Долго маялась без сына
Опустевшая равнина,
Слёз немало пролила.
А вернулся – ожила!
Поднялась сильнее прежней.
Стал и сын в делах прилежней,
Укрощая пыл страстей
И непрошенных гостей.
Парусами с ветром споря,
Взял невесту из-за моря.
Мать, поплакав, приняла:
Не по сердцу та была.

1 Бог (примечание автора).

2 Змей – змееподобное чудовище – противник русских витязей.

* * *

А невеста, став супругой,
По земле стелилась вьюгой –
Сына с матерью тайком
Разделяла холодком.
Чувств недобрых не скрывала,
Русь по-своему назвала.
Мать, Иванушку любя,
Не вступилась за себя.
И Иван стерпел, смирился,
Не познав, чего лишился.
У него от женских чар
Полыхал в груди пожар.

* * *

Мать, Ивана утешая,
Говорила: «Жизнь большая.
Лишь бы ты, идя по ней,
Не забыл своих корней.
В них – бессмертие и сила!
Я же как тебя носила,
Так и дальше понесу:
И полями, и в лесу.
Напою и обогрею,
Думы горькие развею.
Ты и сам их прочь гони,
Имя матери храни.
Не теряй его из виду,
Не давай меня в обиду.
Видит Бог – пройдут лета –
Русь вернётся на уста!
Путь прокладывая узкий,
Помни, сын: ты – мой, ты – русский!
Сердцем помни – не умом!
И не то переживём».

* * *

Звёзды по небу летали,
Мать и сын века считали,
Признавая власть числа.
Он вырослел, она росла.
Русь сражалась со снегами,
Ваня мерился с врагами.
Но она в своей войне
Побеждала по весне,
А Иван – когда придётся –
Не на жизнь, а на смерть бьётся,
Но земли не отдаёт,
Славу русскую куёт!

* * *

Отшибёт головку змею –
Тот вернёт её на шею
И опять стоит живой –
Новой крутит головой.
Грозной молнией сверкает,
Когти в землю запускает,
Жаром пышет из ноздрей –
С каждым часом злей и злей –
Злее бури, урагана...
Но ему сломить Ивана
Не хватало, видно, зла.
Сын сражался – мать жила!

* * *

Змей тогда решил слукавить –
Кровь горячую разбавить,
Жар сердечный остудить,
Чтоб скорее победить.
Лишь на землю мрак спустился,
Он ужом оборотился
И когда Иван уснул,
Тут к нему и прошмыгнул.
Через щель прополз под стену,
Надкусил легонько вену –
Кровь с чужой перемешал,
А Иван и знать не знал.
Спал всю ночь и не проснулся,
Только засветло очнулся.
Чует – кровь не горяча,
Видит – рана у плеча.
Меч руке не поддаётся,
Рядом враг стоит – смеётся,
И сверкают как клинки
В пасти острые клыки.

* * *

Змей, остыв, сказал Ивану:
«Убивать тебя не стану,
Зла на сердце не таю,
Милость жалую свою.
Предлагаю, Ваня, дружбу
И беру тебя на службу.
Ведь твою землицу-мать
Надо как-то поднимать.
Хлеб выращивай, скотину...
Мне заплатишь половину,
Я ж тебе как добрый друг
В руки дам и кнут, и плут».

* * *

Ваня видит – спор напрасен,
Говорит в ответ: «Согласен».
Сам же думал: «Верх-то твой,
Только я ещё живой.
Не о двух концах ли палка?
Кровь жидка, да есть смекалка –
Выход как-нибудь найду».
Он приучен был к труду.
Раньше всё в руках горело.
Но сейчас – другое дело –
Ни огня, ни силы нет.
Десять... сто проходит лет.

* * *

Ваня гнёт на змея спину,
Справно платит половину,
Труд не в радость, свет не мил.
А Руси и след простыл –
Перестала отзываться,
Имя стало забываться.
Ваню вместе со скотом
Змей подбадривал кнутом.
От кнута спина горела,
Кровь под кожей кипела.
И однажды сердце в нём
Прежним вспыхнуло огнём!

* * *

Сила в мускулы вернулась,
Удаль русская проснулась!
Он, не тратя зря минут,
У злодея вырвал кнут,
Вдоль спины огрел без злобы,
Но на век запомнил чтобы,
И пониже дал пинка,
Чтоб – на многие века!

* * *

Мать, теснимая врагами,
Под чужими именами
Время смутное жила –
Избавления ждала.
Ваня сам спешил вступиться,
Но боялся оступиться,
Дров в горячке наломать,
Обездолить землю-мать.

* * *

У друзей просил совета,
Обошёл пешком полсвета
Да полсвета облетел,
Книг листами шелестел:
Между строк искал и в слоге...
И, не мудрствуя, в итоге
Написал на карте – РУСЬ.
Я Иванушкой горжусь.
И живая сказка эта
Родилась в душе поэта
Не для красного словца,
А в честь славного конца!

* * *

Светлана РАДАЕВА

Маленький Дин

– Чего упрямишься? Ты – джин. Значит, тоже должен жить в бутылке. Маленький Дин не хотел в бутылку. Там делалось тесно, душно, скучно. Он витал над краем горлышка и мечтал о людях.

Другие джины уже укупились.

– Пакуйся как мы, – учили они. – Смелее, бери пробку. Через тысячу лет люди сами придут за подарками.

– Тысяча лет... бр-р-р, – вздрогнул Дин. – Зачем ждать? Полечу к ним и подарю всё своё тепло. Сейчас.

Маленький Дин обернулся струйкой печного дыма, прилетел в огромный угрюмый город и грел, грел, грел.

Когда прохожие начали улыбаться, его клубящуюся грудь наполнила радость.

– Ура, скольким потеплело!

Дин парил выше крыш, любовался улыбками...

– Я буду греть ещё. Каждый день. Изо всех сил.

Так он шептал год за годом. И рос.

Маленький Дин не заметил, как вырос. Стал большим и мудрым.

Если повернуться к трубе, где живёт мудрый джин и загадать для всех тёплое желание, – обязательно сбудется.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена КРЮКОВА

«На камне сём Я созижду Церковь Мою...»

О книге Сергея Козлова «Сорок дней»

Жизнь и смерть. Рождение и уход.

Господи... Куда мы уйдём... Все, все...

Да ведь всё искусство на свете – об этом. Вся литература, хорошая, сильная литература – об этом.

Мы закрываем глаза и замираем, помышляя о смерти. С кем угодно ЭТО произойдет, только не со мной! С тем, другим... с тем, кто рядом... К нему смерть придёт, а ко мне, может быть, и нет; может, я сумею от неё спрятаться, укрыться; может, она совсем не так страшна, как представляют её, и, умирая, человек на самом деле рождается... но куда? Во что? Каков ТАМ Мирь? Да полно, есть ли там Мирь? Может, никакого Мира Иного там нет, а есть только чернота, пустота... молчание.

Роман Сергея Козлова «Сорок дней» – может быть, вовсе даже никакой не роман. Он выходит вон из рамок романа. Это ДУХОВНАЯ книга ровно настолько, насколько архетипична тема, архетипичен мегаобраз, в ней решаемый, в ней изображаемый. Жизнь + смерть – мощнейший архетип. Мы, живые, живущие, наблюдаем его со стороны, не понимая, что мы живем внутри него. И именно к нему, этому громадной силы архетипу, стягиваются все нити судеб, все подробности меняющихся времен, все тайны искусства.

И тайны любви.

Книга «Сорок дней» – о любви.

Любовь трансцендентна, любовь насущна, это не только хлеб плоти, но и хлеб души. А душа, что она такое? Св. архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, великий хирург и великий иерей, в своей удивительной книге «Дух, душа и тело» затронул вопросы невероятно важные для всякой отдельно взятой жизни. Для каждого человека в Мире. Сергей Козлов продолжает линию раздумий Отцов Церкви, дышит атмосферой, которой дышали потрясающие православные мыслители, богословы, священники. А сама книга – да, исповедь. Голос. Это голос человека УШЕДШЕГО. Никакие исследования, подобные работам Раймонда Моуди и Элизабет Кюблер-Росс о «жизни после смерти», не погрузят нас в святое таинство Смерти. Она есть неотвратимая Матерь-Смерть, и она же – для постоянно дряхлеющей работы духа человека – есть Матерь-Жизнь.

«Захотелось заплакать... Да нечем уже. Слёзы остались в теле. И плакать надо успевать там, и не стесняться тех слёз, которые вызваны сокрушением о своих грехах, о своём несовершенстве, которые вызваны состраданием. Вы не представляете, как это БОЛЬНО, когда не можешь сокрушённо зарыдать или тихо заплакать... Это

больно... Очень больно... Душа разрывается на части, а выхода её боли нет... Не стесняйтесь слёз при жизни. Нам всем есть над чем и отчего плакать...

Честно говоря, последнее время я часто плакал и сокрушался. Принимаются ли эти слёзы как часть покаяния, Господи? А зачтутся ли слёзы Вари? Её молитвы обо мне?

И здесь я тоже научусь плакать... иначе и здесь можно сойти с ума.

Ощущение присутствия Бога позволило мне взмыть вверх и буквально увидеть новым зрением, как пронизывают эти божественные лучи весь город и всю Землю.

Когда я впервые почувствовал это?»

Герой книги, уже отошедший в Миръ Иной, перебирает в памяти всю свою жизнь. Он пытается понять, увидеть, где, как и когда произошла его первая встреча с Богом.

Бог гораздо более реален, нежели думают люди неверующие. Вера – это тоже счастье. И вот что важно: это счастье одновременно земное и небесное. Вера сшивает крепкой сияющей нитью небеса и землю. Что чувствует умерший человек? Три дня... девять дней... сорок дней... Одной из книг, зачитанных мною в юности до дыр, была книга иеромонаха Серафима Роуза «Душа после смерти». Вот все, все говорят о странствиях души, о мытарствах (вспомним «Мытарства блаженной Феодоры», классический православный текст о посмертии!), о видении оттуда – милой покинутой земли, родных людей... До сорока дней душа может навещать милых, любимых. Может ли? Или мы просто утешаем себя этим положением, внушаем себе его, на самом же деле там нет ничего, и даже если душа ТАМ будет продолжать существовать, вся гамма её чувствований, способность ощущений станет совсем другая, нежели была на земле...

Сомнения... размышления... сплетение веры и неверия...

Рядом с героем, Александром, как гриб из-под земли, появляется Тёмный. Легко читается имя этого действующего лица, обращённое в выразительный и страшный эпитет. Это древняя славянская традиция – скрыть настоящее имя жуткого существа, демона, заменив его определением. Тьма и Свет – тоже двойной архетип. Да, все в Мире подвластно тайне Двойного. И диавол рядом с нами – изначально космически назначенный нам персонаж. При Таинстве Крещения священник спрашивает крещаемого: «Отрицаеши ли ся сатаны и всех дел его, и всех аггел его, и всего служения его, и всея гордыни его?» И крещаемый, стоя перед купелью, должен дунуть и плюнуть на Тёмного.

Тёмный соблазняет. Тёмный делает невыносимо больно. Тёмный посеяет тяжёлые сомнения. Тёмный насмешничает и обижает. А рядом с Тёмным – упование, надежда, встреча героя с отцом, давно ушедшим ТУДА, и этот разговор, что навеки врежется в память:

«– Здесь не женятся и не выходят замуж, – напомнил отец.

– Я знаю, но...

– Земная любовь сюда дотягивается, длится, если она была там...

Но здесь всё по-другому.

Бессмысленно было спрашивать «как»; для того, чтобы понять, нужно было погрузиться в божественную вечность. А я был где-то между...

– Я люблю Варю, даже отсюда, – просто сказал я.

Мы замолчали. Отец приобнял меня, как в детстве (...).

Мирь Иной населен – или пуст? Но ведь даже ясное небо в погожий день не бывает пусто. Мы в небесах посмертия, может быть, летящие птицы. И не чуем своего тела, а только парим в неведомом поднебесье невесомой душой. Ваш выбор – верить или не верить в персонификацию душ, оказавшихся за чертой бытия, принявших Невозвратное как данность. Конечно, нам хочется населить Тот Мирь нашими близкими. Хочется с ними встречи. И размышляя об этом, мы предвкушаем эти дорогие сердцу встречи, мы счастливы, что можем с ними беседовать, можем их обнимать...

Господи, не прекрасный ли это сон? Сон, рассказанный русским писателем, сон, ставший невольной исповедью величиною в целую жизнь?..

Вся книга – огромная притча, мистерия, и за перемещениями, диалогами и мизансценами всех участников мистерии стоит страстная тяга к ПРИМИРЕНИЮ двух Мировь. Пусть сказка. Пусть легенда. Пусть мистерия, миф. Наша жизнь – вся – миф, и мы всё время, отпущенное нам на Земле, по складам читаем Книгу Судеб и разгадываем иероглифы, символы-знаки собственной судьбы, страшимся произнести вслух грозные Божии слова, и незримой, необъяснимой гранью жизнь становится мифологией, грех – покаянием, а смерть – испытанием. Да, Ад рядом. Даже слишком рядом. И в литературной форме, избранной автором, необходимы были именно ГЕРОИ, живые люди, пусть даже умершие, диавол-антагонист, принявший одно из своих бесчисленных, коварных и жестоких обличей, их встречи и разговоры, новое понимание пройденной земной жизни и открытия там, за Адской «красной линией», новых искушений: вот Ад соблазняет Александра пышногрудыми суккубами, и здесь понимаешь православных исихастов, боровшихся не только с греховной плотью, но и с греховными помыслами. Александр уже ОТТУДА обнаруживает: плотское соединение не грех, а высочайшая радость лишь в одном случае: если любишь.

И вся книга, открыто или латентно, – апология любви.

Герой пьёт с бесами, герой сидит за одним столом с самоубийцами; церковь запрещает отпевать самоубийц – никто не вправе наложить на себя руки, ибо не ты сам «придумал» появиться на свет, а тебя сюда привела воля Божия. Неверующий человек, быть может, никогда этого положения не осознает. Но тот, к кому пришёл Бог или кто сам пришёл к Богу, никогда не подойдёт близко к краю суицидной пропасти: вкусить ту смерть, что придёт к тебе сама, опять же по воле Божией, совершить этот ПЕРЕХОД, преодолеть эту терминальную, ламинальную область между бытием и смертью, перейти Суждённое, пересечь Пограничное – это задача судьбы, и это (в тот момент, когда этот переход совершается) подлинное веление Бога.

Мы, многие, произносим слово «БОГ», не особо вникая в его Вселенский вес, в его всеобъемлющность, звёздный подтекст. Задаю вопрос: а почему Александр попадает в эти проклятые Адовы пространства? И он сам даёт нам ответ.

«– Меня сюда не прислали, а сослали. Понимаете разницу? Всего лишь за то, что я пару раз в жизни думал спрыгнуть с моста. Почему? Потому что мне стыдно и грустно было жить!

– И что вас остановило?

Она сделала ещё шаг в обратном направлении. Скажи я сейчас о Боге и вере, она повернётся и пойдёт к своему мосту. Эти понятия ей здесь уже вообще недоступны.

– Любовь (...)».

Мы понимаем: Ад рядом, он, так же как и Господь, и над нами, и в нас; и внутри нас Ад оказывается, потому что мы в жизни грешили. Грех нераскаянный – грех неискуплённый. А грех возвращающийся, грех, творимый заново, – грех двойной, невытравимо его клеймо.

Как спастись? Куда идти, пока ты жив?

В книге есть очень важный персонаж: Ангел-Хранитель, автор называет его просто Хранитель. Он показывает Александру разнообразные греховные пространства, в том числе и Лас-Вегас; там бес (диавол) является герою в образе разбитного таксиста. И в этой фантазмагорической, Адской Америке Александра ждёт пьяный разговор с Коди Уайтом, драка, игра со смертью – русская рулетка...

Но какой же самый страшный грех на земле?

«Безболезненная «неоперация» действительно прошла быстро. Раз – и нету только что начавшейся жизни. Кто ты, ангелок, которого мы так и не увидели? Это сегодня я знаю, что Господь уже тогда вдохнул в тебя Свою Искру. Знаю, и мне больно...

Какой морок на нас нашёл? И что с того, что десятки людей советовали нам именно такой шаг? В том числе сердобольные родственники. Морок был над всеми, но решали мы вдвоём...

Хотели пожить для себя, вот и жили все следующие годы, когда у нас появилась и квартира, и машина, но никак не появлялись дети...»

Для матерей, кто убил дитя во чреве своем, существует особая искупительная молитва. Но женщина, совершившая это бесчеловечное деяние, сотворившая этот ужас и с будущим ребенком, и с самой собой, потом всю жизнь живёт с великой тяжестью на душе. Тяжесть эта трагически неизбежна. Её не удалить, как больной зуб, никакими исповедями, никаким прощением грехов. Человек длительностью страдания искупает совершенное однажды заблуждение обретения личной свободы ценой преступления. И опять: мать, пошедшая против воли Господа и не пожелавшая родить суждённого ей ребенка, совершает убийство.

Чем, как его отомолить?..

«Сорок дней» – одновременно и эпос, и фантазмагория, и реализм, и философия, и экшн, но более всего – исповедь. Да, исповедь. Причем предельно откровенная – в иные моменты даже не осознаёшь, что это выдумка, роман, а отождествляешь героя Александра Сергеевича с самим автором, воображаешь реальную жизнь писателя... и то, что эта книга создана им как бы ОТТУДА, как ни страшна для самого прозаика эта игра читательского воображения.

А тем временем Баальберит, демон, одна из ипостасей диавола, и Хранитель, посланник Господа, уже прямо стоят друг против друга, ПРОТИВОСТОЯТ.

И это противостояние вечно.

Прислушаемся же к автору – он не устает повторять на свой лад древнюю мудрость, христианские максимы, интерпретировать их собственной душой – эти слова в книге звучат музыкой, да весь Мирь, по сути, он же звучащий, он дышит и звенит пифагорейской гармо-

нией сфер, православными колоколами, да просто пением птиц весенним утром...

«Господь каждому даёт крест по силам его. Это мы сами посылаем на свой тернистый путь собственной дурости, гордыни, эгоизма, страстей и страстишек, сами петляем, хотя каждому указан тот самый тернистый, но вполне прямой путь (...)».

Крест. Каждый несёт свой крест. Каждый встречает на дороге жизни испытания. Как важно знать, что Бог, несомненно, даст тебе страдания, но подарит и радости!

И важно это не только знать, но благословенно в это ВЕРИТЬ...

Слушаем, слушаем автора. Не бойтесь, что это вам уже говорили: священники, друзья, отец и мать, святые Первокниги, Священное Писание. Никогда истина не бывает лишней. Никогда правда бытия не бывает надоевшей. Повторяйте, повторяйте Божию Истину, и вы не собьётесь с пути. А путь длинный. А жизнь, какой бы крошечной вы её в горестях не представляли, всё-таки беспредельна...

«Богатство, которое я нажил в своей жизни, я не могу взять с собой. Всё, что я унесу с собой, – это лишь воспоминания, связанные с любовью. Вот настоящее богатство, которое должно следовать за вами, сопровождать вас, давать вам силы идти дальше.

Любовь способна преодолеть огромные расстояния. У жизни нет пределов. Достигайте высот, которых вы хотите достичь. Идите туда, куда зовет вас сердце. Это всё в ваших руках (...)».

Пьянство, убийство, самоубийство... Это Ад.

Лагерь, барак, крематорий... Это тоже земной Ад.

Но герой – в морге – уже под занесённым над ним скальпелем патологоанатома – оживёт.

И это – земной Рай.

«Я попытался приподняться, но не смог. Слабость была во всём теле такая, словно я вернулся из долгого межгалактического перелёта. Впрочем, так оно и было.

– *Может, скажешь, почему ты не умер?*

– *Потому что Он умер за меня (...)*».

Сергей Козлов написал книгу, где успел, сумел проговорить важнейшие для человека мысли. Не дидактические. Не императивные. Не разъясняющие, как надо жить и что делать. В этой книге он ПОКАЗАЛ посмертие как ВАРИАЦИИ СУДЬБЫ. Показал покаяние как спасение. Показал противоборство Бога и дьявола, Хранителя и Баальберита, Ангела и демона как архетипический, извечный контраст Вселенной.

Показал любовь как единственность жизни.

И с чувством подлинного счастья мы узнаём, что у Вари, жены героя, будет сын, и ему уже двадцать восемь дней. А возможно, будет и дочь. И никогда не надо отчаиваться. И всегда надо давать отпор грехам и соблазнам, и всегда быть готовым к покаянию. Исповедь и Причастие – вот величайшие, бессмертные драгоценности, данные нам Господом и Церковью.

«...И врата Адовы не одолеют ее».

Человек бессмертен верой. Человек бессмертен Богом. Человек бессмертен любовью.

Тамара ЗУЕВА

Мансийский Мюнхгаузен Маргариты Анисимковой

Известная писательница – романистка Маргарита Анисимкова очень хорошо знала быт и культуру, традиции и верования вогулов.

Кто такие вогулы? И кто такие остяки? На основе сохранившихся преданий – живого музея народа – можно проследить пути духовного развития народов манси и хантов.

Вогулы – это раннее название манси и остяков, теперь последних называют хантами, и относятся они к обским уграм. Угорскую ветвь из них составляют не только народы манси, ханты, но и венгры. Манси и ханты называют себя обскими уграми, а их язык называется обско-угорским.

Манси (вогулы) живут на территории северо-западной части Сибири по левым притокам Оби в пределах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Несколько десятков семей живет в Свердловской области. В Пермской же области в верховьях Вишеры сохранились лишь потомки манси, которые говорят по-русски, но называют себя до сих пор вогулами.

«У манси не было письменности до 30-х годов XX столетия. Поэтому прошлое мансийского народа отразилось в фольклоре – в преданиях, сказаниях, героическом эпосе о славных предках, в обычаях и обрядах.

Фольклор народа – документ словесности, развития речи. Он отражает историческую истину (иногда в несколько придуманном состоянии). Он является историей и летописью для народа, но повествует об исторических событиях без указания точной даты. В нем отражены и контакты между древними этносами, и военные события, происходившие с соседними народами. Говорится и о древних миграционных путях предков манси. Фольклор отражает духовность народа, его мудрый ум, национальный дух, мировоззрение, нравы, обычаи, характер и силу» [5, с. 7–8].

В устном народном творчестве народов Западной Сибири вогулов и остяков существует множество различных баек, притчей о несуразных похождениях болтливых придумщиков. В этих байках народ высмеивал чудеса, придуманные подвиги не только на рыбалке и на охоте, но и в личной жизни, и даже на войне. Маргарита Кузьминична Анисимкова родилась на Северном Урале, а недалеко от них проживали удивительные охотники и рыболовы – вогулы в посёлке с красивым названием Саранпауль. Частыми гостями в доме, где жила маленькая Рита, были и вогулы, и ханты, и коми-зыряне, и татары. В жизнь Маргариты Анисимковой они вошли с её самых ранних лет. Она прислушивалась к их речи, к тому, что шипящие звуки они почему-то не выговаривали, и вместо «чистый» у них получалось «систый». Ей и самой нравилось бывать в гостях у этих милых, открытых и безбидных людей. Будучи взрослой, она познакомилась с Ерофеем Анямовым, имя которого стало увековеченным в её книге «Невероятные приключения вогула Ерофея Анямова».

Да и сама Маргарита Анисимкова предстанет перед читателем в совершенно ином свете. Оставив серьёзный и строгий язык романов, писательница предлагает нам познакомиться с забавным и обаятельным

вогулом, который, конечно, является собирательным образом, представляя читателю весёлый нрав и находчивость всего мансийского народа. «Уж Анисимкова-то знает, что Ерофейка её просто озорует со свойственным вогулам обаянием, а обаяние-то ведь не клюква, не раздавишь. Вот и герой совершенно нового описания коренных народов Севера мелко не плавает – если с кем и водит дружбу, то с высшими чинами, если ворочает – то горы, если пускается в пляс, то со стерлядками. А что правда, что вымысел – гадайте сами» [1, с. 6].

Язык книги очень подвижный, удивительно лёгкий, повествующий о смекалистом выдумщике и врале Ерофее Анямове:

*Придумщик милый Ерофей!
Сошедший со страниц, любимец,
Боец, насмешник, «грамотей»,
Событий важных очевидец!
Я знаю, скучно без мечты,
С вогулом крепнет убеждённость,
С ней в мыслях радужных, простых
Растёт души освобождённость.
В просторах северной страны –
Народа озорное эхо,
Когда смекалке мы верны,
То не боимся силы смеха.
И вместе с этим ценим край,
Таёжный наш и неповторный,
И мест иных не выбирай,
Цени суровый и морозный! [3, с. 77]*

«Всем известно, что мимо меня птица не пролетит, зверь не пробежит, да и деревья вокруг знаю наперечёт» [1, с. 33], – бахвалится Ерофейка, но мы-то понимаем, что, вкладывая подобные мысли в уста весёлого охотника-балагура, Маргарита Анисимкова только подчёркивает наблюдательность и зоркость охотников – вогуличей, весёлый нрав коренных жителей Сибири. А самый главный герой рассказов, это смех, который, забираясь в души, лечит их от повседневных забот и будничной рутины. Легко стирает печаль и грусть с озабоченных лиц.

Как всякий рыбак и охотник, Ерофей любил и умел рассказывать небывалые, полные вымысла истории, принося слушателям истинное наслаждение и улыбки. Ерофейка, демонстрируя своё прекрасное настроение, подводил итог сказанному словами: «Систый смех!» А разве эти придумщики и балагуры не украшают нашу жизнь ёмким словом из народа, не доставляют ли нам удовольствие их находчивость и красноречие? Разве не остался в наших душах любимый с детства враль и талантливый рассказчик барон Мюнхгаузен?

Перечитывая книгу Маргариты Анисимковой о похождениях вогула Ерофея Анямова, невольно сравниваешь его придумки с волшебными историями всемирно известного барона. Но произведение писательницы отличается от языка Рудольфа Эриха Распэ колоритом искромётного юмора простых незамысловатых людей и особым своеобразным описанием быта и нравов манси, яркими мазками картин северных пейзажей таёж-

ных мест Урала и Сибири. С лёгкой и талантливой руки замечательной писательницы Маргариты Анисимковой в Сибири появился свой весёлый и задорный, смешной и находчивый мансийский Мюнхгаузен!

*Кто в жизни иногда не привирал
Про ведьму по соседству, море ягод,
Про трудный путь в диковинный астрал,
И сколько было с выигрышем тягот!
Собою украшают времена
Придумщики-мечтатели, привранцы,
Забыв про лошадей и стремена,
Летят в веках с чудинкою посланцы!
Чтоб силы собеседников сравнять,
Найдутся для привранцев недоверцы,
Которым в жизни фантазёров не понять,
Как русский бы не понял иноверца.
Но их объединяют чудеса,
Что взрослым даже дороги и детям,
И пусть смеются скептиков глаза,
Да здравствуют «Мюнхгаузенъ» эти! [2, с. 71]*

«Я могу назвать себя самым сильным человеком в Югре... – бахвалился Ерофейка Анямов, горделиво усевшись на нарте и натягивая тетиву на охотничий лук» [1, с. 13]. Кто окажется внимательным читателем, тому повезёт поближе узнать и сибирские леса, и рыбу, которой видимо-невидимо в местных речушках и реках, и узнать, где лучше всего растёт хороший и густой мох, чтобы олени нагуливали жир. Всё это любопытный читатель почерпнёт в незатейливых рассказах главного героя книги. И даже прочтёт про обрядовые моменты из шаманской жизни: «Монорага с бубном и колотушкой забрался на вершину горы, поближе к Торуму, и закричал мне: «Чо стоишь? Помогай горы поворачивать!» Я, недолго думая, со всей силы упёрся плечом в громадную глыбу. И чо вы думаете? Послышался гром, горы заскрипели, загрохотали, и с высоты на землю повалились, посыпались камни. Я мог бы, конечно, погибнуть под камнепадом, но сумел вовремя увернуться и продолжил толкать гору» [1, с. 14].

В произведении автор использует выразительные средства языка, такие как аллегория, гротеск, гипербола, ирония. Вся книга практически построена на избытке иносказательности.

Так, Маргарита Анисимкова рождает яркий образ в смешных рассказах охотника и рыбака в виде аллегорий, где его придуманные истории являются «систой правдой».

Так, прибегая к аллегории, Маргарита Анисимкова с улыбкой показывает бесстрашие Ерофейки перед самим богом Торумом. Мало того, Анямов посмел усомниться во всемогуществе небесного Творца. Не дождавшись снега, он закричал Торуму: «Моё терпение лопнуло! Спускай цепь! Всем на охоту пора!» Долго ждать не пришлось. Золотая цепь стала спускаться с неба, загремела, засверкала на солнце. Я быстро схватился за неё и стал подниматься до первых облаков. Достал из кармана нож и стал разрезать облака вдоль и поперёк. На землю хлопьями повалил снег. С высоты мне было видно, как радовались сородичи. Я тоже зато-

ропился на землю. Цепь опускалась медленно. Видно было по всему, что Торум не хотел расставаться со мной» [1, с. 60].

Писательница также использует гротеск как выразительное и яркое средство языка: «Вижу, посередине реки плывёт большущий осётр, поболе моей лодки. Раскрыл он рот и вмиг проглотил её. Я, конечно, не испугался, оказавшись на скользкой спине рыбыны, схватился за крепкие плавники осетра и стал ладонью хлестать по его выпученным глазам, пинать пятками по бокам» [1, с. 15].

«Самые значимые из таёжных обитателей – лось и медведь, добыча их была настоящим праздником. Поднимали медведя из берлоги несколько человек. Вход в берлогу закрывали брёвнами, концы которых упирали в близстоящие деревья и в землю, чтобы зверь не мог сразу вылезти. Охотники выстраивались перед входом в шеренгу, а наиболее опытный из них – напротив. Затем «шевелили» медведя – «протыкали потолок берлоги жердью», стараясь обнаружить место лежки. Иногда медведь сразу хватался за жердь. Высунувшегося зверя стреляли из ружей, стараясь попасть в него. Если медведя убивали в берлоге, приходилось вытаскивать тушу при помощи верёвок, при этом один из охотников залезал внутрь, что считалось подвигом [4, с. 236].

Тем забавнее и удивительнее воспринимается байка Ерофея Анямова про то, как медведь – Хозяин леса – разлёгся в избушке Ерофейки: «Подхожу ближе к избушке, сильный храп слышу, и дверь распахнута. Вы знаете, человек я храбрый. Не испугался. Перешагнул через порог и вижу: на полу разлёгся сам Хозяин леса, голову под лавку спрятал, морду лапами закрыл, да ещё на голову крапивную мережу набросил и храпит так, что стены трясутся. Видать, от комаров спрятался. Я толкнул его ногой в бок, медведь даже не пошевелился. Тут моё терпение лопнуло: стащил с его морды мережу, схватил за ухо и поволок из избушки... Вытащил я из избушки непрошеного гостя, а он как чихнет! Из ноздрей куча комарья вылетела, а меня его чих в траву отбросил. Я быстро вскочил, опять схватил медведя за ухо и потащил на болото... Прикрыл медведь лапой ухо, которое я чуть было не оторвал ему, и побежал по болоту – только брызги во все стороны летели. Ну прямо систый смех с этим Хозяином!» [1, с. 26–27].

«На берег выпрыгнуло несколько стерлядок, закувыркались. Тут я не стал долго раздумывать, вытащил из облака санквылтап, который всегда со мной, и, размахнувшись, бросил его на песчаную косу... На берег стали выпрыгивать остальные и плясать «Куреньку» [1, с. 17].

Народом манси очень любимы лирические песни. «Они поются в течение всего года в хорошем и плохом настроении, во время отдыха и труда. Они изложены в стихах. Сочиняются людьми о себе или о других, они могут быть и серьёзные, и шуточные, и насмешливые [5, с. 26–27].

С улыбкой, с едва уловимой насмешкой писательница умело использует иронию: «Никто не знал, что я обладаю необыкновенно красивым и звонким голосом. И запел я песню «Тёмная ночь». Все присмирели, стоило мне только издать первый звук: «В тёмную ночь, – запел я, – только пули свистят, один пуля попал в провода, а другая всю ночь до утра за солдатом гонялась». От моего пения заскулили собаки, замычали олени, и даже заржал конь, которого купили для жертвоприношения» [1, с. 61].

*Ханты-Мансийская земля
Смышленным полнится народом,
На русских, манси не деля,
Живёт с улыбкой год за годом!
Потешный славный балагур
Наполнил нежностью мне душу,
Забавный озорник вогул
Исколесил моря и сушу.
Наш вездесущий Ерофей
Враля-барона мне напомнил,
Чтоб в жизни стало веселей,
«Придумцев» юмор будни полнил!
Вот искромётный слог для всех,
Хоть книжица мала размером,
И Ерофейка – «систый смех»,
Но книга станет нам примером!
Сверкают бисером слова
Анисимковой Маргариты,
И пусть летит о ней молва,
О книгах, что для нас открыты!*

Книга Маргариты Анисимковой «Невероятные приключения вогула Ерофея Анямова» – это удивительный подарок тем людям, которые в самом обыденном видели чудеса и могли в самые трудные минуты безнадежности сохранять радость жизни и стойкость духа.

Примечания:

- 1 Анисимкова, М.К. Невероятные приключения Вогула Ерофея Анямова [Текст]: рассказы / М.К. Анисимкова; худож. Н.Г. Курач. – Екатеринбург: Пакрус, 2010. – 64 с.
- 2 Зуева, Т.Т. Над тобой и надо мной те же звезды... [Текст]: поэтический сборник / Т. Зуева. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный ун-т, 2016. – 102 с.
- 3 Зуева, Т.Т. Сибирская жемчужина [Текст]: поэма / Т. Зуева. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный ун-т, 2017. – 115 с.
- 4 Перевалова, Е.В. Река Аган и ее обитатели [Текст] / Е.В. Перевалова, К.Г. Карачаров; РАН, Уральское отд., Ин-т истории и археологии, Адм. Нижневартовского р-на, Упр. по культуре, ООО «Северная Археология-1». – Екатеринбург: УрО РАН: Нижневартовск: Студия «ГРАФО», 2006. – 352 с.
- 5 Ромбандеева, Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура [Текст]: по данным фольклора и обрядов / Е.И. Ромбандеева. – Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. – 208 с.

Хабиба ШАГБАНОВА

БИБЛЕЙСКИЕ ПРИТЧИ ЛЕОНИДА ИВАНОВА

К 75-летию прозаика

Произнеси наш соотечественник слово «писатель», и его память привычно выхватит из своих кладовых пронзительный взгляд Льва Толстого, умудренный опытом лоб Федора Достоевского, ироничный прищур Антона Чехова, казачью лихость Михаила Шолохова, проницательную смелость Михаила Булгакова.

Настоящий писатель России... Это всегда не просто пишущий человек, а в первую очередь Гражданин Отечества. Ориентир для многих и многих соотечественников своим жизненным примером, своими поступками и, конечно, своими книгами. Чью миссию точно отразил в стихах Евгений Евтушенко, объединив для рифмы стиха понятия «писатель» и «поэт», в одном слове:

*Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться лишь тем,
В ком бродит гордый дух гражданства,
Кому уюта нет, покоя нет.*

*Поэт в ней – образ века своего
И будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
Итог всему, что было до него!*

Язык произведений Леонида Иванова прост, вдумчиво взят из гущи жизни, а потому сразу становится своим для читателя. Он верит автору, потому что и сам каждый день разговаривает точно так же. Ну а что касается рассказанных писателем историй, то и они знакомы почти всякому, кто уже какое-то время живет в этом большом, шумном, интересном и не всегда складном мире.

Опытные публицисты уверенно называют Леонида Иванова продолжателем дела Василия Шукшина, Василия Белова, Валентина Распутина, Федора Абрамова. И это правильно! Прозаиком, который писал и пишет о главном, о самой сути России, о становом хребте российской державы: о деревне. О ее радостях и больших печалях, о ее людях и их судьбах. Словом, о том, о чем страстно говорил еще в 60-е годы прошлого бурного века выдающийся литературный критик Виктор Чалмаев: «Ведь есть же в сердце России тот заветный ключ, родник, который незаметно, непрерывно рождает кристально чистый, светоносный поток идей, чувств, так необходимых», – в любое время, а особенно сегодня!

Во все времена нацию воспитывали истинные художественные произведения. Это и подлинный театр, и хорошее кино, и, конечно, настоящая литература! Та, которая интересно рассказанной историей задаст человеку верные жизненные ориентиры. Подтвердит главные человеческие

ценности, важнейшие среди которых любовь к людям, любовь к Родине! Безусловно, к таким литературным удачам можно смело отнести притчевую прозу Леонида Иванова!

В его повестях и рассказах мы проживаем судьбу вместе с литературными героями. Сочувствуем им в неудачах, радуемся в праздники, искренне переживаем в человеческом горе. Жизнь многих из них, порой, крепко запутана. Временами откровенно курьезна в кажущейся несуразности, но... это и есть сама жизнь, в которой, к чести автора, он почти всегда оставляет героям всех своих произведений силы: на возрождение, на новую надежду, на любовь!

Притча 1. В людях есть любовь

Рассказ «Рождественский свет» начинается почти обыденно: последние оставшиеся жительницы навсегда умершей деревни, в далекой стороне от «большого света», – семидесятипятилетняя Нюра да Матвеевна, которой минуло все восемьдесят пять – готовятся встретить январское Рождество Христово. Накрыт незамысловатый праздничный стол, на котором привычные деревенские пироги с лесными ягодами да «запеканка с грибами». Звякают в торжественном тосте рюмочки со сладкой малиновой наливкой. Ух, как хороша теплая запеканочка! Еще по рюмочке – и начинается неспешная беседа матерей о детях, жизни, заботах.

Естественна в диалоге деревенская речь, в которой уместно и правдиво слышатся привычные слова сельской жизни: «кажинный день», «тракторка», «чо ещё надо», «молодая ишшо», «сподобил Господь». Автор мастерски ведет разговор, в котором мы видим не только дни много работавших женщин, но и узнаем в каждой сказанной ими букве самих себя. Да, и у нас есть дети. Да, и мы, чем только можем, помогаем им. Да, так заведено испокон веку на Руси, когда родные люди поддерживают друг друга.

Неспешно вьется беседа. За окном вьюжит сердитый студёный ветер, в доме уютное тепло. И, кажется, вроде все, тьфу-тьфу, слава Богу! Одно плохо: нет электричества. Нерентабельно стало подавать его в заброшенную деревню ради двух старушек, которые за каждый месяц до лета экономно потратят его на сто рублей. И это на двоих! А потому высокий чин решил не давать киловатты Нюре и Матвеевне. Как-нибудь проживут! Керосинка выручит и в этот раз! Пожалуй, и правда не страшно, но как-то обидно. А потому Нюра абсолютно права, спрашивая подругу:

« – Дак а чему радоваться-то? Вон летом, пока электричество было, по телевизору кажинный день только и говорили, что жить стало лучше, что больше половины людей считают, что живут счастливо. Матвеевна, скажи, а где оно, счастье-то? Вот остались мы с тобой в деревне вдвоём, ни свету, ни радива, ни дороги путной».

И закончи писатель повествование этими невеселыми размышлениями героинь, то перед нами была бы заурядная история окаянных девяностых годов ушедшего лихолетья. Каких тогда были тысячи! Но «станем любить (...) делом и истиной» людей. И в рассказе-притче появляется тракторист Колька, который «на своём тракторке-беларуси попроведать наежжает да ковшом дорогу разгребаёт», и о котором мы впервые узнаем из застольного разговора женщин. А главное действие рассказа, как

и положено, по законам жанра, происходит в конце притчи («поучение в примере»). Когда тракторист Николай уговаривает электрика Степана включить на Рождество подачу электроэнергии в далекую деревню Радужную, которую жительницы дальней деревеньки восторженно воспринимают как настоящее рождественское чудо!

Похвально отметим, что в этой важнейшей сцене Леониду Иванову мастерски удается создать впечатляющий финал, который читающий надолго запомнит. И где читатель получает ответ на главный вопрос притчи: в людях есть любовь!

Притча 2. Чего не дано людям

Рассказ-притча «Схимник Петька» жестоко правдив. В нем и вечный укор жителям деревни за их общинную неразумность, и исковерканная судьба женщины Вальки-кулачки, и тяжкий крест ее слабоумного сына. Юноши, которого даже много меньшая по возрасту дошкольная детвора окликала Петькой, несмотря на его взрослое двадцатилетие. А Петька был совсем безвредным. Сроду никого не обидел, всем только улыбался, даже в ответ на давно прилипшую к нему от какого-то местного шалопаия кличку «Петька-дурак». А дети бывают жестоки!

Кому пришлось в голову сунуть в мешок Петьки вместо хлебного караваия высушенную коровью лепешку, никто из подростков позже и не вспомнил, но хохотали довольные своей выходкой все сопляки! Но такого русская деревня не прощала никому, даже своим детям! Расплата была короткой, большой и заслуженной!

Так автор искусно начинает ткать ковер истории притчи. Она оживает и пишется далее для того, чтобы поднять нас над засасывающей обыденностью, заставить думать и сопереживать чужому горю. Чтобы после прочтения последней буквы этого рассказа мы поняли, что стали немного другими и лучше. И у писателя получается!

Просты и доходчивы слова этой печальной жизненной истории. Не найти теперь никогда упокоения и герою-рассказчику, который «по прошествии многих лет, став не просто взрослым, а совсем седым, (...) вдруг вспомнил его, и мне стало несказанно стыдно и непоправимо больно за себя и своих босоногих сверстников, за все наши издевательства и оскорбления, что каждодневно причиняли Петьке».

Узнав несчастную судьбу мамы юноши и самого Петьки, читатель проникается симпатией к ним. Они становятся ближе ему. Он горячо желает им хоть какого-то облегчения их горемычной жизни! Но, увы, судьба неумолима к этим людям. Сначала погибает мать юноши. Меняется навсегда и он сам: «Бабы на похоронах рыдали, а Петька шёл за гробом с неизменной улыбкой, не осознавая происходящего. Зато когда гроб стали опускать в могилу, истошно завыл, упал на землю и начал биться в истерике. (...) Утром, собравшись по обычаю пойти на погост, кто-то зашёл за Петькой. Он сидел на лавке в каком-то чёрном балахоне, привычной улыбки на его лице уже не было. Он сидел, низко опустив голову, смиренно подал протянутую руку, послушно встал и пошёл вместе со всеми на кладбище. На спине его чёрного до пят балахона с кашпоном белой краской был нарисован большой восьмиконечный крест. « – Петька-та, – увидев этот наряд, сказала Шура Большая, – истинно схимник какой. Откель только рясу-то взял?»

А потом Петька исчезает навсегда из этой постылой для него жизни. И оказалось, что он был очень нужен людям. Своей искренней добротой, своей всегдашней незлобливой отзывчивостью.

«Вот так и осиротела наша деревня, сплочённая, было, заботами об одном дурачке, который сохранился в цепкой детской памяти как Схимник Петька», – пишет рассказчик. А автор посылает нам главный смысловый урок притчи: не дано людям знать, что будет важнейшим для них по прошествии многих и многих дней жизни.

Притча 3. Люди живы любовью

Зачин истории – рассказ «Суббота – банный день» завязывается хорошо узнаваемой вариацией темы-архитипа «возвращение блудного сына».

Литературного героя (Ивана) встречает отчий дом, который «щурясь сквозь щели между досками, присматривался к чужому человеку, с трудом узнавая в заметно постаревшем мужчине знакомые и даже родные черты. Иван долго стоял, будто боясь спугнуть тишину и не решаясь пройти дальше, потом, раздвигая густые заросли крапивы, прошагал к крыльцу».

Они узнали друг друга: дом вспомнил в пришедшем человеке мальчишку давней поры, что рос здесь, взрослея годами. А мужчина, привычно открыв старый замок, уверенно ступил на половицы пола, отполированные когда-то его босыми ногами.

И сразу автор вводит в повествование союзника главного героя. Персонаж, который откроет читателю важные грани протагониста, раскрывая полно его образ. В притче эту роль играет первая любовь Ивана – соседка Евдокия (Дуся).

О чем могут говорить люди, когда-то крепко опьяненные молодой любовью, но давно не видевшие друг друга и слегка растерянные неожиданной встречей? Да конечно о самом простом: как дела? О, неплохо выглядишь! Надолго ли сюда? А как ты? Еще работаешь? Давай помогу прибраться!

Дальше привычная женская черта хозяйки, спохватившись, берет верх – мужчину-путника с дороги нужно отправить в баню, накормить, а уж потом приступить с расспросами.

И Иван привычно таскает воду в бани, ловко растопляет печь, как раз в меру кладет дров, дает бане настояться. И париться! «Хлестал себя до полного изнеможения, подкидывал пару и снова хлестал, нырял в омут и повторял снова. Уже совсем обессиленный от жары, помылся и сел на порог предбанника, набросив полотенце на пошедшие красными пятнами плечи».

Было очень хорошо!

« – Ну чо, так до утра и будешь сидеть? – вывел из раздумий голос Евдокии.

– Дуся, хорошо-то как!

– Известное дело! А я уж думаю, не угорел ли или ещё чего. А после бани-то всегда хорошо.

– Я не о том, Дуся. Просто я будто заново родился. Не зря говорят, что родная земля силы даёт. Вот приехал домой и понял, какой же я дурак по жизни был! Сколько грязи на мне...»

И вьется строками тропинка жизни главного героя, на которой много было лишнего, совсем ненужного, случайного. Чувствуется, что автор его

любит и жалеет. Много в образе Ивана взято из жизни таких простых хороших парней, которые, случайно оступившись по молодости и дальше, совсем напрасно нанизывали и нанизывали на стержень жизни лишние, словно заколдованные, кольца-промахи. Но вот, наконец, слава богу, отчий дом.

Место, в котором главному герою всегда были рады. Где его заботливо любили просто за то, что Ванюшка был на этой земле. Дом, «где – Боже мой! – мама молодая и отец живой!»

Дом, в котором начнется его новая, СЧАСТЛИВАЯ жизнь! Где рядом с ним будет его любимая Евдокия! Нужно только хорошенько оттереться, отмыться от этой заскорузлой жизненной грязи:

« – Ты иди, Дуся, а я, пожалуй, ещё разок попарюсь. Может, и с души грязь сойдёт.

– Ну, это не одним днём делается, тут одна баня не поможет. Иди парься, да только недолго. Я чайник заново скипячу. Времени-то уж вон сколько – спать пора.

И пошла домой. Отойдя несколько шагов, обернулась:

– А душу мы твою вместе лечить будем».

Счастья вам, люди! И любви! В этом и есть притчевый смысл рассказа: люди живы добротой и любовью!

Во славу России!

Леонид Иванов в литературе изрядно. В одном из интервью Леонид Кириллович осторожно признался, что как-то и не думал особо в молодые годы о литературном жизненном поприще. Вероятно, так оно и было. Вряд ли он в те дни юности прочитал слова Гете: «Наши желания являются предчувствием заложенных в нас способностей; они предвещают то, что мы сможем осуществить». Но судьба уже вела его.

И где бы он ни работал – сплавщиком леса, дровосеком, рабочим на строительстве ЛЭП – все это были шаги по лестнице в заповедный край – советскую литературу, на могучем стволе которой Леонид Иванов взрастил новую, много питающую читателя ветвь.

В своих повестях и рассказах Иванов описал правду каждодневной жизни человека. Здесь нет директоров и руководящих государственных служащих, а есть только простые люди. Их работа и их жизнь, талантливо и скрупулезно рассказанная прозаиком и современникам, и потомкам. В этом главный литературный подвиг писателя!

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Вера ШКОЛЬНАЯ

САМОДЕЛКИН С КИСТЬЮ И МОЛЬБЕРТОМ

Мы сидим в комнате, все стены которой заняты картинами хозяина дома – тюменского художника Яна Боме. Это удивительный человек с многогранными талантами и увлечениями, весёлый, с хорошим чувством юмора, очаровательной улыбкой и хлебосольным гостеприимством. Пьём зелёный чай из трав и ведём неспешную беседу.

Ян Боме: Родился и вырос в западно-сибирской глубинке, в старинном селе Малокрасноярское на стыке Омской и Новосибирской областей на самом их севере в 1947 году. Отец – художник, работал учителем в сельской средней школе. Преподавал рисование, черчение, географию. Меня он с малых лет научил видению меняющейся красоты окружающего мира. Научил грамотно рисовать и заниматься живописью. Научил фотографии, а также разбираться в классической и народной музыке. Мама – медицинский работник. Она научила меня отзывчивости и доброте к людям, долготерпению и оптимизму.

Когда я пишу с натуры или фотографирую ту красоту, которую создал творец и Главный Художник – Бог, то испытываю высочайшее состояние духа, которое можно сравнить с пребыванием в храме в молитве или прослушиванием классической музыки...

Возможно поэтому мои зрители, а также те, кто приобрел мои работы, ощущают в них сильную, светлую энергетику.

Мои привязанности не только в изобразительном искусстве, но и в серьёзной классической музыке, литературе, изучении и познании чего-то нового, интересного, а также в путешествиях на колесах и техническом творчестве.

Корр: Вот о техническом творчестве поподробнее... Вы же, помимо прочего, инженер и конструктор интересных автомобилей, мотоциклов, сельскохозяйственных помощников в быту, различных электронных устройств.

Ян Боме: Ещё в детстве я построил из велосипедного моторчика и велосипедных запчастей микромотороллер и лихо носился на нём по своему селу, пока не разорвались самодельные резиновые покрышки.

Будучи старшеклассником, начал строить самодельные легковые автомобили, а повзрослев, с удовольствием на них путешествовал. На одном таком, названном STAYER 2, я побывал даже в Прибалтике, на исторической родине своего прадеда – очень интересного человека.

Уже в зрелые годы я увлекся легкомоторной авиацией, научился летать на маленьких самолетах и планерах. Построил свой серьёзный двух-трех-местный закрытый самолет, опробовал его на земле, но первый полёт по состоянию здоровья всё откладываю.

Корр: Кем Вы себя больше считаете – художником, инженером-конструктором, лётчиком, журналистом?

Ян Боме: Я работал в разных местах и познал немало профессий. Работал в школе учителем математики и физики, в тюменской организации Союза художников России, занимался монументальной живописью (мозаикой), металлом. Работал в научных биологических лабораториях и даже в нефтяной промышленности.

Я работал в качестве журналиста и фотокорреспондента в различных газетах, журналах и издательствах, но при этом не забывал своего главного – отображения увиденной красоты, ее переменчивой вечности и философии, независимо от того, что под руками – кисти и краски, фотоаппарат или листок бумаги с простым карандашом.

Мои художественные работы выставлялись на различных выставках в Тюмени и области, в Москве, Ленинграде, Одессе. Есть также в частных коллекциях в ближнем и дальнем зарубежье, в Тюменском музее.

Моя живопись хранится и у меня дома. Практически, я помню, как писал каждое то или иное полотно. Есть даже некоторые описания этого процесса, но об этом после. Большинство моих живописных работ выполнено на картоне или оргалите, что удобно в процессе творчества и более прочно и долговечно, чем холсты.

Фотографии и копии того, что написал, храню в цифровом виде.

Отступление 1:

Вот что написали о творчестве художника некоторые посетители его персональной выставки:

«Творчество Яна Боме неоднозначно и зачастую вызывает бурные споры. Его работы символичны и аллегоричны. Простой на первый взгляд пейзаж вдруг приобретает странный философский подтекст, если посмотреть на него более глубоким, «внутренним» взглядом. Работы становятся многоплановыми, приобретают несколько уровней проникновения, начиная от внешнего, чисто изобразительного, и заканчивая космическим.

Некоторые сцены совмещают в себе микрокосм и макрокосм. Близкое, человеческое, интимное приобретает божественный смысл. В его творчестве четко просматриваются два направления. Первое – пейзаж как некая философская сущность, как осмысление состояния человеческой души. Второе – «НЮ», приобретающие зачастую мифологическую и аллегорическую окраску».

Отступление 2:

«Боме – личность особенная. Он прирожденный лирик, и как уживаются в нем эта трепетность и здоровый прагматизм?!

Он абсолютно нездешний и в то же время абсолютно тюменский. Красивый, задумчивый и озорной. Он талантлив, и потому вездесущ. О нем можно сказать много лестного.

Этот художник объемлет мир в буквальном смысле. И когда смотришь на его работы и общаешься с ним, то понимаешь, что в своих произведениях он проигрывает всю гамму человеческих чувств. Возможно поэтому многие его произведения вызывают неоднозначный отклик человеческих душ. Ритмика и эмоциональность в его работах очевидны...

Удивительно светлое гармоничное отображение природы, её красоты вызывает соответствующее состояние души.

Секрет и парадоксальность Яна Боме – он увлечен жизнью во всех её проявлениях.

Он поэт, философ, мистик, инженер, конструктор, естествоиспытатель, путешественник и художник в самом высоком понятии этого слова...

В наше время безвкусицы и оголтелой рекламы – это как струя свежего ветра в прокуренной комнате.

Его фототворчество не мешает, а наоборот, помогает в едином стремлении отображения красоты поэзии...

Есть ощущение, что рядом с нами живет человек, который мир видит иначе, добрее. Он любит этот мир и един с ним.

Марина Косполова – Искусствовед ТМИИ»

Отступление 3:

Короткий разбег, взлет. Начлёт Володя знаками показывает мне, чтобы я взял управление на себя. Управление взял. Газу прибавил, ввинчиваюсь в облака. Вот серый промозглый туман проник в кабину. Стало холодно, сыро, даже темно. Приборы показывают, что самолет наш идет без отклонений, хотя все ориентиры словно в молоке. Моторчик натружено тарахтит, вот резкий яркий свет ударил в глаза. Это мы прошли слой облаков. Еще пару кругов вверх и можно расслабиться, выключить моторчик.

Уже тишина, хорошо слышно друг друга, только свист ветра. Я достаю фотоаппарат, ищу просветы в облаках, вижу темную под тучами землю, дороги, домишки Ялуторовска. Вот и круг, с которого мы сворачиваем на свой аэродром, и куст, около которого мы всегда останавливаемся...

Говорю своему начлёту, что я отвлекусь на фотосъемку.

Сделал с десяток кадров и вдруг резкий голос Володи: «Ты куда?» – «Никуда, – говорю. – Я снимаю».

«Я тебе передал управление. Ты почему не взял?»

Действительно, смотрю по облакам и ориентируюсь на земле, пока я отвлекся на фотографирование, самолет наш сам развернулся совсем в обратную сторону и спокойно входит в облака с выключенным движком. Срочно запускаю мотор, снижаюсь, вот и земля видна. Да, далеко мы отошли от нашего аэродрома. Только что пролетели соседнее село. Вот аэродром виден. Делаю полкруга над взлетно-посадочной полосой, прибираю газ, снижаюсь, закрылки выпустил, но еще большая высота и скорость. Мой начлёт выдергивает интерцепторы, и в легкой невесомости мы проваливаемся почти до земли. Выравниваю самолет, прибавляю газ, и вот уже подколесный стук и шуршание травы, мы катимся по земле. Тормоз, газ, разворот педалями, и мы подкатываемся на нашу стоянку.

Откидывается фонарь кабины, мой начлёт смотрит на меня хулиганистыми глазами.

А я переживаю в своей жизни самые лучшие мгновения.

Корр: Ян Анатольевич, вы заядлый путешественник, на своей машине накатали по стране многие десятки тысяч километров. Где ещё хочется побывать, что сотворить?

Ян Боме: Мне 77 лет. Это еще мало, но уже до обидного много! Я чувствую, что успел бы в своей жизни еще сделать и познать много интересного, но стрелочка указателя моего здоровья уже близка к нулю.

Я многое видел в своей жизни. Очень многое умею и люблю делать своими руками. Многого познал и многому научился. Знаю себе и своему труду цену, но главным считаю не деньги, а свободу, искренние и добрые человеческие отношения, что сейчас все сильнее теряют ценность в этом мире.

Я очень ценю неброскую красоту нашей сибирской природы.

Я по-прежнему радуюсь красоте окружающего мира во всех его проявлениях. У меня всегда есть дело, которое меня радует.

У меня есть отдых, который меня вдохновляет на новые интересные дела.

У меня часто нет средств для их осуществления и сил для этого творчества. Но есть стремление к этому.

У меня есть друзья, знакомые и близкие люди, которые радуются со мной, моим творческим заморочкам и всему тому, что я люблю.

Я радуюсь хорошему собеседнику с острым и тонким чувством юмора, во всех его ипостасях.

Я очень ценю время, свое и чужое. У меня есть близкая мне по духу, штурман по жизни и мой второй пилот по путешествиям – женщина и дорогой мне человек. Я счастливый мужик! Несмотря на свои импортные имя и фамилию – я РУССКИЙ человек, к тому же СИБИРЯК и очень горжусь этим!

Корр: А что не приемлете?

Ян Боме: Я бываю резко не согласен с теми мыслями, догмами и формулами поведения, что навязывают человечеству сильные мира сего и их продажные чиновники...

Я не терплю продажности и предательства, трусости и безделья, назойливости.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Галина МАНАЕВА

*Тюменским просветителям посвящая
Культурологические заметки*

Тюмень Серебряного века:

Связь времен. Хроника. Судьбы. Портреты

Часть вторая

В предыдущем номере альманаха «Врата Сибири» опубликована первая часть статьи Галины Манаевой «Тюмень Серебряного века: связь времен. Хроника. Судьбы. Портреты». Во второй главе продолжение разговора о людях, наполнивших период тюменского Серебряного века пронизывающей насквозь светоносной силой.

«Жизненно и прочно одно добро»

На просветительском поприще блистательно проявили себя еще несколько выдающихся талантливых, энергичных, инициативных тюменцев. Николай Мартинианович Чукмалдин (1836–1901) внес огромный вклад в продвижение кустарного и заводско-фабричного производства. Раньше шерсть, получаемая от обработки на кожевенных заводах яловых и конских кож, не представляла для жителей особого коммерческого интереса. В лучшем случае из нее вязали носки и варежки, изготавливали туфельки и сапожки. Купец сумел перевернуть сознание земляков, оценив с практической точки зрения возможности нового направления бизнеса. Благодаря крепким деловым контактам он начал поставлять продукцию на рынки европейской России, а затем и за границу. Мало того, он учредил премию при Тюменском Александровском реальном училище в 300 рублей за сочинение на тему: «Состояние сельскохозяйственной, кустарной и фабрично-заводской промышленности с историческим очерком их развития».

Страстный книголюб и путешественник, Николай Чукмалдин создал внушительную коллекцию из 500 предметов, которые хранятся в областном краеведческом музее. Это книги и различные древности. В коллекцию вошла настоящая жемчужина книгопечатания – одна из самых первых славянских книг – «Триодь постная». Она была выпущена в 1491 году в Кракове на русско-славянском языке первопечатником Фиолем Швайпольтом. Еще одна уникальная книга – Библия Франциска Скорины, изданная в 1519 году в Праге. В число редких изданий вошли: «Апостол», выпущенный учеником Ивана Федорова Андроником Невежей в 1597 году, «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (1619), «Евангелие учительное» Кириллы Транквиллиона (1619), «Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649), «Арифметика» Леонтия Магницкого (1703).

Чукмалдин бывал в Австрии, Швейцарии, Норвегии, Палестине, Египте и оставил серию содержательных очерков, статей о своих путешествиях, которые печатались в столичных и региональных изданиях, таких как «Тобольские губернские ведомости», «Вестник промышленности» (Москва), «Санкт-Петербургские ведомости», и увлекательную книгу «Записки о моей жизни».

Духовным завещанием можно назвать слова Николая Мартиниановича: *«Выигрывает и богатеет в торговле тот, кто оказывает услугу обществу. Наивыгоднейший товар – доверие, а доверие дается только безупречной честности и торговому бескорыстию. Богатеет только изобретатель, пионер нового общепольного дела. Все то, что добыто несправедливо, посредством обмана, своекорыстия и зла, носит в себе самом смерть. Жизненно и прочно одно добро».*

«Тюменский гений» Константин Высоцкий

Константин Николаевич Высоцкий (1836–1887) – педагог, художник, издатель, преподаватель, первый профессиональный фотограф, прослыл среди современников красавцем, обаятельным тюменским гением и ходячей гуманностью. Константин Высоцкий удостоен Императорской академией художеств звания учителя рисования. Награждён похвальным листом Министерства финансов за представленные экспонаты на публичной выставке сельского хозяйства и промыслов Тюменского округа Тобольской губернии в 1871 году. Вместе с Чукмалдиным он написал «Записку о плавании по реке Туре пароходов и о направлении предполагаемой железной дороги». Соавторы доказывали, что железная дорога должна проходить через Тюмень, что и удалось воплотить на практике.

Константин родился в семье поляка Высоцкого Ивана Станиславовича, дворянина Гродненской губернии, члена тайного польского общества Военных друзей, сосланного в Сибирь в 1827 году в Тарский округ Тобольской губернии, работал на Екатерининском казённом винокуренном заводе. Мать – сибирячка. Почему у него другое отчество, точно неизвестно. Краеведы высказывают разные гипотезы, но ни одна из них до сих пор документально не подтверждена. В 1860-е годы Константин Николаевич, увлеченный идеями Чернышевского (что и неудивительно), вместе с другом Чукмалдиным создали демократический кружок «Молодая Сибирь». Друзья-единомышленники вели разговоры о будущем страны, обсуждали злободневные публикации в литературных журналах, произведения Льва Толстого, Ивана Тургенева. Кружок был закрыт полицией как опасный для молодежи.

В 1866 году Высоцкий открыл первую в Тюмени фотомастерскую, вскоре и литографию. Через два года – единственную в губернии частную типографию с четырьмя печатными станками. Трудились в ней около 20 человек. Первой книгой, напечатанной в типографии Высоцкого, стал «Устав приказничьего клуба в городе Тюмени». По его инициативе в 1879 году вышла первая тюменская газета «Сибирский листок объявлений». Он издавал книги по истории, карты, справочники, учебные пособия, отчёты благотворительных обществ. В клубе, на месте современной филармонии, открылась библиотека, проходили музыкальные, литературные вечера, маскарады, работали кружки по рукоделию.

В 1870-е годы по предложению Высоцкого Чукмалдин пригласил из Туринска художника Ивана Александровича Калганова (1846–1882). Талантливый мастер в 1868 году к приезду в Тюмень великого князя Владимира Александровича, сына российского императора Александра II, выполнил масштабную работу по оформлению промышленной выставки в Тюмени, которую потом посещал наследник династии. Это событие Калганов запечатлел в шедевре «Въезд Великого Князя Владимира Александровича в Тюмень», принесшую ему широкую известность. Калганов писал портреты земляков, карикатуры на друзей и чиновников с явным социальным подтекстом. В Московское училище живописи, ваяния и зодчества молодое дарование приняли без экзаменов. Огромное влияние на становление художника оказал наш знаменитый земляк, уроженец Тобольска, живописец Василий Перов.

В рамках масштабной экспозиции, которая была открыта недавно в музейном комплексе им. И.Я. Словцова, в разделе «Отечественное искусство» под названием «Сибирский самородок», демонстрируется несколько работ Ивана Калганова, включая «Памятник городскому голове Константину Лонгинову». А сам Высоцкий приобрел для своего особняка уникальную картину «Последний выстрел А.С. Пушкина». В 1869 году, в честь 70-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, ее написал петербургский живописец Андриан Маркович Волков. Консультировал Волкова секундант Пушкина Константин Карлович Данзас.

«Красный звонарь» Василий Князев

В доме Высоцкого по улице Ленина, 10 воспитывался будущий пролетарский поэт Василий Князев (1887–1937), автор знаменитой «Песни коммуны»:

*Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,
Никогда! Никогда!
Никогда! Никогда!
Коммунары не будут рабами.*

Высоцкий был женат на дочери священника Людмиле Афанасьевне. У него было трое детей: Мария (7 марта 1860 – 29 июня 1892), Николай (1864–1932) и Людмила (9 июня 1862 – после 1943). Мария вышла замуж за купца Василия Князева, супруги рано умерли. Их сыном и был советский поэт. Василий воспитывался тетей Л.К. Высоцкой. Людмила получила в наследство типографию и продолжала дело отца, но в 1909 году продала типографию А. Афромееву.

Во многом имя поэта возникло из небытия благодаря крупному ученому, преподавателю кафедры русской литературы Тюменского пединститута Л.В. Полонскому (1912–1993). Только в 1989 году ему удалось ознакомиться с делом поэта. Статьи и рецензии слависта печатались на страницах журналов «Октябрь», «Сибирские огни», «Урал», «Театр», «Театральная жизнь». Профессиональный критик одним из первых обратил внимание читателей на творчество тюменских писателей И. Истомина, Л. Лапшуя, Р. Ругина, Ю. Шесталова, Е. Айпина.

Лазарь Вульфович внес огромный просветительский вклад в культурное пространство тюменского региона 1940–1990-х годов. Он кавалер ордена «Знак почета», член Союза журналистов СССР. Отличник народного просвещения. Основные труды: «Писатели земли Тюменской». Тюмень, 1980; «В семье единой» (о творчестве писателей Обского Севера). Тюмень, 1982; «Страна Тюмения в региональной литературе после 1985 г.» Тюмень, 1988.

Василий Князев часто бывал в типографии, которой уже управляла Людмила Константиновна, и вдохновлялся вылетающими с печатного станка тиражами газет, книг, все чаще представляя на обложках и первых страницах свое имя.

После учебы в Екатеринбургской гимназии молодой человек уехал в Петербург, чтобы продолжить образование в учительской семинарии, из которой вскоре за вольнодумство был исключен. Он не являлся поклонником Бальмонта, хотя его ровесники, что называется, на руках носили поэта. Оба они две революции приняли, однако их политические взгляды резко разошлись после октябрьских событий 1917 года.

«Красный звонарь» Князев издал в годы Гражданской войны 12 книг. Полностью поглощенный революционной романтикой, он ездил на фронт в составе агитпоезда Пролеткульта. Печатался в «Правде», «Красной звезде». Вместе с В. Маяковским и Д. Бедным сотрудничал с сатирическим журналом «Соловей». Воспитанный на русских былинах и сказках, в сборнике «Жизнь молодой деревни» (1913) он опубликовал собранные частушки, пословицы и поговорки. Этот труд отмечен почетным отзывом Академии наук. Не успел Василий завершить роман «Деды» в память о сибиряках, а многотомная «Пословичная энциклопедия» – труд трех поколений Князевых – до сих пор не найдена. Василий тайно готовился писать повесть о жизни С.М. Кирова, но по доносу угодил в сети НКВД. Он пытался доказать свою преданность идеалам революции, но все оказалось напрасным. По дороге в ссылку в Магадан поэт, не очень крепкий здоровьем, эмоционально подавленный отсутствием сведений о жене и сыне, скончался в лагерном пункте поселка Атка.

Он стал любимым поэтом Владимира Ильича Ленина, создателя советского государства. По улице Ленина, 10 оформлена памятная доска.

Иным наша память согрета

*У нас с ней особые счеты,
Старинные счеты притом,
И нет ей особой заботы
Ложиться на строгие ноты,
Греметь оркестровым дождем.
Вс. Рождественский*

На тюменской художественной авансцене появляется не менее величественная фигура, при которой музыкальная культура в Тюмени достигла необычайных высот. Алексей Максимович Афромеев (1868–1920), по роду занятий делопроизводитель комиссии по переоценке имуществ, а затем главный бухгалтер Тюменской городской Управы, страстно увлекался игрой на гитаре и не мыслил своей жизни без этого инструмента. Про-

живал Алексей Афромеев на 1-й Монастырской улице (нынешняя улица Димитрова) в двухэтажном доме. Будучи другом Людмилы Константиновны Высоцкой, Афромеев печатал в её типографии (а потом и выкупил ее, как уже сообщалось выше) все свои музыкально-литературные деяния. В 1893 году основал небольшой книжный магазинчик «Сибирская лира». 130 лет назад!

Наша справка. *А ранее, 19 марта 1890 года, открылся первый в Тюмени книжный магазин, владелица – Тимофеенкова. Организовала книжный киоск и Евгения Rogozинская.*

Алексей Афромеев издавал отечественные и зарубежные гитарные произведения, в том числе «100 заочных уроков теории музыки и игры на семиструнной гитаре», выдержавших к 1917 году 22 издания. Выписывал «уроки» и Владимир Ульянов, находясь в сибирской ссылке. И что особенно показательно – в Тюмени, единственном городе с массовым обучением игры на гитаре, печатался общероссийский журнал «Гитарист» с нотными приложениями. Благодаря стараниям Алексея Максимовича каждый второй тюменец стал гитаристом, а город приобрел статус одного из главных музыкальных центров России.

Одновременно он выпускал торгово-рекламные и общественно-политические газеты. В период с ноября 1911 по апрель 1912 года под его редакцией вышло 88 номеров «Сибирского торгового посредника», затем преобразованного в газету «Ермак». Новое издание пользовалось огромной популярностью, ведь в нем содержалась критика многих чиновников, в том числе и Текутьева, порой, правда, она опиралась на не проверенные факты.

После революции все склады с афромеевскими изданиями были уничтожены. 18 сентября 1920 года Алексей Максимович умер в Томске, в полной безвестности, куда ранее переехал. Надо сказать, что традиции Афромеева живут, и их достойно продолжает талантливый ученый, педагог, тюменский коллекционер Михаил Яблоков. Статья тюменского краеведа «О, музыка! Ты царь в короне. Ты – бог, что для людей поет!..» раскрывает много тайн о тюменских подвижниках музыкального искусства.

«И сибирского опала свет блеснет...»

Летом 1915 года поэт «Паганини русского стиха» Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) отправился в турне по России с лекцией о символизме «Поэзия как волшебство». Путь его лежал через Дербент, Тифлис, Кутаис, Ярославль, Самару, Саратов, Уфу, Пермь, Омск, Екатеринбург. Бальмонт – один из самых ярких символистов Серебряного века. «О, поэт пленительнейших песен...» – писал Максимилиан Волошин. Секрет очарования его стихов – в их необыкновенной музыкальности, грациозности. Свыше 150 стихотворений было положено на музыку. Рахманинов, Прокофьев, Стравинский, Глиэр, Мясковский создали романсы на его стихи. Николай Чукмалдин благодаря столичным связям приглашает поэта в Тюмень, и Бальмонт включает город в легендарный маршрут.

В Тюмени поэт остановился в самой дорогой гостинице «Россия», сейчас ресторан «Потаскуй», бывшей усадьбе «рыбного» короля А.И. Михале-

ва: «Я наслаждаюсь безграничной тишиной и полным уединением. Здесь люди не беспокоят. И единственные звуки, которые слышу, тиканье стенных часов в коридоре (такой домашний звук) и время от времени хоровое пение солдат. Они много поют во всех этих снежных городах». Гостиница восхищала богатым интерьером, зеркалами в золоченых оправах, бронзовыми люстрами. Этот блеск и роскошь сохранены и сейчас. На протяжении 30 лет Александр Иванович состоял гласным городской Думы Тюмени, был членом учетного комитета Общественного банка, девять лет был торговым депутатом, почти 13 лет – церковным старостой, за общественные заслуги был «Высочайше пожалован большой золотой и серебряной медалями». Символично, что Тюмень вошла в творчество Бальмонта и в огромное наследие Серебряного века под романтическим именем «Сибирский опал». Направляясь в Тюмень из Екатеринбурга, прямо с вокзала поэт отправил жене Екатерине Андреевой-Бальмонт телеграмму:

*Не могу с тобой расстаться,
Катерина Черноглаз.
Дважды здесь пришлось
скитаться
И приеду в третий раз.
Я мечусь вокруг Урала,
Но еще настанет день, –
И Сибирского опала
Свет блеснет: мой путь –
в Тюмень...*

В следующем письме, 18 ноября, поэт пишет жене: «Тюмень – глухой городишко. Однако и здесь собрались слушатели и нашлись друзья, знающие меня по Москве и Парижу. Провел очаровательный вечер в изящном доме Колокольникова и чувствовал себя чуть ли не в Пасси. Ведь вот никогда не знаешь, что где найдешь...» Правда, поэт по возвращении из путешествия жаловался, что его «славу и успех» чуть не съели коровы, возвращавшиеся с пастбищ по улицам города. А секрет привлекательности аромата афиш заключался в клейстере, использованном при их распространении. Но это трагико-комичное обстоятельство не повлияло на успех у тюменской публики как в театре, так и у Колокольникова. В Тюмени из 700 улиц более 40 названы в честь русских и зарубежных писателей. Имена знаменитые – от Фридриха Шиллера до Константина Лагунова. А вот имени Бальмонта нет. Пока нет. Думается, обязательно появится.

Заключение

Во многих малых городах российской империи в период Серебряного века не возникло сильных творческих объединений, авторов, могущих присоединиться к столичным корифеям того времени, формирующим новаторские традиции в литературе и в искусство вообще. Но жили люди, которым были близки прогрессивные взгляды, необходимость заботы о новом поколении, способном приумножать славу Отечества. Эти подвижники в меру своих способностей сохраняли в именах, устных беседах

с домочадцами бесценные воспоминания и реликвии. Открывали библиотеки, школы, собирали коллекции произведений искусства. Неслучайно Сергей Дягилев в поисках нового стиля в искусстве обратился именно в провинцию, в старинные усадьбы и нашел шедевры изобразительного искусства, волнующие чувства современников.

Выявилась еще одна закономерность. Если в Петербурге литераторы, чтобы донести свои творения и идеи до общества, обращались за помощью к меценатам, то в «глубинке» сами купцы чаще всего не просто давали деньги, но и активно создавали условия для формирования новых эстетических взглядов, были вдохновителями и пропагандистами культурных традиций. Надо заметить, что современное тюменское литературное краеведение характеризуется вдумчивым, внимательным почерком. В областном и районных центрах при поддержке властей всех уровней созданы историко-краеведческие центры. Лучшие ученые, историки, литераторы, журналисты, библиотекари, музейщики, руководители интернет-платформ и просветительских проектов, обладатели президентских грантов неустанно вписывают все новые страницы в историю области.

В августовском (2023 г.) распоряжении президент России сформулировал поручение проработать идеи по преобразованию общедоступных библиотек в универсальные культурные пространства. Владимир Владимирович Путин поддержал идею создания в нашей стране Национального центра исторической памяти: *«История стала использоваться как оружие идеологической борьбы, и нам необходим адекватный инструмент защиты, способный не только отражать, но и предотвращать всякие удары подобного рода»*, – отметил глава государства.

Библиотеки Тюмени создали благоприятную почву для выполнения этой важной задачи, накоплен определенный опыт, есть все основания говорить, что тюменские учреждения культуры станут маяками и в этом направлении. Отрадно, что молодежь активно вовлекается в этот процесс, демонстрируя привязанность к созданию креативных индустрий. Племя тюменских профессионалов и энтузиастов постоянно пополняется – хранителей истории становится все больше, что является ярким доказательством живой, обновляющейся и нерушимой связи времен.

В заключение еще раз вернемся к семье Высоцкого, сын которого, Николай Константинович Высоцкий (1864–1932) – известный русский советский геолог, составитель геологической карты Урала, первооткрыватель платиновой минерализации в Норильском районе. В его честь и назван минерал высокоцит. Думаете, какого он цвета? Да. Серебряно-белый. Вот таким образом закольцовывается серебряный век Тюмени, и в этом есть большой смысл, уверенность в сохранении и приумножении его гуманистических начал и принципов.

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ

Маски нежелательной правды

У каждого юриста, практикующего достаточно долго, складывается круг людей, которые общаются с ним на доверительной основе. Особенно, если в эту основу положен оправдательный приговор, крупный выигрыш гражданского дела или удачное разрешение какой-то сложной жизненной коллизии. Ну, вы понимаете, о чем идет речь...

Из сорока лет общей юридической практики тридцать лет я занимаюсь защитой прав и интересов наших граждан – в той или иной форме. Естественно, что такой круг сложился и у меня. Кроме того, как стало известно несколько лет назад, особо ценится мой нестандартный подход к анализу ситуаций...

И когда в нашем городе этой осенью начались «странности», мои доверители потянулись за советом. Обозначаю ситуацию как «странности», лишь потому, что пока иного термина для обозначения случившегося, я не придумал. Развивалась ситуация примерно через месяц после того, как распространение коронавируса в стране пошло на спад.

Если «в целом и общем» сказать о странностях, то они выражались в том, что человек внезапно для себя и окружающих вдруг начинал говорить правду... Нежелательную правду! В первую очередь, оглашение этой правды не нужно было ни ему, ни собеседникам, не говоря уже о третьих лицах. Да, что там говорить – человек резал правду-матку, не взирая на время и обстановку, что называется «до рези в ушах и в сознании» слушающих. При этом все люди были трезвыми, наркотиков не употребляли, не страдали психическими заболеваниями, и даже COVID их не тронул.

Один случай произошел прямо в судебном заседании – на моих глазах. Правда, судья не относилась к числу моих доверителей. Но об этом расскажу позднее.

Чтобы было понятно, приведу несколько примеров. Нет, конечно, никаких имен и примет... Ни город не назову, ни регион... Для меня слова «адвокатская тайна» не пустой звук. Никто не опознает моих доверителей, кроме тех, кому они «правду-матку резали»... Или, точнее сказать, «правдой своей ненужной» врезали по чувствам и мозгам...

Первым ко мне пришел банковский юрист (он же начальник управления ценных бумаг), человек интеллигентный и воспитанный, всегда спокойный и выдержанный. Были у нас общие дела, и я ему верю.

Мы пили чай на моей веранде, я слушал и... и молча удивлялся. Вот попробуйте наглядно представить себе ситуацию, поведенную им. Если бы я не слышал о том, что произошло из его уст, то ни за что бы не поверил рассказу.

На большом совещании руководителей крупного банка в ответ на вопрос «главной банкирши» о том, что он думает о финансовой ситуации в условиях кризиса, мой друг, выражаясь языком милицейских протоколов, «в грубой нецензурной форме» ответил, что банкирша «дура и старая

сука», своим бессмысленным руководством в ближайшее время доведет банк до краха. После этого юрист заявил, что ему все это надоело, и он сегодня же уволится. Пока он выходил из зала совещаний, стояла такая тишина, что слышно было как наливаются кровью глаза «главной банкирши»...

«Самое интересное, – добавил юрист в конце рассказа, – что так думают почти все руководящие сотрудники банка, но владельцы держат эту старую сволочь, не взирая на приближающийся крах. Но все молчат, а я «выступил с сольной партией...»

– Бывает, – протянул я в ответ, вспоминая нечто похожее из своей бурной молодости. – Но что же послужило... так сказать, спусковым толчком? Ты же был в здравом уме и трезвой памяти...

– Не знаю, – ответил бывший банковский юрист, – конечно, мне вся эта дурь до чертиков надоела, но я не собирался увольняться... Ты же знаешь, какой у меня ипотечный кредит...

Я знал – кредит у него, как у сотрудника банка, был «ну, с очень маленькой и смешной процентной ставкой», а вот заработная плата и премии были очень большие.

– Конечно, пришлось уволиться... И какой черт меня дернул за язык? Кому нужна была моя правда? – он с нескрываемой досадой поморщился, как от боли.

Бывший начальник управления ценных бумаг полез в карман дорогого пиджака, вынул вместо носового платка защитную маску бледно-голубого цвета и вытер вспотевший лоб... Симпатичная такая маска с маленькой наклейкой в левом нижнем углу – знак «инь-янь» с двумя буквами ПП. Увидев, что не носовой платок у него в руке, юрист спохватился, сунул маску обратно и пробормотал:

– На работе заставляют всех носить маски... у меня в каждом кармане... Тьфу, черт... какая работа, кто теперь заставляет? Плевать теперь на масочный режим...

О втором случае я узнал через три дня. Крупный предприниматель на роскошной рыбалке, им же организованной для заместителя губернатора, в присутствии всей свиты и деловых партнеров между первой и второй рюмкой вдруг выложил все, что он думает о заместителе губернатора, самом губернаторе и прикрывающем их вице-премьере. Слова «взяточники вы все», «козлы, сволочи и уроды» были самыми приличными в его речи...

Мы встретились в обеденный перерыв в ресторане «Кинза», заказали обед, и разговор начался с анализа сложившейся ситуации... Выслушав предпринимателя, я уточнил, а сколько же рюмок он выпил перед той «первой на рыбалке» и что именно пил? Знаете старый анекдот? «Я пьянею с одной рюмки – только не помню... с тринадцатой или с четырнадцатой...»

– Да реально одну рюмку водки выпил в тот день, – нервно ответил предприниматель, – мне надо было решить вопрос о подписании «очень нужного» соглашения, а без согласия этого мудака ничего не двигалось. Я же рыбалку организовал не для того, чтобы самому нажраться... Уже потом – когда все ему в рожу неожиданно выложил, не понимая, что делаю, – вторую рюмаху замахнул...

– Так... если всё правильно понимаю, бизнес свой в наших краях ты уже можешь сворачивать, – я не спрашивал – просто констатировал.

– Да уж... – криво усмехнулся предприниматель, – теперь смотрят все на меня, как на зашкварен... – собеседник спохватился и умолк, досадливо махнув рукой.

– Базар фильтруешь, – усмехнулся я, – уже и со мной осторожность в словах проявляешь...

Мы все носим социальные маски, по потребности меняя их в зависимости от окружения. Были такие и у моего собеседника. Предпринимателя я знал с 1989 года, даже (по-своему) уважал его. За несгибаемую волю к жизни – хорошей и разной... И не раз видел, как умело он менял свои маски...

Первый раз парень сел по малолетке – в шестнадцать лет за обычную драку, квалифицированную как «злостное хулиганство», получил три года лишения свободы. Освободился через два... Тут как раз навалились разом на страну перестройка, демократия и гласность, сильно приправленные общечеловеческими ценностями. И подался вчерашний малолетний хулиган в кооператоры... Еще через год сел за спекуляцию – тогда, будучи адвокатом Первой областной юридической консультации, я защищал его в суде.

За что сел второй раз? Купил в колхозе десять бычков, отправил их на мясокомбинат, получил колбасу и продал ее в кооперативный магазин... Всё организовал по телефону, не выезжая ни в колхоз, ни на мясокомбинат...

Один из народных заседателей, все спрашивал у подсудимого: «Дак что ты сделал в производстве этой колбасы? Где твой труд»? Въедливый попался старикан и никак не мог понять ценности организации производственно-хозяйственного процесса и торговых операций.

Освободили моего подзащитного в зале суда – доказал я тогда, что не было в действиях молодого кооператора состава спекуляции... Но четыре месяца он все же прокуковал в СИЗО. Однако это все дела давно минувших дней, не о них нынче речь...

Третий случай меня взволновал уже серьезно. Есть такое понятие в уголовном праве – систематичность, то есть совершение двух и более преступлений... Я всегда студентам на лекциях говорил: «Один раз – это только один раз, два раза – это два раза, но два и более – уже система! И понятие это можно распространять не только на преступные деяния.

Семейную пару, о которой пойдет рассказ, я знаю тоже давно – больше двадцати лет. В молодости супруги летали самолетами Аэрофлота – она стюардессой, он – пилотом. Оба своевременно вышли на пенсию и каждый занялся своим делом: он – рыбалкой, а она – бизнесом. На этой почве мы с ней и познакомились. Правда, у нее до оправдательного приговора дело не дошло – прекратили на стадии предварительного следствия. Однако, знакомство с тех пор поддерживаем, и даже можно говорить о некотором аналоге дружбы... Также, к слову, из набора социальных масок «добрые знакомые». Вот написал про «добрых знакомых» и задумался... В очень сложное время была моя знакомая на грани самоубийства. Но я убедил ее, что все проходит и это пройдет, и через год она будет с улыбкой или усмешкой вспоминать нынешние сложности... так и произошло, хотя об этом у нас никогда разговора не было. Вернемся, однако, в день нынешний, к проблемам сегодняшним...

Прошли годы, супружеская любовь моих знакомых ушла, пришли болезни и, что более печально, мужская половая слабость. Люди не анге-

лы, а потребность в сексуальном удовлетворении у женщины осталась... Завела она себе молодого любовника... Никого не осуждаю, тем более, что женщина мужа своего уважала и щадила, старалась свою любовную связь тщательно скрывать...

И вдруг... за воскресным завтраком, между двумя глотками кофе, она во всем призналась мужу... Скандал на почве ревности, сердечный приступ, вызов скорой медицинской помощи... госпитализация мужа...

Наша встреча состоялась после срочного телефонного разговора в роскошном офисе моей знакомой.

– Чай? Кофе? – привычно спросила она.

– Давай-ка по коньячку, – ответил я на правах старого знакомого, – и с условием, что ты тоже выпьешь...

– А давай... Где наша не пропадала – наша везде пропадала, – горько улыбнулась хозяйка.

После ухода секретарши, быстро накрывшей маленький столик в углу кабинета, мы выпили по рюмке «Hennessy XO».

– А с чего вдруг этот роковой разговор зашел? – спросил я хозяйку. – И как он развивался?

Она молчала довольно долго, а потом как-то неуверенно сказала:

– Даже не знаю, как сказать... Тихо-мирно смотрели за завтраком телевизор, там каких-то полуголых девок показывали... Муж засмотрелся на экран – я что-то ехидное сказала, он ответил... а дальше... Я завелась с пол-оборота и все ему выложила... включая возраст любовника...

– Говорил я вам: берегите мозги – не смотрите зомбящик... Берите с меня пример – не гляжу телевизор уже пятнадцать лет и живу со здоровой головой... А подробности про возраст любовника зачем вываливала? – задал я ненужный уточняющий вопрос.

– А хрен его знает зачем... Знаешь, как будто несло меня сильное течение – и хотелось всю правду рассказать... никому не нужную правду... Если он... муж... умрет, я себе этого не прощу... да и перед взрослым сыном неудобно... Сын же старше Виталика...

Ну, вот, подумал я, имя молодого любовника всплыло, а оно мне надо?

Женщина всхлипнула, схватила со стола пустую пачку сигарет, смяла ее, отбросила... Потом начала рыться в недрах своей дорогой кожаной сумочки, достала пачку защитных масок и в раздражении бросила ее на столик...

Я посмотрел на пачку, взял ее в руки и внимательно изучил упаковку – на ней бросался в глаза фирменный знак производителя – инь-янь с двумя буквами ПП...

– Это что? – спросил я, показывая пачку. Женщина перестала всхлипывать и с удивлением посмотрела на меня.

– Маски защитные... самые дорогие... с повышенной степенью защищенности – 100% и выше... и модные...

– Сам вижу, что это не презервативы и не очки Познера... Расскажи-ка про эти маски подробнее... И еще скажи – это как понимать – защита свыше 100%? Абсолютная защита и еще 15% бонус?

Рассказ о масках был недолгий, и узнать удалось немного. Распространялись они в нашем городе чуть ли не «по подписке» в виду крайнего дефицита и раздутой моды, хотя цена была приемлемой для богатой публики.

На следующий день я позвонил предпринимателю-правдорубу и спросил, пользуется ли он защитными масками?

– Ну, когда иду в официальные места, натягиваю, блин, намордник, а как только выйду на свободу, сразу сбрасываю...

– Шелкни-ка масочку телефоном и отправь мне фото, – попросил я.

Предприниматель хмыкнул, но воздержался от комментариев. Через минуту я разглядывал фотоснимок маски на экране своего телефона... Вот он, вот он – значок инь-янь с двумя буквами ПП...

Еще через неделю произошел тот случай, о котором я уже вспоминал. Дело было поганое, явно заказанное, и поэтому в первой инстанции я и не рассчитывал его выиграть... Не буду раскрывать подробности – дело широко известное в узких юридических кругах.

Это было уже третье заседание, процесс шел своим чередом. Как и положено опытному судье, председательствующий(ая) ничем не выдавала своего отношения к происходящему... и вдруг...

И вдруг судья прямо в зале, при включенных микрофонах аудиозаписи заявила, что, еще не получив дело для рассмотрения, а только узнав о его поступлении из прокуратуры, она уже – в своей голове – вынесла решение, а теперь только ждет окончания процедуры «законного и справедливого рассмотрения» с соблюдением всех «процессуальных гарантий» для каждой из сторон...

Про реакцию других участников процесса ничего не знаю – просто не смотрел на них. Сказать, что я был удивлен – это ничего не сказать! Я был потрясен и растерян...

Очень, очень редко бываю в состоянии полной растерянности... Может быть, три или четыре раза в жизни я так растерялся... Первый раз это случилось в четырнадцать лет. Девушка, в которую я тогда был влюблен первой и чистой юношеской влюбленностью, в грубой и неприличной форме спросила, совершал ли я уже половые акты. Растерялся я тогда... Ну, вы меня понимаете... Это я сейчас так выражаюсь юридическими канцеляризмами. За сорок лет любой засорит свой язык штампами, а тогда вообще слов не нашел.

После окончания судебного процесса под совершенно надуманным предлогом я зашел в кабинет судьи и спросил о каком-то пустяке. Что она мне ответила, я даже не услышал... Потому что на судебском столе увидел то, что и надеялся увидеть – маску со значком инь-янь и с двумя буквами ПП...

Конечно, каждый может посмеяться над моими выводами. Но факты от этого не изменятся – четыре человека пользовались одинаковыми масками и все неожиданно для себя «рассказали ненужную правду».

А дальше началось применение навыков, приобретенных в следственно-прокурорской молодости. Я с большим трудом, но все же купил пачку масок со значком инь-янь и двумя буквами ПП. Точнее было бы употребить старое советское выражение «достал за деньги». Оказалось, что маски продавались только в августе, а потом исчезли. После того, как пачка оказалась в моих руках, возник вопрос – на ком же проводить эксперимент? На жене и детях проводить опыт я не рискнул – мало ли что узнаешь ненужного под старость лет...

Подопытной стала секретарша молодого коллеги... я ей подарил одну маску, заверил, что сейчас носить такое самый крутой писк моды у бо-

гатых и гламурных... Информация легла на «подготовленную почву», и я стал ждать результата. Таковой появился через четыре дня после того, как молодая секретарша стала носить маску – она призналась своему начальнику, что потеряла очень важный документ и пару раз занялась сексом с его водителем. Как вы уже догадались – призналась совершенно неожиданно. Занесла ему в кабинет график судебных заседаний на следующий месяц и... и призналась. Маска супер-пупер исполнительницей секретарши, презирающей простых парней была сброшена. Ну не надо меня стыдить – совершенно безобидный эксперимент... Не «Новичком» дал подышать девушке.

Потом я включил все свои связи, привлек чужие и провел маленькое частное расследование. Как водится в современном мире, сбор информации начал в интернете. На первой же ссылке прочитал: «Люди разработали разнообразные маски, чтобы скрыть истинные эмоции внутри. Маски предназначены, чтобы скрыть то, что сидит внутри – настоящее звериное, зачастую это что-то слишком постыдное, и поэтому скрыто от других. Люди носят маски для некоей ширмы, необходимой для принятия его обществом. Ведь получив отказ со стороны общества, человек может иметь очень серьезные последствия, начиная с презрения и заканчивая полным изгоем...»

Да, большой человеколюб написал это – про настоящее звериное в человеке. Но, по сути, верно... особенно про скрытое и постыдное.

Затем начался осторожный опрос. Где и кого спрашивал? Сначала юристов, потом круг расширил. Узнал много интересного: в сентябре в городе был всплеск нервных срывов с последующим помещением страждущих в местный психоневрологический диспансер, увеличилось количество заявлений о разводах, жалоб на побои, а также случаев изменения завещаний. Сейчас жду официальную статистику преступности в городе – для сравнения по трем предыдущим кварталам...

По моим сведениям, за август в городе было продано от двух до трех тысяч масок инь-янь с двумя буквами ПП – точнее узнать не смог. Реальный производитель и поставщик остались неизвестными – все хозяйственные и торговые операции прикрыли фирмы-прокладки (они же «однодневки»).

Пообщался я и с медиками, и с бойцами невидимых фронтов. Первые лишь разводили руками, а вторые попробовали из меня информацию выдоить (я без обид – служба у них такая). Воспользовавшись командировками в Москву и Петербург, попробовал узнать – а не случалось ли что-то подобное в столицах? Нет, не случалось... или мне не сказали. Но кое-какие смутные намеки были все же сделаны – с особым подчеркиванием – что, мол, всё это «в порядке бреда».

На сей момент моя версия такова – в нашем городе был произведен разовый медико-социальный эксперимент с использованием химических или биологических препаратов, нанесенных на внутренний слой защитных масок. Этот препарат (или вещество) при дыхании через ткань растормаживал кору головного мозга и снижал уровни социального контроля. В результате после ношения такой медицинской маски человек на время сбрасывал маску социальную и начинал «говорить ненужную правду».

Буквы ПП для себя я расшифровал как сокращение от слов «принудительная правда», хотя в этом наверняка ошибаюсь. Да, согласен, что версия нестандартная, но как-то надо объяснить малообъяснимое... Готов выслу-

шать иные версии и ознакомиться с другими идеями... Предположение одного умного человека, что для контроля над сознанием использовались компьютерные нано-роботы, меня не захватило своей оригинальностью.

Какие выводы? А нет пока у меня никаких выводов – информации для них маловато. Но я задумался – а во что же может превратиться наша жизнь, если мы все внезапно снимем свои социальные маски?

Иван ЦУПРИКОВ

Красавицам вход запрещен

А все началось с того, что в механический цех пришла делегация из службы по связям с общественностью с её руководителем – девушкой неопикуемой красоты. Высокая, стройная, с обворожительной улыбкой прелестных темно-брусничных губ, с немножко курносом носиком и большими темно-кариыми глазами как омут, поверхность которого искрится в солнечных лучах, призывая тебя к себе.

Зачем она пришла, узнали потом: фотографировать рабочих для стенда, посвященного охране труда. Но как назло в момент её улыбки, подаренной каждому из них, у многих из рабочих начали происходить неожиданные проблемки. Кто невзначай по пальцу молотком стукнет, кто, забыв о подъемнике, поднимает тяжеленную деталь или механизм, срывая поясницу, кто на сварку детали посмотрит, забыв надеть очки, чуть зрения не лишившись.

Вовремя в этой проблеме разобрался начальник цеха, сам невольно с одного взгляда влюбившийся в эту богиню. Спускаясь по крутой лесенке, засмотревшись на её красоту, оступившись, проехал по железным ребрышкам ступенек вниз.

Поэтому неудивительно, что перед дверью в фельдшерский кабинет после её ухода выстроилась очередь. А на следующий день у входа в цех появился плакат: «Без масок красавицам не входить».

Теперь все женщины в цехе, считающие, что это объявление касается именно их, входили на производственный объект в масках. Даже кладовщица тетя Маша, достаточно объемных размеров, прикрыла свое веснушчатое расплывшееся личико голубой материей, оставив на показ красивые щелки весенне-голубых глазок. В результате и в нее влюбились несколько статных мужчин. Так, глядишь, скоро и свадьба будет. Только кого из них выберет, вот в чем вопрос.

Кандидат первоклассных наук

Учительница первого класса Марья Ивановна подходит к доске и пишет пример:

– Один плюс один равняется, – смотрит на учеников. – Ну, посмотрим, за каникулы вы не забыли арифметику? Сколько будет?

Весь класс тянет руки вверх.

– Верочка, – поднимает она девочку с первой парты. – Сколько будет?

– Два, – отвечает та.

– Молодец. А теперь, если к двойке прибавить один, Сашенька, – поднимает она мальчика со второй парты.

– Три, – отвечает тот.

– Умница! – хвалит его Марья Ивановна. – А теперь давайте посложнее пример вам задам, – и пишет на доске: три плюс три. И смотрит на класс.

Не поднимает руку только Вова.

– Вовочка, а ты не знаешь, сколько будет? – спрашивает она у мальчика.

Вова поднимается и говорит:

– Да как вам сказать, Марья Ивановна. Если стандартно подходить к этому вопросу, то будет шесть.

– А если нестандартно? – заинтересовалась учительница.

– То, двенадцать.

– Как так? – удивилась учительница.

– Марья Ивановна, а очень просто. Вот смотрите. У нас первое число – три, уже есть. Так?

– Да, Вовочка.

– А теперь, чтобы посчитать сколько будет, если прибавить к нему три, давайте его разложим на три части, чтобы нам было легче считать. Вот смотрите, три состоит из трех единиц. Так?

– Да, – соглашается с ним учитель.

– Так вот, первая один – это один?

– Да.

– И сколько будет если один и один сложить? – мальчик поднял вверх большой палец.

– Два, – кивает головой Марья Ивановна.

– А два плюс один? – к поднятому большому пальцу он прибавил указательный палец.

– Три.

– Вот, – и мальчик раскрыл всю ладонь. – Так сколько будет если сложить два и три?

– Пять, – тихо сказала Марья Ивановна.

– Но у нас еще осталась однерка, так?

Марья Ивановна в ответ кивнула головой.

– Так, это три, получается. Да? Теперь прибавим ее к трем, сколько будет?

– Четыре.

– Так вот, Марья Ивановна, а теперь давайте их сложим: два и три.

– Пять, – чуть громче прошептала учительница.

– А к ней еще прибавим четыре.

– Девять.

– Вот, а в примере первой какая была цифра? – спрашивает у нее Вовочка.

– Три.

– И, – смотрит он на Марию Ивановну с улыбкой, – к трем прибавим девять.

– Двенадцать.

– Так сколько будет три плюс три? – на лице Вовочки появился вопросительный взгляд.

– Двенадцать, – сказала учительница и после знака равно написала эту цифру.

– Так вот, Марья Ивановна, если подходить к решению любого вопроса нестандартно, то получается, что?

– Двенадцать.

– Нет, нет, – замахал рукой Вовочка. – Марья Ивановна, получается не аксиома, а тео... – и смотрит на учительницу.

– ...рема, – добавляет она. – Теорема.

– А ее здесь можно допускать?

– Д-д-да, – дрожащим голосом сказала Марья Ивановна. – У вас же, Вовочка, папа кандидат математических наук. И вы в него пошли.

– Вот в том-то и дело, Марья Ивановна. Не всегда можно аксиому превращать в теорему. Согласны?

Марья Ивановна пожала плечами.

– Так какой ответ должен быть в вашем примере: три плюс три?

– Д-двенадцать, – снова тихо прошептала учительница.

– А вот и нет, Марья Ивановна. Мы какую ошибку сделали в этом примере? – и видя, что учительница обеими руками схватилась за голову и опустила глаза, он громко сказал. – В ту, что мы сложили действия с цифрами, разложенными на части. Так сколько должно получиться в стандарте?

– Девять, – подняла глаза на Вовочку Марья Ивановна.

– А почему?

– Вы же сказали, Вовочка, что от полученного результата отнять действия, а их цифра три. Значит, если мы отнимем от двенадцати три, то получим девять. Так? – с дрожью в голосе она смотрела на ученика.

– Вы просто гений, Вовочка. Вы просто кандидат арифметических наук.

– А я в каком классе учусь, Марья Ивановна?

– В первом.

– Так, значит, я кандидат, а каких наук?

– Первоклассных! Вы, Вовочка, кандидат первоклассных наук! – с гордостью Марья Ивановна подняла вверх обе руки. – Вы просто гений!

Восемнадцатый столб

Проходя по дамбе через озера, не мог налюбоваться здешней красотой. Справа озеро оранжевого цвета – вода в нем соленая, а слева, в другом, – зеленая, пресная. В нем и рыба живет разная: карась, карп, белый амур. А вот рыбаков почему-то нет. Неужели не клюет? – удивился Николай. Ведь такого не бывает. Вот что удивительно.

Хотя нет. Сидит один и рыбу одну за другой тягает, и крупную. Только почему из соленого озера, где рапа?

А мужик, заметив Николая, смеется: здесь, оказывается, под дамбой с одного озера в другое проложена труба. Для того, если соленое пересыхает, то в него из пресного воду пускают. Да уж. Зная это, мужик и ходит сюда: поднимает перегородку, вода напором идет в соленку вместе с рыбой. Попав в рапу, рыбе некуда деваться, стоит у сброса воды из трубы, в пресной полянке, и клюет.

Понятно, подумал Николай: сейчас и он сбегает за удочками и наловит здесь рыбы. И никому об этом секрете не расскажет.

– А как найти это место? – спрашивает он у рыбака.

– Восемнадцатый столб.

Прибежал Николай домой. Вот незадача, не спросил он у мужика, на какую приманку рыбу ловит. Но это и не проблема: накопал червей, взял с собою тесто и смешал в баночке манную крупу с водичкой. А вместо одной удочки взял еще две да мешок побольше. Ох и будут теперь ему завидовать все соседские рыбаки. Но секрета никому не скажет.

Прибежал Николай к дамбе, отсчитал восемнадцатый столб, задумался, а вдруг тот мужик посчитал его с другой стороны дамбы. Поставил метку, и побежал на ту сторону. Оттуда, тот же помеченный столб также оказался восемнадцатым. Бывает же.

Нашел он ту самую заслонку, о которой ему говорил рыбак, поднял ее, и вода напором пошла в соленое озеро. Размер полянки зеленой воды в розовой соленой, росла в окружности, и не просто, а в ней еще и рыба заплескалась.

Насадил Николай червя на крючок, забросил в эту полянку удочку. Потянулся за новой, чтобы и ее забросить, а поплавок первой шмыг, и исчез в воде. Подсек, удочка согнулась, чувствуется, огромная рыбина на крючке, вон как сопротивляется.

А здесь еще, вдруг, и колокольчик забренчал. Откуда же здесь закидушка, удивился Николай. Обернулся, и точно: хоть разорвись на две части. Но, Николай – это первоклассный рыбак. Ухватившись левой рукой за леску донки, подсек.

– Коленька, – слышит он голос жены, – вставай, пора на работу.

– Какую еще работу? Я же на рыбалке, – выругался он. И удивился, рыбалка – всего лишь сон.

Бежит Николай на работу и думает, почему всё так совпадает: в их восемнадцатом доме, в восемнадцатой квартире вчера они праздновали совершеннолетие сына. И приснился ему не какой-то, а именно восемнадцатый столб на дамбе. Не-ет, а вдруг это правда, что там прокинута из одного озера в другое труба. Нужно проверить сегодня же вечером, после работы. И удочки с закидушкой, и не забыть червей накопать, и тесто с манкой с собою взять.

И растирая ноющие от вчерашнего застолья виски, прибавил шаг...

Вот так диета

– Да-а, Иван Иванович, вы совсем себя запустили, – говорит врач, глядя на своего пациента. – Вот смотрите, год назад вы весили девяносто два килограмма, а теперь – сто сорок два. В прошлом году у вас давление было сто двадцать на восемьдесят, а нынче – сто сорок восемь на сто. Как же это так? Я же вам выписал диету на каждый день недели, когда вы хотели похудеть!

– Так это, Демид Демидович, всё благодаря вашей диете! Ой, извините! – и Иван Иванович, раздвинув ноги, чтобы они не мешали его огромному пузырю-животу, с трудом нагнулся и стал копошиться то в одной переполненной сумке, то в другой. И вытащив из второй термос-кружку, открыв ее, обжигаясь, сделал несколько глотков. А потом поставил её на стол терапевта, достал из целлофанового кулька куриную грудинку и стал её поедать.

Съев её и запив куриным бульоном, вытерев салфеткой ладони и рот, показывая на часы, сказал доктору:

– Всё согласно вашим диетам, Демид Демидович, – тяжело вздохнул, посмотрев в сторону медсестры, и попросил её:

– Милочка, будьте добры, спрячьте этот термос в эту сумочку, а то сам не могу, мне живот мешает, – посмотрев на доктора, продолжил. – Я, Демид Демидович, всё делаю, согласно вашим диетам. А чтобы проще было, я их объединил. Утром встаю, съедаю чеснок с лимоном, потом двести граммов вареной говядины без жира, потом выпиваю чай без сахара. На работе у меня второй завтрак: в десять утра съедаю вареную куриную грудинку с куриным бульоном. Как сейчас вот только что. Через тридцать минут...

Ой, извините, сбился, чуть не ошибся, – и достав из кармана большое яблоко, откусил его, протянул доктору и спросил. – Может, будете такое, у меня еще одно есть?

– Нет, спасибо, – покачал Демид Демидович головой.

– Так вот, а через тридцать минут после этого у меня пшеничная каша без соли(!), как у вас написано, с овощными – морковной и свекольной котлетками. А потом, через полчаса...

– Иван Иванович, – остановил его доктор, – так я же выписал вам семь диет на каждый день разные, а вы их смешали что ли в одну?

– Да так проще, Демид Демидович...

– Да нельзя было так делать! – вскочил со стула врач. – Иван Иванович, давайте так, как я сейчас вам выпишу новые диеты на каждый день, запомните, на каждый день в отдельности! Понятно? – и врач, присев, подвинул к себе стопку бумаг и, поглядывая на календарь, начал на каждой из них что-то писать.

Через полчаса Иван Иванович съел следующую диетическую порцию, запахшей на весь кабинет пшеничной кашей с овощными котлетами... Через следующие полчаса – творог со сметаной, потом бутерброд, состоящий из обернутого листом капусты нарезок помидора, огурца, укропа с петрушкой, и смачно это пережевывая, запивал компотом из сливы с яблоком.

– Демид Демидович, – взмолилась медсестра, – уже два часа как вы с этим пациентом работаете, а там люди, огромная очередь к вам в коридоре ожидает.

– Вера Павловна, прошу терпения, человека нужно спасти. Я же доктор! А тех всех людей приму, сегодня суббота, никуда не тороплюсь. Выйдите и скажите им это, только не забудьте за меня извиниться.

– Демид Демидович, – теперь уже взмолился Иван Иванович, – мне уже пора, жена позвонила, сказала что нашла мне костюм семидесятого размера, и ушить его нужно по длине. Послезавтра же мне на работу, а по дресс-коду без костюма меня в управление не пустят.

– Не торопитесь, Иван Иванович, вот вам список диеты на каждый день, – и протянул Иван Ивановичу стопку исписанных листов, продолжая делать новые заметки на очередных.

– Демид Демидович, так что же это? – удивился Иван Иванович. – Завтра утром натошак мне выпить вместо еды только стакан воды, в обед – тоже, на ужин – тоже. Без еды целый день? А на следующий день, двадцать второго утром, только съесть вареное яйцо, на обед – куриный бульон, на ужин – овощ или яблоко. А на двадцать третье, тоже почти ничего не есть, а двадцать четвертого снова голодовка? Да еще и каждый день заниматься ходьбой по пять километров, зарядкой и плаванием?

– А что же вы хотели, дорогой? Вы же пришли ко мне с последней стадией ожирения. Вы что, на погост послезавтра собрались?

– Нет, Демид Демидович, ну, а эта диета меня тоже к тому же приведет?

– Вы же хотели быть худым и красивым, как Путин? Хотели?

– Так что, он так живет, ничего не ест?

– Нет, просто он себя до такого состояния как вы не допускает.

Через три месяца Демид Демидович заволновался, Иван Иванович к нему на прием не пришел. Телефона в его истории болезни записано не было, как и адреса и места, где он работает.

Через следующие три месяца и последующие Иван Иванович тоже к своему доктору так и не приходил. Из-за чего же, не ушел ли он на по-

гост? Нужно пойти в церковь и помолиться за его душу, подумал Демид Демидович и в воскресенье пошел в храм.

У входа помолился и невольно обратил внимание на вышедшую из храма парочку, худощавых, приятной наружности мужчину и женщину. И скорее всего потому, что они, не обращая ни на кого внимания, громко говорили.

– Ванечка, но я уже не знаю, где деньги искать на содержание не только тебя, а и наших детей. Все деньги уходят на твою одежду. С семидесятого размера, ты перешел сначала на шестьдесят восьмой, потом на шестьдесят шестой, потом на шестьдесят четвертый и так далее. А сейчас, где мне найти деньги тебе на новый костюм сорок восьмого размера? Это же и рубашку нужно покупать, и нижнее белье, и плавательный костюм, и кимоно? А как только белье становится на тебя большим, то сразу его относишь в храм для прихожан. Может, не торопиться, а то как в прошлый раз начнешь заново расти в ширь, и что, снова деньги тратить?

– Миленькая, Светочка, я же хочу быть как Путин, красивый, с иголки одетый, и всё, в первую очередь, для тебя. И больше толстеть я не буду, это точно, – и перекрестился, – зря я через каждый день хожу на дзюдо и самбо, в плавательный бассейн и бегаю каждый день по пятнадцать километров?

– Ой, – невольно влез в их разговор Демид Демидович, – а вы случайно не Иван Иванович Иванов?

Глянув на него, тот мужчина вдруг резко заулыбался и стал обнимать доктора.

– Милая, так этот тот самый кудесник(!), который вернул меня к жизни. Демид Демидович, какой вы умница, что составили мне новую диету. И это все благодаря ей, – он, подняв руки, несколько раз обернулся перед ним на полные триста шестьдесят градусов, – я стал нормальным человеком!

И всё им до лампочки

Кузьма Кузьмич, начальник ремонтного цеха, с хорошим настроением идет из управления завода к себе на работу. Еще бы, сам директор его похвалил, за перевыполнение квартального плана, за своевременную уборку территории цеха от мусора и за своевременный покос травы. Были б у него крылья, взлетел бы.

Приблизившись к цеху, уперся в заборчик, установленный посередине тротуара с табличкой: «Осторожно, идут работы». И крышка от люка канализационного колодца за ним лежит, вся в трещинах, да еще и с огромной дырой посередине.

Из колодца появилась голова бригадира сантехников:

– Кузьма Кузьмич, – говорит тот ему, – кран пропускает, ремонтируем. А люк нужно заменить, машина в понедельник, когда мусор на нее грузили, колесом на него наехала, он лопнул.

– А почему вовремя не заменили его?

– Так у нас на складе нет такого люка, заявку написали на центральный, так она у вас уже неделю неподписанная лежит.

– Чего? – полный возмущения вскрикнул Кузьма Кузьмич. И больше сказать нечего, проморгал. Но тут же нашелся. – Так куда уже, пятница, конец рабочего дня. Ограждение оставишь здесь, в понедельник разберусь.

– Так скажите тогда электрикам, пусть лампочки на столбе заменят, перегорели все. Темнота, и люка не увидят.

– А кто здесь ночью ходить будет, а? – воскликнул Кузьма Кузьмич. – До восемнадцати ноль-ноль работаем. Еще день, – нашелся он и, махнув рукой, пошел в цех, ругаясь про себя. – И все им до лампочки, до лампочки! Никакой ответственности! Вот люди! Все нужно контролировать, им же до лампочки!

Громкие птичьи голоса, льющиеся из лежащего в кармане мобильного, отвлекли начальника цеха, товарищ на проводе:

– Ну, что, завтра едешь со мной на рыбалку? – спрашивает тот. – Смотри, мужики говорят, язь пошел с окунем-горбачом, по килограмму не меньше.

– Так договорились же. Червей на меня купил? Всё, до завтра.

В кабинете надрывался прямой телефон главного инженера завода.

– Кузьма Кузьмич, где шляешься? – кричит тот.

– Так только с совещания у директора прибежал, Иван Иванович.

– Ты почему затягиваешь ремонт электродвигателя, а? – кричит он. – Если сегодня не закончишь, то сам знаешь, что будет!

– Так осталось чуть-чуть, сдадим его через час, – и положив трубку, Кузьма Кузьмич бежит в цех.

– Сейчас вал отцентрируем с ротором и всё будет готово, – отчитывается перед ним мастер цеха.

– Давайте быстрее, а то мне голову оторвут, а я вам! – пригрозил Кузьма Кузьмич.

Закончили работу по сбору электродвигателя в восемь вечера, в девять его забрали. Пора домой.

Кузьма Кузьмич первым выскочил из цеха и побежал к проходной.

«Блин, темнота кругом, ни одной лампочки не светит!» – ругался он про себя, угадывая ногами, где тротуар.

И тут же обо что-то споткнувшись, упал вперед, и по инерции выставив руки, чтобы упереться на них, вскрикнул, когда правая не нашла опоры и провалилась вниз. А левая не удержала тяжесть его тела, и лицом он ударился о канализационный люк, да так больно, что разбил нос, губы, лоб. Кровища хлещет из носа.

– Ну я вам покажу, бездельники! – громко выругался он. – Всё вам до лампочки!

Доигрался

Кабинет начальника ремонтно-механического цеха.

– Александр Александрович, ну подпишите заявление на выдачу кабеля, розеток. И не надо электриков, если они заняты, мы сами установим, руки есть, – просит мужчина, стоящий перед столом руководителя.

– А я вам скажу, Игорь Иванович, – повысив голос и стукнув кулаком по столу, начальник приподнялся со стула, – пока не ознакомлюсь подробно с вашими хотелками, не под-пи-шу!

– Так вы уже три месяца не находите времени на это. Вон посмотрите, – и показывает на большую стопку бумаг. – Пять листов из них торчит с синими краями в разных местах. Это наши заявления, мастером подписаны, а у вас всё времени нет их посмотреть.

– Да как вы смеете меня упрекать? – еще громче закричал начальник. – У меня каждый день совещания, то у того, то у этого, командировки на выставки, отчеты месячные, квартальные. Вон сколько новых станков закупил! А вы мне со своею слесарной мастерской всё пристааете! Сами розетки поменяйте, кабеля отремонтируйте.

– Так не даете их, а кабеля старые, за ними в магазин бежать?

– Вон! – указывая пальцем на дверь, начальник тут же схватил трубку зазвонившего телефона.

– Сан Саныч, это главный инженер, – говорят из трубки.

– Да, да, Сергей Сергеевич, слушаю Вас, – тут же изменив свой голос до вкрадчивого, произнес начальник цеха.

– У нас телевизионщики работают. Были в автоколонне, сейчас у директора завода, а потом к тебе. И смотри мне, не подкачай. Если всё будет хорошо, тебе лишний плюс, станешь моим заместителем – начальником отдела по охране труда завода.

– Да не подкачаю, Сергей Сергеевич.

И тут же вызвав мастера, дал ему команду:

– Протри каждый станок, стекла на окнах, мусор если увижу, где, то по миру пойдешь, тут же выгоню. Полчаса на уборку.

За двадцать пять минут справились, цех сиял.

Давая журналистке на каждом участке интервью – моторном, шлифовочном, токарном, – начальник цеха похвалить и себя не забывал: сколько он труда вложил, чтобы в таких прекрасных условиях работали люди.

– Александр Александрович, какой вы молодец! Столько всего сделали здесь для улучшения условий труда! – улыбаясь, сказала ему журналистка. – Разрешите мы снимаем ваши станки, людей, работающих на них. А вы помогите нашему оператору подзарядить аккумуляторную батарею. Пятнадцати минут достаточно.

– Нет вопросов, – согласился начальник цеха, открыл дверь ближайшей мастерской и ойкнул от удивления.

В крохотной комнате тускло горели лампочки, и не все. Сильно пахло маслом и красками, вентиляция не работала, ко всем розеткам приклеены листочки: «Не работает».

– Игорь Иванович, – окликнул он бригадира, – что это такое?

– Так я вам уже три месяца заявления пишу, что здесь нужно сделать ремонт.

– Разберемся, я их не видел, – и взяв у оператора кабель для зарядки аккумулятора, схватился за провод сверловочного станка и, не обратив внимания, что он оголен, выдернул его из розетки. И тут же что-то произошло.

Александр Александрович открывает глаза и отмахивается от ватки с нашатырем, которую держит бригадир, и тут же видит, что его снимают на камеру.

– Александр Александрович, вы нам сказали, что у вас кругом в цехе все исправно, порядок, вы заботитесь о людях, – сказала ему журналистка и протянула микрофон. – А в эту слесарную мастерскую даже заходить опасно.

– Доигрался наконец, – покачал головой бригадир.

НАШИ ГОСТИ

Наталья ЛОСЕВА

Яблоки из чужого сада

Пабло переходил площадь святого Сантьяго, когда часы на башне показывали без десяти десять. Он прибавил шагу – время завтрака в «Коста-Дорада» заканчивалось. Этот известный на всё Средиземноморье курорт расположен в двухстах метрах вниз по направлению к морю, и мужчине нужно было непременно успеть.

Вот уже две недели, пока глаза охранников слипались ото сна, Пабло удавалось в семь часов проходить незамеченным к началу завтрака.

Но сегодня ночью с работой не везло, и он пораньше ушёл домой спать, а проснувшись, торопился, чтобы успеть. Спускаясь вниз по улочке, его кроссовки едва касались булыжной мостовой. Лёгкий бриз дул с моря, развевая русые кудри молодившегося мужчины. Запах лантаны щекотал ноздри, а проснувшийся желудок только и говорил что о еде.

Неподалёку от «Коста-Дорада» Пабло увидел впереди себя девушку с зелёными волосами, идущую на высоких каблуках. Одно мгновение – и незнакомка покачнулась, начав падать. Мужчине ничего не оставалось, как её подхватить.

– Что Вы, в самом деле... – только и успел он произнести, когда девушка оказалась в его руках.

– Ой, извините, – как ни в чём не бывало отреагировала зеленоволосая бестия. – Каблук.

Девушка попыталась было встать, но, вскрикнув, вновь покачнулась, и Пабло снова пришлось её подхватить.

– Кажется, я подвернула ногу, – заключила незнакомка. – Спасибо, что не бросили даму в трудную минуту.

Мужчина недовольно крикнул. Он был не из тех, кто довольствуется благодарностью, и незаметно кошелёк девушки перекинул в его карман.

– Уж если Вы тут, то помогите, пожалуйста, мне дойти. Здесь совсем рядом, – и она указала на двери отеля, где висела реклама кандидата в мэры города.

– Как? И Вам туда же?! – только и смог выдать из себя Пабло.

Он осмотрел незнакомку. На ней была нелепейшая пышная юбка ядовито-жёлтого цвета, чёрные гипюровые перчатки и блуза сеточкой. Таких тусовщиц по ночам встречалось немало в этом испанском городке. Нет, она явно не походила на кого-то из отдыхающих с элитного курорта.

Однако деваться было некуда. В самом деле, не бросать же потерпевшую посреди дороги... И Пабло пришлось идти вместе с зеленоволосой особой, слегка её поддерживая.

Увидев подходящую к дверям парочку, охранник отошёл от ресепшена и поспешил навстречу посетителям. Пабло хотел отделаться от незнакомой особы, но было уже поздно.

– Доброе утро! Ваши пропуска! – как-то очень бойко отрапортовал страж порядка.

Девушка посмотрела на часы. Было две минуты одиннадцатого.

– Как?! – громогласно удивилась незнакомка. От негодования её накладные ресницы начали отбивать морзянку. – Какие-то две минуты и... Так нечестно! Я здесь живу! У меня и пропуск есть, – решила идти до конца она.

Девушка принялась рыться в своей сумочке. Пабло, следуя ей, тоже зачем-то взялся ощупывать карманы.

Охранник не стал долго ждать.

– Пожалуйста, отойдите, – заключил он, как будто знал, что пропусков от этих двоих не дождёшься.

– Что Вы, господин офицер, – ангельским голоском начала лепетать девушка, – пропуск есть, есть. Ну что Вы, разве меня не помните? Меня зовут Ева Браун. Я уже две недели здесь кормлюсь. Гм... вернее, отдыхаю.

Она протянула Пабло увесистую косметичку.

– Подержи, дорогой, – как к старому другу, обратилась бестия, улыбнувшись при этом голливудской улыбкой, отчего мужчине захотелось бросить ей в ответ что-то резкое. – Так... здесь нет. А может, под подкладкой? – и она продолжила тщетные поиски.

Пабло профессиональным чутьём понял, что пора закруглять этот цирк, но вот как достойно выйти из неблагоприятной ситуации, он не знал.

– Так и думала! Я его оставила на тумбочке в номере. Господин офицер, можно пройти, а после завтрака принести его Вам? – как можно жалобнее запричитала незнакомка.

Начищенный, как самовар, охранник отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Пабло потянул девушку за руку.

– Слушай, ты, кристальная честность, – грубым тоном на ухо девице произнёс мужчина. – Мне совсем не хочется здесь светиться под камерами. Или хочешь, чтобы этот цирюльник вызвал наряд полиции? Ты как знаешь, а я ухожу.

Пабло быстрой походкой направился к выходу.

– Эй... эй... Как Вас там? – услышал он за спиной. – Нехорошо бросать даму. Я на самом деле подвернула ногу, и мне без Вас точно не обойтись.

Девушка, прихрамывая, старалась следовать за Пабло. Ему почему-то стало жаль её. «Навязалась на мою голову», – подумал он, но всё-таки вернулся не в силах бросить зеленоволосую. Всё лучше, чем идти домой, где храпит пьяный напарник.

Они с трудом добрались до моря. Свежий воздух вселял силы в уставшие тела. Слева, за узорчатым забором, располагалась территория «Коста-Дорада», а справа виднелся городской пляж. С курорта доносилась весёлая музыка. Пабло с незнакомкой присели под соломенный грибок городского пляжа. Солнце припекало, но купаться не хотелось, так как было ещё по-утреннему свежо.

– Вот и позавтракали... – как-то обречённо произнёс мужчина. – Это вы во всём виноваты!

Пабло хотелось причинить незнакомке боль такую же, какую он сам сейчас испытывал. В животе у него урчали кошки всего побережья.

– С чего это я? – хмыкнула девушка, отправляя босоножки в сумку. – А может, это вы виноваты?

– С какой стати? Я шёл себе спокойно, вполне мог успеть. Так вы... Нашлась мне Браун. Почти что Ева. Только кишка тонка угнаться. У вас на лице написано.

- Что написано? Ну, говорите, говорите же...
- Что никакая вы не Ева. Так, мелкая сошка в сфере услуг.
- Что??? – «Браун» встала и захлопала накладными ресницами. – Может, это вы сошка, а я зарабатываю честным трудом!

Девушка хотела уйти, но боль давала о себе знать. Фыркнув, она вновь села.

– А знаете что? Никуда я не пойду. У меня вывих. Вот! Даже нога распухла.

– М-да, – крикнул от удовольствия Пабло.

Ему очень сильно хотелось отомстить той, которая лишила его так неожиданно свалившейся халявы.

Сейчас, под лучами яркого солнца, Пабло рассмотрел незнакомку. Несмотря на тинейджеровскую одежду, она была не так молода. Вокруг уставших глаз наметилась сеточка морщин. Зелёные волосы, как ни странно, ей шли и сочетались с такого же цвета глазами, в которых бегали шаловливые искорки. «Всё туда же...» – зло подумал он.

– На «Коста-Дорада» сейчас шведский стол: запеканка, салаты на любой вкус, жаркое, какао с пончиками, – решил подразнить виновницу Пабло. – И всё это накрылось...

– А вам бы яблоки в чужом саду рвать... – эмоционально отпарировала зеленоволосая бестия.

– Причём тут яблоки?

– Да потому, что в чужом саду всегда вкуснее.

– Конечно. Как будто сама сюда не за «яблоками» пришла. Только выходного пособия вам не дадут. День накрылся... – радостно потёр руки Пабло.

– Слушайте, – взорвалась зеленоглазая. – Чего вам от меня надо? Шли бы вы... Я бы и сама ушла, да вот видите... Сильный пол нашёлся. Мне тоже жалко. Только я, в отличие от вас, не плачу. Между прочим, сегодня бы нас всё равно не покормили.

– Это почему же?

– То была предвыборная кампания сеньора Альберто Санчеса. Выборы вчера прошли. Так с какой стати ему теперь расточаться?!

От столь неожиданного поворота Пабло поперхнулся голодной слюной.

– Гм... Конечно, вы сейчас будете придумывать чёрт знает что, лишь бы хоть как-то смягчить свою вину. А зачем тогда вообще припёрлись сюда? – не сдержал эмоций мужчина.

– Честно? Не думала, что мир так жесток! Всё же где-то внутри всегда продолжаешь надеяться на лучшее.

– Ой, ой, ой, святая наивность! Всё-то вы врёте. По дороге придумали?

– Врёте? Да я сама читала в газетах: «Коста-Дорада» приглашает на бесплатные завтраки. Это щедрый подарок всем нуждающимся от сеньора Альберто Санчеса». Газеты читать надо!

– Где уж нам! Мы ведь люди тёмные...

– Но разве вы не заметили плаката на раздаче? Похожие по всему городу развешаны. Толстый такой, с бородой, а в руках тарелка с креветками. И надпись: «Голосуйте за сеньора Альберто Санчеса. Он всех накормит!» Кстати, он владелец «Коста-Дорада».

– А... Тогда всё понятно... Значит, вчера проходили выборы, потому и полиция всюду была.

– ...и, значит, ночь насмарку... – со злорадством продолжила незнакомка. – А вы хотели очередную афёру проверить?

– Почему афёру?

– Потому что у вас на лице написано, – отплатила той же монетой «Браун».

– Чего??? – возмутился Пабло брошенному в свой огород камню.

– Кстати, как вам завтрачки? Правда ли, не первой свежести? – решила поиздеваться над мужчиной девушка.

Это покорило Пабло, но вида он не показал.

– Вот как надо делать кампанию! Зачем же добру пропадать? Такие, как он, накормят и до унитаза доведут, – не унималась девушка, пытаясь ударить побольнее.

– Всё-то вы знаете... Может, ещё и с Альберто Санчесом знакомы?

Непонятно почему, но Пабло уже начал ревновать эту бестию.

– А вам какая разница? Решили в большую политику податься? Не выйдет! – отпарировала девушка. – А в «Коста-Дорада» все уже позавтракали и отправились на пляж...

– Ха-ха, можно подумать, что кто-то из этих «толстых кошелев» раньше двенадцати встаёт. Знаю их. Все они до утра в ресторанах и казино на Себастьяна отвисают.

– Понятно. Ваши клиенты... – уколола в свою очередь незнакомка.

Она смотрела на Пабло наглыми зелёными глазами, и ему захотелось утопить её в таких же зелёных водах моря.

– А что же ваши клиенты вас не кормят отбивными? Понятно, почему вам тухлятинку приходится искать. Похоже, вы того... Угу... – смачно закончил мужчина.

Зеленоглазая посмотрела, как полоснула ножом.

– Может, это у Вас ботиночки на тонкой подошве?

Как позывные прозвучали последние реплики из любимого с детства фильма. Фильма, известного только русским. Им всё стало понятно. На минуту повисла пауза, как будто повеяло чем-то щемяще родным. И совсем не хотелось нарушать эту сладкую мелодию с родины, в которую внезапно погрузились оба. «Ирония судьбы...» И всё, что происходило здесь с ними, было не чем иным, как простой иронией судьбы.

Недалеке мальчишки играли в волейбол. Непослушный мячик угодил в грибок, под которым сидели ссорившиеся. Пабло очнулся, как от сна, побежал за мячиком, а затем присоединился к игре ребят. Незнакомка, прикрыв рукой глаза от палящего солнца, с интересом наблюдала за волейболистами и кричала что есть мочи, когда игра в очередной раз обострялась.

Пабло вернулся бодрым, полным сил и даже как будто помолодевшим. Серые глаза светились счастьем. Незаметно он подкинул кошелек в сумку девушки.

– Тебя как зовут? – по-русски спросил он у неё, как будто между ними и не было никакого разлада.

– Таня, – на родном языке ответила девушка.

– Понятно, «Татьяна, русская душой...» – ухмыльнувшись, процитировал классика мужчина. – Ты откуда?

– Из Крыма.

– А я из Рязани. Павел, – он протянул руку девушке, словно был знаком с нею несколько лет. – И давно ты в Испании?

– Третий год. До этого пять лет в Турции жила. Туда много наших девчонок на заработки уехало.

– Ясно, – с пониманием вздохнул Павел. – А чего домой не едешь?

– Так некуда. Мать умерла, а отец второй раз женился, квартиру продал. Вот и торчу здесь... – с грустью произнесла последнее зеленоволосая. Затем сняла парик и вытерла им лицо. – Фух, что-то жарко становится.

Короткие каштановые волосы Татьяны торчали в разные стороны, как у «зимней вишни». Косметика за ночь осыпалась, приоткрыв веснушчатое лицо. Вид девушки уже не казался таким вызывающим, как вначале, а скорее детским и незащищенным. Хотелось пожалеть её, оградить от жизненных передряг.

– М-да... А я попал сюда лет десять назад. Так и завис. Хотел квартиру на золотом берегу. Вот и получил...

– А что не так?

– А то, что когда получаешь всё это, тогда понимаешь, что ничего тебе из этого и не нужно. Что здесь делать? Ходить на море и загорать каждый день? Мне всё это уже через год надоело. В бизнес тебя никто не пустит. Да и денег на него не осталось. Теперь нет ни квартиры, ничего... Так мне и надо... – выдохнул Павел.

– Почему?

– Почему? Да потому, что – «не рви яблоки в чужом саду!» – чуть не крича, выдохнул мужчина. Он сел на песок, отвернулся от Татьяны и закурил.

Мимо, плавно покачиваясь из стороны в сторону и сверкая начищенными боками, проплывал пятипалубный теплоход. Ветер доносил давно знакомую песню «Ах, белый теплоход, бегущая волна, уносишь ты меня, скажи куда?» Павел безошибочно угадал: песню заказали русские туристы, коих здесь немало. Он с грустью следил за неторопливым ходом судна.

– Как думаешь, куда он идёт? Франция, Италия, Греция, Болгария... А там и до России недалеко. Слушай, а может быть, нам в Россию податься? – спросил он с каким-то азартом. – А что, у меня под Рязанью домик от бабки остался. Моего поделника убили. Может, и пронесёт?

– В Россию – это хорошо! Только я-то тебе зачем? Можно и других взять, – обречённо вздохнула Татьяна. – Разве я на что-нибудь сгожусь?

– Ха! – Павел резво вскочил и приподнял девушку. – Стоишь? Ну а теперь иди. Иди! – громко крикнул он.

Татьяна посмотрела на него испуганно и попыталась идти.

– Ой! – от боли она даже вскрикнула.

– Ничего, мы с тобой и не через такое проходили.

Мужчина убрал руку, и девушка, слегка прихрамывая, пошла сама, то и дело оглядываясь назад.

– Слушай, а я иду! Иду! – удивлённо говорила она, сама тому не веря.

– Ну вот! – радостно произнёс Павел. – Так, глядишь, и до России добредёшь.

Он поднял с песка сумку Татьяны, догнал её, взял под руку и, лучезарно улыбаясь, произнёс:

– А знаешь что, у бабки и сад есть. Так что свои яблоки будем есть! Зачем нам чужие?

Елена ЛУЧНЕВА

Нарисуй мне Торжок

Нарисуй мне Торжок! Чтобы мама стояла в сирени,
Чтобы папа, скворцам подпевая, чинил старый дом,
Чтобы месяц – рожком... Чтоб Дюймовочкой жить в цикламене,
Чтоб смеяться до слёз и не думать, что будет потом.
Нарисуй мне Торжок – чтобы бабушка – снова у печки,
Пирог на поду, самовар заворкует вот-вот.
Нарисуй мне Торжок – чтоб дорога от храма да в речку
Или лучше – от храма – сиянием – крест – в небосвод!
Мне Торжок нарисуй! Чтобы взрослый мой брат стал мальчишкой,
Чтобы всё наносное исчезло под краской Любви!
Ты рисуешь уже? Только детство зачем-то вприпрыжку
Убегает из памяти даже – зови-не зови...
Но... Рисуй мне Торжок!..

Февраль-поэт

Взмывает мыслью в небо беспилотник,
вспугнув грачей и стаю воронья.
Февраль – чернильниц верный соратник –
устав от луж январского вранья,
слегка вулкан чернильницы припудрит,
оставит окна кляксами в снегу,
взобьёт ветрами ивовые кудри,
припорошит озёрную шугу.
Замёрзнет слёз недавних след оконный –
что толку плакать, если ветер свеж,
мороз ядрён, а дым печей посконный
куда милей костров у древних веж¹.
От дыма плакать – не от слов лиричных! –
никто не заподозрит слабину...
Кочевник в прошлом, нынче – гость столичный –
чернильниц измеряю глубину
и мыслью, от бессонниц воспалённой,
чернильных войск выстраиваю вязь,
Поэзии бесслёзно-окрылённой
и радуясь, и веря, и дивясь!
И, обернув бумажною салфеткой
плаксивое шампанское Моэт,
возьму займы немного рифмы редкой, –
merci, mon cher ami, Февраль-поэт!..

1 Вежа – кибитка, шатер кочевников

Журавль

Изящные сплетенья рифм и слов, –
Порывы чувств, неверные как ветер,
Который у тебя за всё в ответе,
И жизнь опять легко сменить готов.

Папирусом несбывшихся надежд
Приснится камышу тростник неместный, –
О нём курлычет осени предвестник,
Но ты себя иллюзией не тешь:

Большой охотник перемены мест,
Мечтающий покинуть зябкий лес
И топкое стоячее болото, –
Всегда ты будешь помнить, кто ты, что ты,

И плакать обо мне из жарких стран,
И возвращаться в морось и туман.

Волговерховье

Приезжай в нашу Тверь вдохновиться поэзией ветра,
Ты услышишь здесь песни истока российской души:
Волга-матушка льёт ручейком свои первые метры,
И, стремясь в бесконечность, пока никуда не спешит.
Величавой и гордой ей стать ещё в будущем надо,
Кораблями пронзённой, в иные миры уходить,
А пока, на земле моей, – тихой и светлою правдой
Будет в сердце струиться, изгнав неуместную прыть,
Бестолковых и чёрных пустот заполняя резоны,
В путешествие к свету вести родниками любви.
Не пристало доказывать ей, почему перезвоны
Храмов тысячелетних – у русских в глубинах крови,
Почему за погост, почему за берёзовость света,
За лихой перепляс и за нашу вселенскую грусть,
В бой солдаты идут, и над строчкою бьются поэты...
Ты послушай истоки, а я... доказать не берусь,
Почему надышавшись «Тверскою губернией» вдоволь,
Наш великий поэт, воспевая красоты земли,
Возвращался сюда, в край, где избы как будто по-вдовьи,
Приклонившись к берёзам, окошками в землю вросли.
Почему за покой деревенек, в веках растворённых,
Умирая, – мы знаем, – воскреснем в Отчизне родной,
Почему, от рожденья водою реки упоённый,
Я пою о Любви и ведом лишь Любовью одной.
Этой песне, рождённой от Шепота Слова, не веришь? –
Не пришло твое время, не хочешь – не пой и не верь...
Опустевших миров открывая бессонницей двери,
На часок загляни в нашу славную добрую Тверь...

Полина ГРОМОВА

Канавы

Придорожная канава была большой. И обычно-то немаленькая, теперь она вызывала уважение, переходящее в душевный трепет, ведь все окрестные сугробы, тая, обращались в воду, которая в свою очередь пополняла ее одну.

На марианской глубине канавы кувыркалось множество самых интересных штук: неразбитая лампочка, колясочное колесо, картонная, наводопевшая и потому утонувшая упаковка от яиц, пластмассовая елочная ветка с дождиком, старые ножницы и какая-то жестянка, которую очень хотелось достать. По просьбе Витальки Стасик уже пробовал это сделать – у него в руках была ветка, которую он вытащил из кучи веток, раньше представлявшей собой целую сухую вишню около их подъезда. Веткой банка, конечно, не вытащилась, но зато Стасик выудил желтый целлофановый пакет с остатками корейской морковки.

– Ух ты! Смотри!

– И чего?

– Беее! – Стасик стряхнул пакет с ветки, и он поплыл дальше. Стасик протянул ветку Витальке: – Хочешь?

Виталька переминался с ноги на ногу.

– Нет. Вдруг бабушка увидит.

Стасик серьезно, понимающе покивал и продолжил канавную рыбалку, а Виталик попристальней взгляделся в окно, где в любую минуту могло появиться сердитое лицо бабушки.

Бабушка тоже была большой и тоже внушала трепет. Целыми днями она была занята: готовила, стирала, убирала, вытирала, полола и поливала, мыла, копала, окучивала и вешала – и при этом, как ни обидно, все-таки успевала воспитывать Витальку. Вставай, иди умываться, там застегнись, тут подтяни, это не трогай, сиди рисуй, тебе что, заняться нечем, не мешайся, иди есть, а то остынет, второй раз греть не будут, шапку не смай, ноги не мочи – и не ходи на канаву, а то хворостины схлопочешь!

Что такое хворостина, Виталька точно не знал. Но от этого его представления о хворостине были еще мрачнее и ужаснее: это было что-то большое, почему-то фиолетовое, липкое... Виталька даже зажмурился, опасаясь думать дальше.

– Э, мелкие, это что вы тут творите? – послышалось вдруг над самым ухом. Виталька даже не заметил, как к ним подошли двое ребят постарше под предводительством третьего – Володьки, вообще уже первоклассника. Они наперегонки пускали по канаве разноцветные пластмассовые зажигалки. У Витальки таких были целые карманы, но он никому бы ни за что в жизни в этом не признался.

– А это тут преграда такая, бдыж-ж-ж-ж, – Стасик приподнял ветку, на которой на этот раз висела картонка из-под конфет.

– Не надо нам тут никаких преград! У нас водные гонки на выживание! – с гордостью сказал один из спутников Володьки, худенький кареглазый Амир. Стасик тут же бросил свою ветку.

– Ребята, а можно с вами? У меня тоже зажигалка есть! – он суматошно зарылся в карманах дутой курточки, нашел, достал и сунул Володьке под нос свое сокровище. Тот взял, повертел в руках.

– Ну ты, мелкий, выдал! Она же железная! Утонет, как камень! На, держи, – он вернул Стасику, едва не всхлипывающему от стыда, ржавую железную зажигалку, подобранную когда-то здесь же, в канаве.

– Ну можно тогда с вами просто так? – попросился Стасик.

– Нет! Тебя мамаша потеряет, а мне потом по шее получишь? Сказано вам – тут гулять, ну и гуляйте, мелкие.

Виталька, до этого просто слушавший разговор, решился вступить за Стасика. Дело, конечно, было совсем не в том, что он обижался, когда его называли мелким. Не обидным было даже лишнее напоминание о запрете выходить за пределы крохотного и неинтересного двора. Просто он, Виталька, был на целых два месяца старше Стасика, а значит, он должен был за него заступиться.

– Чего ты все время обзываешься? – сказал он Володьке.

– А я не обзываюсь, я правду говорю. Что вы, не мелкие, что ли?

– Малыши, – хихикнул Гришка, еще зимой строивший с ними крепости, но уже имеющий целую флотилию зажигалок.

– А я вообще гуляю где хочу! – воскликнул Стасик. Это было правдой: бабушки у Стасика не было, отец работал допоздна, а мама возилась с младшим сынишкой, зимой появившимся на свет. Подумав, Стасик добавил: – И делаю что хочу!

– А ты можешь эту канаву перепрыгнуть? – лукаво спросил Володька. – А ты?

Стасик замялся. Виталька с тоской взглянул на окно: вдруг там появится бабушка, покричит немножечко, заставит вернуться к подъезду или вовсе домой кушать позовет?.. Нет, бабушка не показывалась. Было ясно: надо прыгать.

– Я могу, – сказал Виталька и услышал то, чего и следовало ожидать.

– Ну, давай, прыгай, – сказал Володька.

– Прыгай, прыгай! – поддакнул Гришка.

Виталька закивал, подошел к краю канавы. Только теперь он понял, насколько она на самом деле огромна. Но... перепрыгнуть ее было можно. По крайней мере, летом, когда воды было совсем чуть-чуть, Виталька допрыгивал до того места, куда наметил прыгнуть теперь.

Он деловито обтопал сопки с жухлой травой, отошел, красивым жестом отодвигая остальных ребят – освобождая место для разбега – и, в последний раз взглянув на заветное окно, кинулся на канаву.

Кажется, он увидел бабушку в окне все-таки до того, как подошва ботинка, достигшая противоположенного берега канавы, не удержалась на мокрой земле и поехала вниз.

Виталька очень удивился, когда упал в воду и не почувствовал ее мокроты. Стало просто холодно, да и то не очень. Он сидел на дне канавы, а мимо него пронесло течением яичную скорлупку с флажком из спички и липкой ленты, приклеенным на жвачку. Кто-то тоже пустил кораблики.

– Давай руку! – крикнул Володька, тут же перепрыгнувший за ним. Но к канаве уже бежала бабушка.

Виталька не успел заметить, как оказался раздетым и под одеялом на бабушкином диване. Неожиданно откуда-то взялся папа. Через стенку было слышно, как он разговаривает с мамой по телефону:

– Да! Представляешь, звонит мне и на весь отдел кричит, что ребенок утонул. Мне за корвалолом побежали, а я за руль – и сюда... Да! Хорошо, что она тебе не позвонила... Да нет, нормально все, не вымок даже толком. Да не заболит он!..

Папа говорил с мамой долго, потом пил чай. Бабушка, сидя в комнате у окна, плакала. Витальке очень хотелось подойти, обнять ее за большие колени, даже не просить прощения – а просто так... Но вылезать из-под одеяла было нельзя. За это можно было схлопотать страшного – хворостины.

Ковыляй потихонечку

Задумали парни девок проверять. Ну а что? Три месяца уже отслужили, обвыклись, заскучали. А каждого же невеста ждет, пишет – люблю, не могу, скучаю... Дело молодое. А парни-то еще и друг перед другом выделяются – у меня, мол, такая, а у меня лучше. Ну, вот и стали выяснять, чья лучше, чья больше любит.

Кто как поступил. Кто приятеля, оставшегося на гражданке, подговорил к невесте клинья подбить, кто подружкам ее стал писать – доложите, мол, обстановку. А кто посмелее да понахальнее, решили проверку по полной программе устроить. Песня была такая в то время: девушка парня в армию провожала, говорила, что любит, обещала ждать. Он ушел, а через год (тогда два года служили) пишет ей – мол, перебило ноги, обожгло лицо, если любишь – приезжай, забери меня. Но девушка отвечает, что любви больше нет, извини, мол, ковыляй потихонечку, проживешь как-нибудь. А потом парень возвращается из армии живой, здоровый, на обеих ногах. И когда девушка выбегает ему навстречу, якобы любовь вернулась, он ее отталкивает с теми же словами – ковыляй, мол, потихонечку... Вот. Ну и написал один своей невесте: «Милая моя, здравствуй, я с турника упал, ниже пояса парализованный теперь. Родителям писать боюсь, вдруг мать кондрашка хватит, поэтому пишу тебе. Ты им ничего не говори, а приезжай сама, забери меня. Я тебя люблю, мы с тобой свадебку сыграем и будем жить-поживать. Жду, твой Коля». Написал, может, и не такими словами, но по смыслу так. Получает невеста это его письмо (ее Настей звали), и нет чтобы в часть позвонить, спросить, что да как. Телефоны-то тогда уже были, только не у всех. В сельсовете вон телефон был, попросила бы – дали б. Но она как письмо прочитала, так и побежала на поезд, в чем была. Не взяла с собой почти ничего и не сказала никому, не успела. Мать-то у нее на ферме работала, приходила поздно. Вот приходит она домой, а дочки нет, одна записка: удрала, мол, к своему нареченному срочно, вернусь – все объясню, пока. Ну, мать повздыхала и стала ждать. Что еще делать-то?

Приезжает, значит, эта Настя в часть. Ехать недолго было, сутки на поезде, но с поезда еще полдня автобусом вышло. Приехала, в общем. Ломится через проходную: где тут мой миленочек, что с ним случилось?.. Дежурный вызывает старшего. А тот, видимо, к таким делам уже привычный, связался с кем надо. Тут все и выяснилось.

Дали им свиданку, хотя не полагалось. Оставили одних. Колька обнимать, целовать полез – мол, какая ты у меня хорошая, верная, любишь

меня. А она... не дала. Вообще – хотя до армии у них все уже было. Отсидела с ним время свидания, ни жива ни мертва, не говорила ничего, зажималась только. А потом уехала. Те, кто видел ее, говорили: «Хорошая у тебя, Колька, невеста. А ты дурак». Поняли что-то.

Поехала она обратно: сперва на автобусе, потом на поезде. А с поезда ее сняли и в больницу отправили, так что вернулась она домой только через неделю – исхудавшая, осунувшаяся и молчаливая, словно побил кто. Сама никому ничего не сказала, разве что матери, но та тоже никому ни слова. Но нашлись добрые люди – у кого там сестра, тут свекровь, здесь сноха – и всплыло, куда и зачем эта девка ездила, и что потом случилось. Беременная она была, как раз три месяца уже, да от таких переживаний скинула. В деревне ее жалели, но не очень. Ну, сколько ей тогда было? Лет семнадцать?.. Молодая, оправится.

Потом Колька из армии вернулся. Гуляли всей улицей. Дня через три отошел, лицо вымыл, волосы пригладил. Опрокинул стопарик для храбрости и пошел к невесте. Вошел на крыльцо, а мать его дальше не пускает. Стоит руки в боки. Он и звать Настьку пробовал, и напирал на упрямую старуху – без толку. Невеста к нему так и не вышла. А мать все одно твердит: «Пошел прочь, нечего тебе тут делать, нет тут ничего твоего». Колька ломился-ломился, да и бросил. Обложил старуху словами, какие вспомнил, плюнул и пошел восвояси. И в тот же день продолжил гулянку. Батька Кольки потом, говорят, тоже ходил – за сына извиняться. Но и с ним разговор был короткий.

Недели через две Колька женился. Все думали, что они так, поволохаются и разойдутся, но баба оказалась крепкая, бывалая, быстро его в оборот взяла. Сжились, деток завели. Сначала она двух пацанов-погодок родила, потом девочку еще. До сих пор вместе живут. Колька шоферит на самосвале, но пьет как черт. Говорят, как пришел из армии, так и не просыхает, вся жизнь в чаду. А Настасья техникум окончила, вернулась и работает в библиотеке. Сидит там целыми днями – что сидит? Никто ж туда не ходит. Но зарплату ей платят какую-то. А вообще, дикая она с тех пор, ни с кем словом лишним не перемолвится, от мужиков так вообще шарается. Живет с матерью – та старая уже совсем стала, видит плохо, ходит еле-еле. Но если кто в дом сунется, она быстро подскочит к порогу, встанет руки в боки – не пуцу, мол. Нечего вам тут делать. Нет тут ничего вашего.

Рецидивист

Зачем я это сделал? Сделал и сделал, какая разница...

Ну да, не первый раз. Я уже делал так раньше. Это было давно, лет десять назад. Я тогда жил с одной женщиной, у нас был свой дом. Меня любили – насколько могут любить таких, как я, а любят нас всегда не так, как настоящих мужчин. Иногда больше, иногда меньше, но всегда не так. Меня, впрочем, все устраивало. Но быть довольным своей жизнью и радоваться ей – не одно и то же.

Тогда я и сделал это первый раз. Не то чтобы я рассчитывал на нечто особенное. Я просто хотел, чтобы моя жизнь изменилась. И это сработало.

Изменилось все. Появилась другая женщина, полюбившая меня бесконечно и преданно. Она была так счастлива, что мы встретились. Она была очень ласкова со мной, уделяла мне много времени. Мы стали жить вме-

сте в другом доме – побольше и повыше. Мы спали в одной постели, хотя я и не всегда этого хотел. Потом у нас появились дети. Еды было всегда вдоволь, а если я проголодался в неурочное время или мне просто хотелось напомнить о том, что мне нужны внимание и забота, я всегда мог попросить еще. У меня даже завелся друг. Он жил поблизости. Правда, виделись мы редко, а потом и вовсе перестали общаться.

Но в последнее время моя жизнь стала закисать, как недопитое молоко в миске. Я все время был дома, никуда не выходил, даже в тамбур или на лестничную площадку. Чаще всего я был дома один. Заняться было нечем, разве что есть оставленную для меня еду, бестолково бродить по комнатам или спать. Когда возвращалась моя женщина, возвращались и дети, и начинался шум, гам, хаос. От всего этого хотелось спрятаться куда-нибудь, переждать. Пока все не успокоится. Наедине же мы оставались редко. Все это угнетало меня. В последнее время даже еда, кажется, стала не такой вкусной, как раньше. И тогда я решил сделать это еще раз.

Решение далось мне нелегко. Все-таки я любил свою женщину, и она по-прежнему любила меня. Но у меня в запасе оставалось еще несколько жизней, и я решил попробовать. Выждав момент, когда она отвлеклась, я разбежался и прыгнул...

* * *

- Кот!.. – рыдала девушка в телефонную трубку. – Из окна!.. Выпрыгнул!..
- Жив? – ахнули на том конце.
- Да жив! Что ему делается-то, паразиту! Он и с третьего этажа падал, и с седьмого, и с десятого!
- Но тринадцатый все-таки...
- Да ему пофиг! Я окно на секундочку открыла проветрить, а он туда как сиганет! Он же никогда так не делал, всегда аккуратно на подоконник прыгал, а тут... а...
- Сейчас-то он где?
- Дома! Я его принесла. Лежит, смотрит на меня... Я когда вниз сбегала, он на газоне сидел. Крови нет, даже не сломал ничего, кажется. Только щеку прикусил. Сейчас соберусь, в ветеринарку поедем, пусть врачи посмотрят...

* * *

Я лежал на нашей кровати и наблюдал, как моя женщина, прижимая плечом к уху телефонную трубку, ищет, что бы надеть. Выбежала-то она за мной в одном халате. Сейчас соберется и повезет меня куда-то... А потом мы вернемся домой.

Значит, я проживу с этой женщиной еще одну жизнь?

Эх... Ничего не изменится.

Но, с другой стороны, почему бы и нет? Она ведь меня любит.

Старая лоза

От станции до дач было минут сорок ходьбы – не самая высокая плата за то, чтобы потом наслаждаться щебетом птиц и чистой речной водой вда-

леке от железнодорожного грохота и пыли. Но бывали дни – как, например, сегодня – когда думалось: уж лучше бы бабушкин домик стоял прямо на путях. Сегодня я вез из города две тяжелые сумки с продуктами. А еще на небе висело крохотное, сизое, словно голубь, облачко.

Стоило мне перейти путевую лесополосу и зашагать по дороге краем поля, поднимая в воздух теплую пыль, это облачко выползло из-за пригорка и, словно задумавшись, остановилось там ненадолго. Время приближалось к полудню, солнце пекло, его жар ощущался особенно сильно, потому что ветер почти стих. Я шагал между полем и тощенькой ореховой рощицей, за которой долго тянулся пологий берег, а уж потом плескалась река. А облачко тем временем, видимо, на что-то решившись, исчезло, словно юркнуло обратно за пригорок. Разведка – подумалось мне. И точно: в считанные минуты затихли птицы в роще, замолкли насекомые в траве. Солнечный свет как будто померк, и стало странно, как при таком тусклом солнце воздух может быть таким горячим – неужели сама земля дышала жаром? Но вот по орешнику пронесся порыв ветра. Резко вывернувшись, он бросился на дорогу, поднял сухую пыль, понес ее в поле и там нырнул в траву, затаился, затих. Еле-еле оторвав разбухшее брюхо от пригорка, на поле навалилась косматая синяя туча.

Началась гроза.

К этому времени я уже стоял в роще, надежно запрятав сумки да и сам спрятавшись под знатным черемуховым кустом. Туча шла низко, моментально сделалось темно, и в этой темноте капли о широкие листья ударились как будто бы с более гулким стуком. Поле металось под водными плетями, грохотал гром, то тут, то там сияла ветвистая, раскидистая молния.

И вдруг в черно-желтом свете, на секунду озарившим пейзаж, я заметил дерево на самой вершине пригорка. Я видел его много раз и прежде: это была старая, тщедушная лоза, целыми днями дремавшая, словно старуха, разомлевшая на солнце. Редкие листья ее были побиты тлей и липли друг к другу. Ствол был коряв, имел два дупла, а слишком длинные ветви гнулись под собственным весом и таскались по земле. Но в этот день старая лоза предстала передо мной в новом свете – то был свет от молний.

Видимо, на пригорке бушевал ветер: я видел белесые волны травы, наталкивающиеся друг на друга. И посреди этих волн стояла лоза. Странно – подумалось мне. Дерево одиноко стоит на пригорке, а его до сих пор не сожгло молнией. Но тут же я заметил: нет, лоза не стояла: дерево металось вместе с ветром, ствол кренился и изворачивался, ветви взлетали вверх. И когда молния блеснула снова, мне вдруг показалось, что дерево тянет к ней свои тощие ветви, старается ухватить молнию сотнями тоненьких зеленых ладошек.

Дереву чудились в молнии протянутые к нему ветви другого дерева. И лоза, словно не догадываясь об опасности, которая подстерегала ее всякий раз во время грозы, продолжала расти на пригорке.

Летние грозы не длятся долго. Когда дождь стал стихать, я сломал несколько веток черемухи, прикрыл ими сумки и зашагал по дороге. Прибитая дождем пыль липла к обуви, но дышалось хорошо, чисто.

Быстро закончилось поле, я обогнул пригорок, и за ним показались дачные поселки. Я направился к ним. Обернувшись, я увидел, что лоза все еще не утихомирилась: тощие, обтрепанные ветром ветви покачивались, готовясь в любой момент снова раскрыть молнии объятья.

Владимир ПАЛАГИН

Молитва о мире

Я Богу молился ночью
и днём я молился, впрочем,
просил: помоги нам, Боже,
добрее немного стать,
заботливей, бескорыстней,
без всякой крамольной мысли,
чтоб правда не стала горше...
и были отец и мать.
Я Бога молил о малом:
измученный и усталый,
практически бестелесный,
взывал, как невинный Йов.
Я бога просил у Бога,
и было дано мне много
бессмысленных, бесполезных
моих же небрежных слов.
Я взял их и создал небо,
земли бесподобный слепок;
людей, пусть не каждый гений,
но точно почти уже,
без новой и старой боли,
живущей по злобной воле,
без страха и прегрешений,
без порчи души в душе.
И мир стал уютным домом,
для многих всю жизнь искомым.
В нём кротость и ярость слова
сошлись, бытие храня.
И люди мой мир объяли,
и было добро в начале,
и мирь как его основа...
И не было в нём меня.

Тишина

Покраснела рябина у дома,
журавли вновь подались на юг.
Тишина. В тишине невесомо
застывает прощальное слово,
отголосок минувших разлук.

Провожает мать старшего сына
на последнюю в мире войну.
Полыхает светило бессильно
среди туч, освещая настырно
безнадёжно-родную страну.

Время эхом звучит в поднебесье,
забирая в себя каждый звук,
и летят журавли над полесьем
без обычных своих криков-песен,
заходя беспричинно на круг.

Провожает мать среднего сына
на последнюю в мире войну,
замирает светило у тына,
багровеет кровавым алтыном,
принимая чужую вину.

Раздирает в лохмотья надежду
ветер – вестник декабрьских выюг.
Журавлей забирает, как прежде,
оставляя лишь память-одежду
и сердца чуть живой перестук.

Провожает мать младшего сына
на последнюю в мире войну,
небеса давят камнем могильным,
погребая собою рутинно,
оставляя одну тишину.

В тишине громче плач
журавлиный;
шёпот крыльев – сплетение рук.
Провожает мать сына за сыном,
и летят журавли белым клином,
в тишине улетают на юг.

Глубина

Средоточие тьмы во вселенных – зрочках твоих,
я тону в них, твою познаю глубину,
проплываем в ней мы – сотни нас не святых, нагих,
познающих друг друга, бесценных минут
не считая, считая лишь, сколько осталось до
мироздания нужно-ненужных вещей,
из которых потом мы, конечно, построим дом
и утонем в твоём каждодневном борще.
За рутинной рутинка – зыбучий трудов песок;
за мгновением миг, а за часом – внезапно год,
ты стареешь, как я, есть за нами такой грешок.
Числа календаря собирая в блокнот,
вспоминаем, как было, в обнимку едим, грустим
в доме собственном мы, как в тепличном плену.
Если можешь, меня, дурака, и себя прости!..
Отпусти Глубину.

Электрические сны

Нам снятся электрические сны
о прошлом, том, которое не сбылось,
о будущем, которого не будет;
возможности проснуться лишены,
не потому, что настоящее застыло,
а потому что потерялось в сути
последних – мира и вселенной – дней.
Нам лучше электрический морфей!

Нам лучше в бессловесной тишине
остаться, утонув в электрогрёзах,
в чернейшем из возможных океанов –
в себе; быть может, там, на самом дне,
есть та возможность, что ещё не поздно
использовать, проснуться и гортанно
издать свой крик, вдохнуть и выдохнуть – со дна!
Мир известить о новом цикле сна.

Сергей ИЛЬИЧЁВ

НАЧАЛО

Рассказ

Однажды позвали батюшку Илию на крестины. Деревушка та была чрезвычайно отдаленной, да и общественный транспорт в ту сторону не навевывался. А потому запрягли лошадь, да поутру и выехали.

Лишь к полудню добрались до переправы. За ней и храм на высоком берегу реки. Пока ждали паром, заметил священник вековой дуб, что стоял там же, а уж от возницы услышал и интересную историю...

Много лет тому назад в сей могучий дуб, который три мужика не могли охватить, аккурат в год свершения октябрьской революции, ударила молния...

После чего опаленное дерево с выжженным сердцем не смогло уже более укрывать в тени своих ветвей приходившую на купание детвору да домашних животных, отдохавших ранее в его тени после водопоя.

Местные люди быстро смирились с этой потерей, да и не до дуба было, когда сама жизнь под откос кувыркком пошла, когда брат на брата вилы поднял.

А потому крепкие семьи, словно лихом разрезанный каравай, распались на «красные» и «белые» ломти. Матери, слезами обливаясь, терялись от такой боли, так как обе половинки были равно и любы, и желанны. Однако же вернемся к нашей истории.

Чуть более года назад привез Иван Подбережников из города свою престарелую матушку Агриппину. Привез не иначе как умирать. Оно и понятно, в деревне хоронить дешевле...

Те, кто помоложе и еще ее помнили, в первое время приходили навещать... Но разговор как-то не складывался, а слушать сплетни у Агриппины не было ни желания, ни сил... А потому, не найдя в ее лице охочую до бабьих сплетен собеседницу, вскоре и ходить к ней все перестали...

Доктор сказал, что жить де старушке оставалось всего ничего...

Агриппина об этом и сама догадывалась, но уж больно ей до весны, а точнее, до Пасхи Христовой дотянуть хотелось.

Сын ждать не стал и по такому случаю уже и гроб заказал.

Старушка до весны дотянула и весь Великий Пост достойно соблюла.

И правда, в самый канун праздника Пасхи Агриппина пропала.

Не было ее ни в доме, ни в хлеву... Хватились-то лишь под вечер, когда сын вернулся с работы и не увидел накрытого праздничного стола.

Сообщили участковому... Тот, как на беду, еще с утра в районный центр выехал, и сегодня его уже не ждали.

Всю ночь, параллельно с тем как соседи разговлялись, в доме Агриппины обсуждали: куда и кому идти искать... Естественно, что немного выжили...

Кто-то высказал предположение:

– Уж не в церковь ли старая на Пасху ушла? С нее станется...

И действительно, соседи помнили, как еще в ночи поднималась она с кровати и шла пешком к утренней службе... Рассказывали, как придет, бывало, сядет, все отдышаться не может. Край платочка развяжет, а там два, а то и три рублика... ею сэкономленные... на свечечку для любимого Боженки...

Но, правда, тут же и засомневались, так как ближайшая, она же единственная и к тому же давно разрушенная церковь, была за пятнадцать километров, рядом с переправой.

Идея та, прямо скажем, вскоре забылась.

Пожалуй, здесь мы должны сделать одно уточнение. И сообщить, что та церковь, в которую Агриппину с самого раннего детства водили, в конце 30-х годов действительно была закрыта и изрядно порушена. А то, что уцелело, успело и конюшной прослужить, и складом, и даже приемным пунктом забойного мяса от сельчан.

Агриппина и в самом деле спешила в тот день к переправе.

А точнее говоря, к своему храму, а наипаче, к дубу... Ночь-то та была Пасхальная... И она на протяжении всего пути пела знакомый ей с детства праздничный канон.

А почему спешила именно к дубу, спросите вы меня?

Потому, что именно с ним была связана вся ее жизнь.

Судите сами: началось все с того, что однажды летом бабушка повела ее с собой в церковь, сказав, правда, всем, что они идут погулять. И вела ее туда с единственной и заветной целью – окрестить внучку в православной вере.

Немного не дойдя до храма, случилась настоящая беда, напугавшая и старушку, и малое дите: большая стая невесть откуда взявшихся больших черных птиц, громко крича, вихрем закружила вокруг них, словно бы пытаясь преградить им саму дорогу к беленькой, стоявшей на пригорке красавице церкви.

Вот тут-то впервые ветви дуба, словно в сказке, укрыли их от разбушевавшихся птиц, что подобно духам злобы поднебесной попытались напасть на юное чадо, уже посвященное Богу.

В тот памятный для нее день таинство крещения и совершилось.

И прежде чем отправиться домой, радостная и преображенная Агриппина потащила бабушку к тому самому дубу, что спас их от черных птиц, чтобы еще раз поблагодарить его...

И когда они по большим праздникам вновь и вновь спешили к храму, Агриппина каждый раз приветствовала своего защитника и покровителя, кланяясь ему в пояс.

Так прошло несколько лет. Родители уже смирились с тем, что каждый воскресный день их дочь вслед за бабкой спешила в храм. А когда церковь разрушили, то именно этот дуб стал для ее новым храмом. Она приходила уже к нему и под его ветвями, оставаясь никем не замеченной, продолжала разговаривать с Боженькой.

Когда началась война, Агриппине исполнилось 14 лет, и она стала помогать старику-инвалиду работать на пароме. И каждую свободную минутку, а их, поверьте, было очень мало, она спешила к дубу.

– Что ты в этой головешке нашла? – спрашивал ее старик, и сам ослепленный войной.

– С ним рядом тепло, – отвечала она.

И старик улыбался, понимая, о каком тепле говорила эта пигалица.

После войны к ним избу неожиданно пришел демобилизованный солдат, трижды раненный герой войны, живший на противоположной стороне реки.

Жена его, не дождавшись, закрутив с кем-то роман и оставив на руках снохи трехлетнего сынишку, ушла из дома...

И вот он пришел, чтобы сватать подросшую красавицу Агриппину. Теперь сорокалетний мужчина сидел в избе, ожидая ее ответа.

Все родные, что были в тот день за столом, не ведали, как им поступить, хорошо понимая, какая неподъемная ноша может лечь на плечи их единственной и любимой дочки.

А Агриппинушка из-за оставшегося дитяти, что без родной мамки осталось, дала согласие на этот, как вы понимаете, «неравный» брак.

Заплакали родители, не желали они такой доли для родной дочери. Да делать нечего, стали к свадьбе готовиться...

И в хлопотах, вроде бы, смирились, успокоились.

Расписались молодые, вся свадьба в доме жениха готовилась. Гости за столы уже сели... Лишь жениха ждали, что, вернувшись из сельсовета, прилег немного отдохнуть.

А тот как прилег, то более уже и не встал.

Вот так и стала молодая невеста, мужа даже не познавшая, вдовой, да еще и с чужим ребеночком на руках. Вот этот-то сынок и «искал» теперь пропавшую из дома мать.

Утром нового дня солнце, славя Пасху, играло так, что даже участковый Прохоров с удивлением всматривался в небо.

– Какой год за этим чудом наблюдаю, а все нарадоваться не могу, – вторил ему старик-паромщик, стоявший рядом.

И тут взгляд участкового заметил нечто под засохшим дубом.

– Паром что-ль кто ждет? – спросил он.

– Того не ведаю, – ответил тот. – Может, спит? Ты бы дошел, проверил... А то не ровен час...

И участковый, сойдя на берег, напрямик направился к дубу.

Подойдя ближе, он увидел стоявшую на коленях Агриппину.

– Христос Воскресе, мать! – сказал он.

– Воистину, сынок, Он ныне Воскресе!.. – тихо ответила старушка.

– Это хорошо, что ты цела и невредима, а то тут тебя уже разыскивать начали, – сказал участковый.

– А что меня искать? Домой иду... Вижу сама, что загостились я тут. Хотя и не чаяла, что в своей жизни сподоблюсь такую красоту видеть, – говорила она негромко. – Это надо же, чтобы столько Ангелов рядом со мною было...

Участковый огляделся по сторонам, думая, уж не заговаривается ли старушка, а потом поднял глаза к небу и вдруг отчетливо увидел молодую, распутившуюся зеленую листву на давно высохшем дереве.

«Не может быть, – подумал он, – ладно бы еще от молодого побега, а тут, вдруг, мертвое дерево – и в мгновение ока все зеленью листвы покрылось».

Но когда захотел он поделиться этой нечаянной радостью с Агриппиной, то понял, что старушка его уже не услышит.

И еще он заметил, как удивительно, буквально у него на глазах, преобразилось лицо усопшей... Не иначе, как отошла многолетняя усталость, мгновенно разгладились морщины, и старушка стала выглядеть уснувшей красавицей-царевной, скрытой сенью векового дуба и наконец-то дождавшейся своего часа и своего любимого Принца... Того, кому она с самого детства посвятила себя, и к кому Ангелы уже сопровождали ее милосердную, любящую и вечно юную душу.

Агрипшину похоронили под ее любимым дубом. И его зеленые ветви вновь накрыли уже, правда, могилку той, которая всю свою жизнь посвятила Господу и Богу нашему Иисусу Христу.

Весь православный люд из окрестных деревень собрался в тот день на берегу реки у столетнего дуба, чтобы попрощаться с Агрипшиной. И их взгляды невольно обращались и к стоявшему рядом и забытому ими, превращенному в склад храму.

И тогда старик-паромщик сказал так, что услышали все...

– Побаловались и будя... Теперь пора и о своих душах подумать. Завтра с рассвета приходите... Начнем всем миром наш храм восстанавливать.

И ведь восстановили-таки!

Любовь СТАРШИНОВА

Прелюдия

* * *

Тихая вязь акварели,
Матовый лик полотна.
В жизнь из другой параллели
Утром сочится весна.

Ходит стужа по старому дому,
По углам разгоняет боль.
Всё привычно здесь и знакомо,
Только душу изъела моль.

Спящие ивы, скамейки
Дождик помыл между дел.
Голуби ходят семейкой.
В церкви светлеет придел.

Вот и сердце уже устало
Отзываться на холод и снег.
Я любить себя перестала –
Постарела на целый век.

Долгие тени причалов
Словно в воде облака.
Лодка отчалит устало:
Снова затихнет река.

Все непройденные дороги
Замело пылью многих лет.
Унесли бы скорее ноги
От непрошенных в жизни бед.

Лучше не знаю прелюдий.
Схвачена истины нить.
Но просыпаются люди
И...

Отыскать бы за старой печкой
Счастье, сжавшееся в комок.
И зажечь у Николы свечку,
И расплакаться, чтоб помог.

начинают жить.

Псковская Солодѣжня

А там был бал! Дышали жарко печи,
Гулял по шумным залам маскарад.
Радушен был хозяин в этот вечер.
Лишь век назад... И – жизнь одну назад.

В Застенье, у тюремного острога,
Хранившая припасы и дары,
Седая Солодѣжня с верой в Бога
Несёт свой крест до нынешней поры.

Обрушено крыльцо. Ступени рваны.
«Вратарница» над входом не видна.
Растёт бурьян. Бродяги бьют стаканы
О пол кирпичный... Мрачен свод окна.

Но солнца луч заглянет на закате,
И вспомнится – привидится! – пустяк:
Мелькнёт в дверном проёме чьё-то платье,
Осколок жизни – белый известняк.

Слепнёво

*...Так случилось: заточенье
Стало родиной второю...
Анна Ахматова, 1915 год, Слепнёво*

Скрипнет в полночь половица –
Настежь двери!.. Никого.
Только – девица в темнице...
Стынет сердце...
Нет Его.
 Спит в своей кровати Лёва,
 Локон светится у лба...
 Ох, постылое Слепнёво,
 С мезонинами изба.
Закричит ночная птица,
Знак оставит на снегу.
Снова скрипнет половица,
Но уже – не побегу...
 Таёт свет свечи венчальной,
 Тени робки и тихи.
 В синей комнате печальной
 Вновь рождаются стихи.

* * *

Памяти поэта Анатолия Устьянцева

Если вдруг меня не станет,
Вы мои цветы полейте:
Им ещё на белом свете
Очень хочется расти...
 Если вдруг меня не станет,
 Покормите птиц зимою:
 Ведь они ещё не знают,
 Что напрасно ждут меня...
Если вдруг меня не станет,
Вы мои откройте книги:
Мне во тьме светлее будет
От белеющих страниц...
 Если вдруг меня не станет –
 Вы останьтесь!
 И собою
 Согревайте чьё-то сердце,
 Чью-то душу,
 Чей-то мир...

Сергей СТРУКОВ

С В Е Ч И

Вечерняя прохлада широкими потоками вливается в распахнутое настежь окно. Под окном стоит письменный стол; на столе листы исписанной порывистым почерком бумаги, чернильница, перо и подсвечник с двумя обгоревшими, уже красного цвета свечами...

За окном слышатся людские голоса, детский смех; вот кто-то пробежал и позвал по имени...

Загородный пейзаж, окружающий дом своим размашистым русским видом, расширяет грудь так, что хочется дышать глубоко и говорить громко...

В комнате нет никого, только листы исписанной бумаги на столе и подсвечник, выполненный в форме креста, с горельефом распятого на нем Спасителя и горящими свечами, отбрасывающими на стремительные строки рукописи тонкий свет дрожащего пламени...

Временами порывистый ветер врывается в окно и вздыбливает листы, шелестит и, наигравшись, вновь невесть куда пропадает...

Сгущающаяся темнота усиливает яркость свечей так, словно подступающий к ним мрак невидимой, чудесной силой раздувает огненные языки...

От этой причины пурпурное покрывало огня трепетным шелком расстилается вдоль истерзанных и зовущих строк письма: «...уже в который раз я был обязан твоей любви своим спасением... Одна монахиня, даже и не из печорских, – помнишь, когда мы вдвоем в прошлом году были во Пскове, – сказала мне в соборе, глубоко заглянув в глаза: «Свечи – они, чадо, как люди... Как люди: воск – есть тело, фитиль – душа, а пламя – дух, тот дух, которым люди пламенеют в своей любви к Богу... Свеча, чадо, словно человек...»

Вот тогда я и понял, что сгорел без остатка, и та любовь, которой мы любили друг друга, без фальши, без обмана, навсегда и до смерти, эта любовь сожгла наши тела и души, сожгла и само пламя-дух и стала преступлением, умертвившим Бога...

Ты, конечно же, осудишь меня и не простишь? Не простишь, во-первых, моего решения стать монахом и покориться той Любви, которая выше нашего самосознания, выше вообще всяческих человеческих сил... Во-вторых, не простишь себе предоставившейся после этого моего решения возможности равным счетом ничего не сделать для спасения искренних чувств, твоих и моих, так беспощадно расплавивших, сжегших наши судьбы...»

Закат уже почти погас, и ветер усилился. Потоки холодного воздуха стали врваться в комнату грубыми, неожиданными порывами и задувать трепетавшие испуганным пламенем свечи...

Горельеф распятого Христа резче очерчивался теперь в темноте комнаты, и свечи расплавленным воском своим стали быстрее заливать руки и увенчанную терновым венцом главу Спасителя. Горячий воск стекал как кровь на мужественное и спокойное лицо Христа, обливая темные железные плечи, грудь, прободенное ребро, ниспадая на пригвожденные к кресту стопы и безучастно врытый в голгофу череп Адама...

Плачущий, красный воск остывал и бугрился, наполняя густыми, бурными струями на бедра и голени Христа, на голые, обнаженно и сиротливо лежавшие камни лобной горы...

Дождь

В детстве на меня глубокое впечатление производил дождь... Но не сильный, когда от могучих ударов толстых капель пузырятся лужи или совсем невидимая водяная пелена неприятно освежает лицо, а когда тихо и однообразно стучат капли по листьям березы под нашим окном и с лёгким шуршанием ветер пронесётся по крыше и деревьям...

Такой тихий и трепетный, но заметный и волнующий воображение дождь мне всегда нравился. Я всегда прислушивался к его однообразной и такой мудрой симфонии. Шелест и цоканье под ударами капель листьев деревьев и пожухлой травы, шорох кустов под неравномерными напорами ветра – все вселяло в душу тайное представление о безмерном, космических масштабов одиночестве, которое ожидало вот тут, в этой земной жизни... Шум дождя располагал к философским размышлениям, и я мыслил о жизни...

Мыслил своим маленьким ничего не познавшим ещё умом. И жизнь, теперь распахнувшаяся передо мной, казалась невероятным сокровищем, казалась колоссальным кладом, свалившимся на меня неведь откуда!

Как я был счастлив тогда, когда одинокий дождь, где бы то ни было, достигал меня, разбрасывая в стороны людей, находившихся возле в эту минуту, заставляя их бежать и прятаться в укрытия, наверно, считавших непогоду самым ужасным жребием на земле, делал меня Одиноким!.. Как я тогда наслаждался своим Одиночеством! Как же я тогда любил дождь за то, что он венчал меня, хотя и на самое короткое время, царём Одиночества! Тогда душа моя оставалась один на один с Богом! Тогда-то и только тогда я начинал постигать суть своего земного существования! Тогда, отгороженный от всего мира водяной завесой, я осмысливал свое существование независимо от влияния присутствующих прежде рядом со мной лиц, то есть других людей, людей влиявших на меня – ребенка, желавших, чтобы я говорил как они, думал как они, производил на свет такие же поступки как они, исповедовал их идеологию, нрав и характер...

Дождь разделял меня с ними! Были ли то учителя в школе, отец и родные в доме, или товарищи по студенческим годам в военно-морском училище, курсанты и офицеры, матросы и командиры... Всех их отделял от меня, «как пастырь отделяет овец от козлов», дождь... Не спрашивая позволения, внезапно, ломая человеческую гордыню, всех нас разделял в одно мгновение Его величество Дождь... Херувим одиночества, притект философии, аскет желаний и учитель богословия, дождь брал меня за руку и вводил в неведомый и удивительный мир романтических странствий; странствий по безбрежному морю идей и впечатлений на уютном и достославном корабле мысли...

Виктор КОРОЛЁВ

Дыхание прошлого

1

Страж могучий – курган
Полон тайны веков,
Облачённый в туман
И шелом облаков.
Ясный месяц сияет
Обнажённым клинком:
Чей же прах охраняет
Страж сей бездну веков?

2

Я прилёт у кургана,
Приминая траву.
Как бы ни было странно.
Грезить стал наяву:
Мне раскрылась картина
Тех далёких времён:
Мчались в битву лавиной
Орды древних племён.
Конский топот и ржанье.
Звон мечей, посвист стрел,
Клича, хрипы, стенанья!
Тьма изрубленных тел...

3

И, о Боже, увидел
Я себя в том аду:
На коне полудиком
Мчался в первом ряду.
Я рычал диким зверем!
Руки сеяли смерть.
И душою не ведал:
Каково умереть?
Но вот кто-то умело –
Смерти жало метнул –
Так я боли изведал
И навеки уснул.

4

Но рассеялись грёзы
Я смотрю, словно пьян,
На внушительно грозный
И печальный курган.
Разум мой, как в тумане.
Ужас в сердце змей.
Словно в этом кургане
Прах покоится мой.

* * *

Обречённый на жизнь,
Я – росток, тот что тянется к небу.
И терновник, и злак
Перед мощью небес равны.
Жизни смысл – он не в том,
Чтобы дать всем вина или хлеба,
Мы живём для высот,
Что пока ещё нам не видны.
Обречённый на жизнь,
Обречён и на встречу со смертью.
Но умрём мы когда-то,
А живём в бесконечном сейчас,
И пускай каждый миг
Будет нам не рутиной, а честью,
И воскресшею песней, взлетевшей
над грубостью фраз.

Святая простота

Ты знаешь,
Нету в мире зла,
А только есть
Несовершенство.
И знаешь:
После света мгла –
Для глаз и разума
Блаженство.
Ты знаешь:
Нет плохих ролей,
А есть ничтожные актёры.
Шуты играют королей,
А короли подались в воры.
Ты знаешь –
Нет плохих людей,
Есть только люди, что несчастны.
Ведь все мы вышли из детей,
А дети как всегда прекрасны!

Пока святая простота
Ещё живёт на этом свете,
Есть шанс, что мир и красота
Воспрянет хоть через столетья!

Буря

Воронённый ствол ветлы,
На ветле сидят вороны.
Тучу – грозный сгусток мглы,
Навлекли вороны стоны.

...Ветер взвыл, ярься как зверь –
Бьют растрёпанные крылья.
Затрещав, сломалась ель –
Сила свергнута в бессилье...

Ель, стоявшая века,
Зажжена стрелой Перуна.
В сердце мечется строка,
И звучат Стрибожьи струны.

Лишь ветле всё нипочём,
Вороньё, как духи нави.
Жизнь и гибель бьют ключом,
Мир в бесславии и славе!

* * *

Во глубине твоих очей
Вся бездна звёздная ночей
И глубина морских пучин,
И зной огня, и колкость льдин.
Души твоей мне не понять –
На ней стихийных сил печать.
Там света знак со знаком тьмы,
Чтобы с ума сводить умы.
Любви божественный нектар
С дурманом сатанинских чар,
Несёт в себе и жизнь и смерть –
Вершишь, что не решался сметь!
О Боже, что я говорю,
Я весь иззяб и весь горю!
Я ослеплён и вижу свет,
Неся в себе и смысл, и бред!
Во глубине твоих очей –
Вся бездна звёздная ночей.
Пусть дьявол ими искусил,
Но Бог, простив, благословил...

Протоиерей Анатолий СИМОРА

Митрополит

Старинный белокаменный храм возвышался на берегу и отражался в прозрачной прибрежной воде большого озера, окруженного зеленым венком сосен и елей. К церкви примыкали утопающие в кронах лиственных деревьев – берез и тополей – дома туристического поселка. На этом приходе с удивительной и сказочной природой уже больше двадцати лет служил настоятелем отец Герман.

Каждое лето, особенно в такое знойное, как это, к нему часто навещали друзья. Даже правящий епископ на денек приезжал, чтобы отдохнуть в таком райском уголке. Но гостя, о котором отец Герман нежданно узнал, он еще не принимал. Ему по окончании богослужения позвонил владыка и сообщил, что к нему в обеденное время заедет митрополит Антоний – семидесятилетний, очень заслуженный иерарх Церкви. Настоятель не помнил, чтобы так когда-нибудь волновался. Он живого митрополита-то никогда не видел...

Когда к дому подъехал бежевый джип, у священника невольно задрожали коленки. Но, к удивлению пастыря, из машины вышел веселый, совсем обыкновенный седой старик в немного мятом светлом подряснике.

– Здравствуй, отченька, – сказал он как-то совсем по-отцовски и благословил отца Германа. – Ты извини, что мы с водителем к тебе как татары нагрянули, дорога уж больно тяжелая. Хотим немного передохнуть, да и подрясники не мешало бы простирнуть. Сегодня такая жара, что они за полчаса высохнут.

Настоятель, приходя в себя, пригласил гостей в дом, где его матушка Елена уже накрыла стол. Жена священника, пригласив митрополита и шофера отобедать, тут же простирнула два подрясника. Митрополит Антоний остался в мирской одежде. – Вот и замаскировался... – шутил он.

После обеда архиерей отказался идти в предложенную отцом Германом комнату с кондиционером, приготовленную для его отдыха.

– Да я уже передохнул в вашем гостеприимном доме, – благодарно молвил он. – Мне бы вашу древнюю церковь посмотреть, приложиться ко многим чудотворным иконам, о которых ваш владыка мне много рассказывал.

Настоятель уже собрался сопровождать архиерея в храм, как ему позвонила некая женщина и попросила причастить ее умирающую мать в далекой деревне. Узнав об этом, митрополит Антоний тут же сказал:

– Отченька, ты не переживай, я сам схожу. А ты не откладывай, дело очень серьезное. Езжай, дорогой, езжай...

Отец Герман взял у Его Высокопреосвященства благословение и отбыл по неотложным приходским делам. А архиерей как был в рубашке и брюках, так и отправился в церковь. Он переступил порог, перекрестился и поздоровался с восьмидесятилетней уборщицей Варварой. Та чистила подсвечник и, не отводя от незнакомца глаз, тоном полновластной хозяйки ответила:

– Здравствуйте, здравствуйте.

Митрополит Антоний направился в сторону алтаря. Когда он приблизился к амвону, Варвара его остановила.

– Мужчина! – громко позвала она. – Ты уже старый, седой весь, а правильно по церкви передвигаться не умеешь. Шагаешь там наискосок, а нужно – прямо... Горе мне с вами. Иди сюда... вернись, вернись обратно... Куда деваться, буду тебя учить.

Владыка, еле скрывая улыбку, смиренно исполнил повеление уборщицы и подошел к ней.

– Я вижу, – поучительно сказала она, – ты первый раз в храме. Вот так складывай пальцы...

Женщина подняла собранные вместе три пальца правой руки. И не дожидаясь, пока митрополит Антоний исполнит ее повеление, сама потянула к себе его руку, приговаривая:

– Вот так, вот так... Теперь давай... повторяй, повторяй за мной. Кладем сначала руку на чело, затем – на живот, потом – на правое, левое плечи и поклон... Хорошо, хорошо... получилось. Хотя не совсем идеально, но на первый раз пойдет... Надеюсь, не забудешь... А теперь следуй за мной... Постепенно... не спеша... а то побежал... Ой, как я устала вас, вот таких, постоянно учить. Но, видимо, мой крест такой.

Варвара подвела архиерея к центральному аналою.

– Здесь перекрестись и поцелуй икону. Вот так... А теперь идем дальше. Видишь, как я прохожу. Вот так и ты... не криво, а ровненько, ровненько...

Не давая митрополиту Антонию и рот открыт, уборщица указала в центр иконостаса и объяснила:

– Вот это царские врата. За ними алтарь. А в нем есть престол, где совершается Таинство причащения. Я вот бываю в воскресной школе... Убираю тихонько в ней, а заодно слушаю о Православии, поэтому и знаю много... Вот у вас там есть воскресная школа?

– Есть и школа, и гимназия есть, – молвил, не отводя глаз от женщины, владыка.

– Это хорошо, что есть... Ты тоже пойдешь в воскресную школу и поучись там. Тогда будешь знать, что такое алтарь, что такое... Ну ладно, это я еще и сама не выучила. Пошли дальше. Ты смотри, как я иду, так и сам ступай. Ну, как ты идешь?! Куда ты поворачиваешься? Через другое плечо нужно. Теперь здесь целуй. Наклони голову. Да не так. Ниже... ниже... Встань правее...

Варвара взяла незнакомца за руку и подтолкнула к иконе.

– Теперь к этому образу прикладывайся, – скомандовала она. – Мне еще три подсвечника чистить. А я с тобой тут вожусь. Ну все, я пошла, ты тут стой и молись. Только помни, что в храме находишься, а не в музее каком-нибудь. На амвон... вот на эту возвышенность не ходи. Тебе туда нельзя. Сюда поднимаются лишь по благословию батюшки. Ты меня понял?..

– Спасибо, усвоил, – добродушно заверил уборщицу митрополит Антоний.

Варвара подошла к ближайшему подсвечнику и стала его чистить. Но глаза ее бдительно следили за пришельцем. Архиерей досмотрел храм и собрался уходить. Ведь его впереди ждала еще долгая, утомительная дорога.

– Спиной к алтарю не поворачивайся, нельзя... – услышал владыка очередное замечание работницы храма.

Митрополит Антоний кое-как добрался до выхода.

– До свидания, спасибо вам за научение, добрая женщина, – сказал он и скрылся за тяжелой дверью.

– Да тебя учи не учи, все равно!.. – крикнула ему вслед Варвара и принялась нагонять упущенное.

Когда вернулся после совершения треб отец Герман, то сразу отправился закрывать храм. Там он встретил Варвару.

– Отец Герман, – еще с порога она обратилась к настоятелю. – И откуда это к нам приезжают такие невоцерковленные туристы. Вот сегодня зашел один и совершенно не знает, как вести себя в церкви. А ему уже лет семьдесят... белобородый старикан...

– Какой старик? – забеспокоился священник. – Во что он был одет?

– Белая рубашка, серые брюки...

Отец Герман почувствовал, как из-под его ног уходит твердый дубовый пол церкви.

– А... а что вы, Варвара, ему говорили?

И работница подробно поведала о происшедшем. Еле дослушав ее рассказ, и проговорив: «Я-я с ва-вами потом ра-разберусь», – священник поспешил из храма. Ему все воображалась картина, как правящий архиерей вызывает его на ковер... Опережая страшные предположения, настоятель вытянул из кармана оставленную митрополитом Антонием визитку и стал звонить Его Высокопреосвященству.

– А, отченька!.. – послышался радостный голос...

– Я, я... – начал отец Герман, намереваясь просить прощения за нерадивую уборщицу храма.

– Отченька, спасибо тебе, дорогой, за радушный прием, – перебил его владыка. – Спасибо милой матушке. А какую добрую женщину я встретил в твоём храме!..

В этот момент священник повернулся к церкви и перекрестился, а высокопоставленный представитель Церкви продолжал:

– Такая добрая прихожанка, все мне показала, подсказала, – митрополит Антоний не сдержался и захохотал. – Очень рад, что побывал у вас. Еще раз спасибо, что меня, грешного, приютили. Буду за вас молиться. И прошу твоих молитв, отченька.

Отец Герман никогда не думал, что будет целовать телефон, а тут взял и прижал его к губам...

Михаил ПЕТРОВ

КОЛКА САХАРА НА ДВОИХ

Рассказ

– Ну? И чего вы ждете? Какую холеру? – насмешливо говорит Мария, подбочениваясь и наклоняясь над полусонными сыновьями, видя, что к завтраку те даже не притронулись.

Завтрак, конечно, одно название: по яйцу, молоко да хлеб. Каши сварить опять не успела: коровы, куры, огород, работа. Но у других, Мария не слепая, и того не бывает.

– Вы будете есть?!.. Давайте ешьте и в школу!..

Сопят, выжидают сладенького, сама приучила. Знают: лежит в комодке, под ключом, белый холщевый мешочек. А в нем крепкий, как камень, ослепительно белый кусковой сахар-рафинад. Одно расстройство этот сахар. Уставились на клеенку – и сидят. На клеенке кубики нарисованы, рассматривают. Федьке кажется, что кубики вверх дном перевернуты, Андрею, – что кубики дном вовнутрь. Спорили и дрались даже, но каждый видит своё. Пялятся на кубики, зажмуривая то один глаз, то другой. Им кажется, что бокалы на столе начинают двигаться как живые.

– Это чё, опять заморгали как дурачки? Совсем уже? Или не совсем еще?! Ешьте, сказала, ничего больше не будет.

Живет Мария одна, сыновья у нее от разных мужей. Федька – вылитый бабка Горпина, худой, черный, горластый. Андрей от немца. Как все рыжие, особенный: левша и молчун, всегда готов дать сдачи. Так уж получилось: любила одного, а первенца, Андрея, рожала от другого. Ее жениха, Петра, из действительной забрали на Финскую. И не черкнул ни ей, ни матери об этом. Никому ни письма, ни весточки. А тут стал Марию обхаживать Фриц Кригер, шофер с немецкого края. Давно ее любит, будто бы. Возил в кабинке в клуб к немцам на танцы. Там гопса-польку отплясывали под аккордеон, аж пол стонал. Подружки предупреждали: держись до осени, может, еще Петро придет. Да дело молодое, горячее, весна торопила, акация цвела. И не устояла крепость, уломал Фриц. А осенью, даже не расписались еще, вернулся жених. Как в воду глядели подруги. Оказалось, после ранения три месяца лежал без сознания, потом лечился полгода. А Мария уже от Фрица беременна. У немцев здесь это первое дело: обрюхатить девку до свадьбы. И не знала Мария: то ли плакать, то ли смеяться...

Фриц как раз в отъезде был, в урман ездил, иначе быть бы драке или скандалу. А так обошлось тем, что Петро, расспросив обо всем Марию, выбросил шмотки Фрица на улицу, дверь на засов. И что в глубине души больше всего Марию задело, так это то, что честный немец, приехав к вечеру домой, даже не возразил Петру. Собрал вещи и назад, к матери. Мария пометалась душой, как птица в клетке, но ведь сердцу не прикажешь, любила Петра. Аборты тогда не разрешались, Петро поклялся дитя усыновить, Марию словом не попрекнуть. Утром повел брюхатую в сельсовет. С Фрицем она без росписи жила. Петро сына записал на свою фамилию,

Андреем назвал, хотя и тут не обошлось без смуты, ведь Фриц хотел назвать первенца Генрихом. Петро сказанул, как отрезал:

– Где ты бачила, шоб хохол був Хенрихом?

Еще кормила первенца грудью, как забеременела и от Петра. Радоваться бы: муж словом не упрекнул за прошлое, на руках ее, можно сказать, носил. Жить бы да жить, да началась война. Обоих тем же летом забрали – и с концами. Фриц в трудармии погиб, Петро под Ржевом. Вот и растит двух сыновей от разных мужей в саманной хатке под соломенной теплой крышей. Начал хатку Фриц, а достроил Петро перед самой войной: с новоселья ушел на призывной пункт.

Братья привязаны друг к другу. Переступив порог, каждый первым делом выкрикнет:

– Мам, а Андрюха дома? А Федька дома?

Но вместе мир их не берет. Недаром говорят: вместе тесно, а врозь скучно. Только Мария винит в этом бабок, кажется ей, они внуков друг на дружку настраивают. Пойдут в гости: Андрей к Хильде, Федька к Горпине, а там старые счеты, свои обиды. Бабка Хильда всегда вся в черном, как в трауре. На дворе ни соринки, в доме ни пылинки, обязательно с обидой вспомнит своего Фридриха, шепнет внуку, что отец хотел назвать его Генрихом, что не Петрович он, а Фридрихович. И не Петро бы, мол, да не Федька, жила бы сейчас Мария с ним в ее доме, работала бы она телятницей, растили бы они вместе Хайнриха, как втайне от матери звала она Андрея. А то ведь и неизвестно, кого она вырастит одна, без мужа. В хате даже полов нет. Немец давно полы настелил бы, досок достал. Украл бы, но настелил. На то и немец. Недаром говорят: «Работает как немец...» Хильда красит и мажет стены немецкого дома кистью и особой деревянной гладилкой, дом у нее под железной крышей, посреди комнаты стоит аккуратная прялка, сделанная Фрицем, на которой она прядет шерсть. Потом красит пряжу в разные цвета. Рукавицы и носки внуку вяжет пестрые, в разный рисунок, Федька дразнит: «Девчачьи!» – у него варежки одноцветные, серые.

У Горпины своё. Черная, худая, длинная и кривоногая, как ухват, обрадуется внуку, огладит своими костлявыми руками и, будто бы между прочим, спросит: «Не занимает тебя той фриц?» «Нет, бабушка!» – ответит Федька, но пожалуется, что Андрей опять двойку получил. Насыплет бабка Горпина внуку полные карманы семечек, гороху или сушеного буряка, варенцом угостит, да и нечаянно шепнет на прощание: «Фрицу тому не давай, зъишь сам...» Руки у Горпины цепкие, бесстрашные. Без раздумья ныряют они в черное ведро с помоями, разыскивают там на ощупь вареные картофелины, сжимая в ладонях мнут их, чтоб корова не подавилась, вытащив руку, с удовольствием показывает, как между узловатыми пальцами выдавливается размокший хлебный мякиш. Они разминают коровий и конский кизяк, смешивают с белой глиной, а потом с любовью обмазывают ей хату, грубку, глиняный пол, подоткнув подол и забравшись на крышу, оглаживают крышу, где к середине лета вырастает гриб печерица, шампиньон по-научному, за которым она пошлет Федьку с ведром, чтоб набрал на жарёху.

Мария уже и упрашивала старух прижать языки, и ребятам запрещала в гости ходить, не помогло. Кровь есть кровь...

Беда с малышами: уставились на клеенку, будто ее не слышат. Клеенка посерединке прорезана ножом, разошлась широкой щелью. Загляделись теперь на муху в черной, засаленной прорези. Вот почесала лапками голову, на голове бровки бурячного цвета, пузо противное, серое, жирное, как у опарыша. Опарыш и есть, только с головой, лапками и крыльями. Подбежала к кучке из крупинки соли и сахара, мелких крошек, стала копать в ней лапками, рыться хоботком. Тоже ищет сахарные. Вот нашла, схватила передними лапками, сует в рот, хоботком подталкивает. Крупинка не лезет в рот, выпала на стол, муха за другую. Эта влезла. Андрей подумал прихлопнуть ее, как она тут же взлетела. Умные. Если смотришь просто так, муха сидит, а если захочешь убить, сразу улетает. Откуда знает, о чем ты думаешь? Откуда?..

Мария не раз заметывала прорезанную щель нитками – никакого проку, края лохматятся, дальше рвутся.

– Вы будете есть, или вам деньгами отдать? – начинает сдаваться Мария.

– Ма-а-а!.. – тихонечко, ягненком заблеял младший. – Ма-а-а... Ма-а-а!..

Этот хитрый, в отца, умеет к матери подъехать, ее без слов чует.

– Чего тебе? – на лице Марии смятение.

– Ма-а-а!.. Дай... Да-ай... Дай беленького такого!..

– Какого еще такого беленького? Говори, не выдуривай!..

– Беленького такого, забыл, как называется. Ма-а-а!.. Ну, дай!..

Ну, вспо-о-мни!..

Мать ставит перед Федькой солонку с солью.

– Этого, что ли? Вот тебе и беленькое...

– Не-е-ет! Бе-еленького сладенького! Ну, м-а-а!.. По маленькому кусочку... Бе-е!..

Андрей тоже начинает подблеивать: «А-а-а... А-а-а... Бе-е!.. Бе-е!..»

– Вот пока не вспомните, ничего не дам!

– Ну, ма-ам! Он забы-ыл! Он правда забы-ыл.

– А ты? Ты что, тоже забыл?..

– И я забы-ы-ыл!

– Ну раз оба забыли, пошли в школу, мне на работу пора!

– Нет, нет, нет, мамочка! Я вспомнил! На «са» начинается. Са-а-а!..

– Сало? Или сани? Может вам сажу из печки достать?

– Да нет, ма-а-ам. Из комода беленькое. Дай! Ну, пожалуйста, мам, – запросил и Андрей, вытянув губы обезьянкой. – М-а-а-ам, ну, по столу... Са-ха-ру!..

– Так бы и сказали! Вы же знаете, сахару три кусочка осталось. Придут гости – с чаем нечего на стол поставить!

Сахар в доме редкое лакомство. Хорошо хоть теперь в магазине появился, да денег дома не водится. Как-никак растит двоих одна.

Мария сдается, уходит в комнату. У братьев ушки на макушке, каждый шорох из комнаты ловят. Вот подошла к комоду, вот шарaborится ключом в замке, вот чем-то брякает, похоже, мешочек выложила. Синие глаза Федьки наливаются радостью, он победно барабанит по груди ладонями, корчит Андрею рожицы в знак победы, считая, что сахар выпросил он. Но ящик вновь задвигается, щелкает замок, а когда берет сахар, ящик оставляет открытым. Федька получает от Андрея щелбан за ложную радость. Томительные секунды ожидания. Мать снова шелестит бумажками и наконец-то открывает нужный ящик, вынимает заветный мешочек! Точно!

– А ну, умри, засыха! – замахивается Федька на Андрея. За дурной намек Андрей ответил бы в другой раз затрепиной, но сейчас не тот момент, чтобы качать права.

Мария запрещает обзывать, братья дразнятся исподтишка: фриц! хохол! Адольф! Бандера! Федька хитрее Андрея, научился дразниться беззвучно, шевеля губами, как немой: «Немец-перец, колбаса, жарена капуста, съел он кошку без хвоста и сказал нам: «Вкусно!» Мария не раз ловила Федьку за ухо: «Разве можно так? Он же брат!» А Федька: «А чё он меня бандеровцем дразнит!» Словом, беда с ними!..

Андрей с одушевлением нахлопал ладошками по груди «Хлеб, пшеница, соль, мука» и в момент, когда Федька утратил бдительность, ухватил его пальцами за нос, сделал дулю. У Федьки брызнули слезы, в другой раз он и завопил бы, да ответственность момента заставляет терпеть. Возня за столом не раз оставляла без сахара.

Воображение рисует заманчивые картины. Вот ее левая рука берет крепкий, в сахарной пудре кусок, правая – щипчики, чтобы откусывать тоненькие пластинки, похожие на леденцы. Работа нелегкая. Куски большие, а клюв у щипчиков маленький. Долго ищет место, куда вцепиться. «Крр-рах, крр-ррых!..» Если вцепиться не удастся, кусок сахара отправляется в мешок долеживать, ищется более уступчивый. Но и новый бывает не по зубам: соскальзывает, оставляя на синеватой поверхности жалкие белые царапины. Братья тогда тревожатся: не рассердилась бы, ведь ей пора на работу.

Если кусок совсем уж не давался, мать брала нож и пробовала расколоть неуступчивый кусок ножом, а уже потом мельчила щипчиками. Процедура опасная! Видя в руке ее острое лезвие, братья замирали. Другой рукой зажимался кусок сахара, а правая уже примеривалась к куску, намечая место удара. Потом рука с ножом резко взлетала над головой, и мать, как саблей, рубила кусок стальной ручкой, стараясь попасть точно в место, к которому примерялась. «Кр-рах!..»

Чаще всего с первого раза промахивалась. Рубила еще раз. И еще!

«Кр-рах!.. Кр-рах!..» Или отсекала кусочек. Отколок летел на стол, и везло, если на пол. Братья дружно ныряли под стол, если отколок оказывался совсем маленьким, он мог стать наградой за расторопность. Если же отлетал большой, под стол свешивалась и голова матери. Большой кусок возвращался на стол. Мать обдувала его и продолжала мельчить.

Но иногда стальная рукоятка попадала по руке. На пальцах, ладони тогда вспухала красная с синевой полоса. Лицо матери искажалось, приходилось откладывать сахар и нож, трясти кистью руки, будто играть на балалайке, дуть на ушиб, даже мочить руку под умывальником. Братья замирали от жалости и вины перед ней, свирепо пожирали друг друга глазами, каждый обвиняя другого в беде, ждали, когда боль стихнет и процедура продолжится.

Попадались куски настолько крепкие, что и белым днем из-под ручки ножа прыскали во все стороны красно-синие искры, а если дело шло к сумеркам, весь кусок, а с ним и материна ладонь, озарялись матово-синим сиянием. По каменной грани сахарного куска под щипчиками, светясь как в грозу, пробегала вдруг огнистая линия. Братья считали это чудом, встречали его восторженными криками: «Во! Огонь!.. Электричество!..»

Если крепкий кусок не давался и ножу, мать просила Федьку достать молоток. Молоток хранился с его стороны за табуреткой. Дело принимало совсем серьезный оборот. Лицо матери замыкалось, губы сжимались. Укутав молоток полотенцем, она расстилала мешочек на столе, клала на него обреченный кусок и ставила нож точно посередине. Затем, прицелившись, велела им отвернуться. Раньше позволяла смотреть. Однажды мелкая сахарная крошка отлетела Андрею в глаз. Большой беды не случилось, но глаз покраснел и заслезился. Теперь мать не замахивалась, пока они не отвернутся или не зажмурятся. Расколоть кусок с одного раза ей удавалось редко, чаще была два, три, четыре раза, прежде чем раздавался характерный звук, и кусок разлетался на два. С каждым новым ударом они все ниже нагибали голову, все сильнее жмурились. Когда же кусок разлетался, оба торопились поскорее открыть глаза, увидеть, что получилось.

Сахарные крошки улетали в неизвестном направлении. Найти их даже все излазившим братьям бывало не под силу. Однажды большой кусок залетел под умывальник, другой раз на шесток, его нашли зимой обгоревшим и оплавленным как метеорит. Думали, что это кусок глины. Улетали и на печь, и под мамину кровать, попадали в чугунок с картошкой, но чаще в неизвестность. Находили иногда перед Пасхой во время большой уборки уже грязными и несъедобными.

Мать выходит с мешочком, подозрительно всматриваясь в лица сыновей:

– Э, друзья, а куда щипчики подевались?

У братьев в глазах испуг. Яростно вперились друг в друга, не знают, что и сказать.

– Откуда мы знаем, мам? – говорит Федька, не выдержав долгой паузы.

– За сахаром лазили? Сознавайтесь!

Сахар под замком, ключ у нее. Щипчики где-то там, в мешке, или в другом месте, куда она сама же их и положила. Ни разу они не лазили! Ни разочка! Придирается!

– Да вон они, мам! – заглянув в мешочек, выкрикивает Андрей.

– А, черт! Смотрю на щипцы и не вижу! – сокрушается Мария.

Кусок разделился на два легко. Мать принимается мельчить его, складывая в две кучки. Братья ревниво сравнивают, кому сколько. Мария приучила, чтобы все поровну. Если найдет, что чья-то кучка на чуточку больше или меньше, отколет довесок и положит на меньшую кучку. Братья пользуются ее слабостью, блажат:

– А, а-а! А Федьке больше!..

Мария откусывает кусочек, кладет Андрею. Теперь недоволен Федька:

– А чё это? А почему Андрею больше? Я что, рыжий, что ли?!

И опять Мария добавляет тому, у кого меньше. И так, пока не дойдут:

– Ах вы ненасытные! Не хватало мне еще весы купить аптечные, сахар вам вешать... Я вам покажу, у кого больше, а у кого меньше. Хватит мне лапшу на уши вешать! Сейчас все сгребу и обратно в мешок, без сахару останетесь. Базар мне устроили!

Ссора мгновенно прекращается.

– Смотрите у меня: хохлы, немцы, фашисты, бандеровцы, черти полосатые! Я вас быстро на русских переделаю! Чтобы этой ерунды от вас не слышала. Отпущу я вас еще раз к вашим бабкам! Давайте-ка живо в школу! Мне на работу пора!

Улыбаясь широкой улыбкой, за которой видны белые, крепкие, здоровые зубы, она выпроваживает сыновей за калитку, долго смотрит им в спины. Весна. Цветет акация.

– Ну-ка, Андрей, возьми-ка братика за руку. Вот так, вот молодцы! – и она подмигивала кому-то невидимому. Кому, не знала. А про себя думала: «Ну вылитые отцы!..»

* * *

Когда в конце 1980-х годов всё сошло с круга, престарелая бабушка Хильда Кригер, собиравшаяся уже и умирать, вроде как ожила и даже помолодела. По воскресным дням, одевши черную юбку и черный траурный жакет, в котором ходила в баптистскую молельную, она стала ходить к внуку Андрею. Жил Андрей на русском конце Цветнополя в собственном шлакоблочном доме с женой и двумя детьми, работал бригадиром тракторной бригады. Как раз началось робкое переселение российских немцев в Германию, вот баба Хильда и взялась обрабатывать внука, склонять его к переезду на родину. Андрей смущался этих ее речей, говорил, что ему и здесь живется неплохо, но та стояла на своем, таскала ему в подтверждение своих речей даже какие-то газеты и журналы, где расписывалась хорошая жизнь в Германии.

– Какой из меня немец? Я и языка не знаю! – смущенно отбивался Андрей.

Но педантичная Хильда добилась, чтобы ее внук написал заявление в суд на установление отцовства Фридрихом. Состоялся суд. Хильда привела свидетелей совместной жизни ее сына Фрица с Марией, да и сама Мария отрицать ничего не стала: что было, то было, во всем призналась...

Андрея после суда как подменили, не только Федька заметил. Он как-то враз погрузнел, полюбил одеваться как немец в черное, купил яловые сапоги, говорить стал степенно, зачастил в молельный дом на собрания: сначала один, а потом и с женой Лидой и детьми.

Федьку эти перемены в нем из себя выводили.

– Ну, что, Андрей: «Айн, цвай, полицай, драй, фир, бригадир»? – встречал он брата у конторы на планерке или вечером у закуской одним и тем же вопросом.

Тихий, скромный Андрей смущенно отмалчивался. Но когда ему выдали паспорт на имя Генриха Фридриховича Кригера и он стал по этому имени получать зарплату в совхозной кассе, Федька напился, пришел к матери и кричал на всю хату: «А я говорил, что он фриц. Ты только погляди на него, вылитый фриц и есть!..» Мать на это с улыбкой отвечала: «Он фриц, а ты хохол, а оба вы русские, не ссорьтесь, ребята, вы – братья!..»

Хотя мать тоже заметила, что Андрей вместе с новым паспортом изменился, стал совсем похож на отца. Он даже порыжел, лицо его порозовело, все чаще его замечали в кругу немцев, пытаюсь не только понять их, но и говорить по-немецки. А Федька злословил, что и по-русски он говорит теперь с немецким акцентом: «Ах, ту-у!.. Ну, я-я!..»

А вскоре Андрей объявил матери, что подал документы на выезд вместе с немецкими семьями в Германию. Для Марии это решение было как снег на голову. А через короткое время, продав дом и взяв свою престарелую бабушку Хильду, он уехал «на родину». Потянулись за ним и другие семьи...

Федька провожать брата не поехал. Но долго возмущался: «Гад! Фриц! Родину бросил, мать свою оставил, развалил бригаду, мне в душу наплевал, совхоз предал!.. Недаром я тебя фрицем звал!.. А сколько фрица не корми, он все в свой Wald смотрит!»

На новом месте Андрею помогли построить кирпичный коттедж в двух уровнях где-то в пригороде Бонна, дали на зависть местным немцам хорошую работу в городском хозяйстве. Он купил машину, устроил девочек медсестрами в частную клинику. Звал к себе и мать. Мария съездила в гости, посмотрела. Жизнь там ей понравилась. Но жить той жизнью не захотела. Рассказывала бабам:

– Вот такой пластмассовый тазик вытасят на середку двора, газон у них называется, в нем насосик электрический. Нальют в таз ведро воды, включают в сеть моторчик, насос одну и ту же воду струйкой гоняет. Фонтан называется. Соберутся всей семьей вокруг этого тазика и радуются. Ни огорода, ни грядки, запрещено почему-то самим выращивать. А по субботам, как на праздник, садятся всей семьей и мусор по разным мешкам сортируют...

Когда кое-кто из русских немцев, не прижившись на новом месте, затосковал по Сибири и вернулся назад, Генрих жестокою тоску по родине выдержал, остался в Германии. Хотя и ему пришлось нелегко. Похоронил бабу Хильду. От тоски заболел тяжелой формой диабета, ехать с такой болезнью в Россию, где не лекарства, а сплошной контрафакт, писал он, все равно, что похоронить себя заживо.

К тому времени цветнопольский совхоз разорился. После отъезда немцев не стало хватать доярок, трактористов, хозяйство покатило вниз, перестали платить зарплату. А потом всю землю вокруг Цветнополя скупил какой-то москвич и засеял ее соей. Тут уж все покатило в тартарары. Народ разъехался на заработки в города, даже в Москву: кто в охрану, кто на нефтедобычу. Федька помучился, помучился, подумал, подумал, да и рванул в теплые края на Украину. Там, в Винницкой области, на родине отца, купил дом да и осел. Злые языки говорят, стал бандеровцем, работает вышибалой в немецком блиндаже, переделанном под ресторан под названием «Степан Бандера»...

А Мария доживает одна все в той же хатке, начатой Фрицем, а достроенной Петром. Сама она только саманную крышу в 1963 году на шиферную поменяла, да полы в 1985 году настелила. Ничего, живет, пенсию получает регулярно: на продукты и даже на мандарины хватает. Вот только бессонница бьет смертным боем. И давление, давление большое, никак сбить не может.

А в бессонные ночи грезится ей, как сахар сыновьям колет. Все жизнь им хотела подсластить. Делит ровнехонько на двоих. Долго делит и никак разделить не может: то тому меньше, то другому больше...

Нина СТРУЧКОВА

РОДИНА НАШЕГО СЧАСТЬЯ

Свою новую книгу писатель Анатолий Омельчук назвал «Родина твоего счастья». Не «моего», а «твоего», то есть каждого из тех, кто читает эту книгу. И если слово «счастье» вынесено в название, значит, это главная тема, главное содержание и смысл книги. Вот и задумаешься: а что оно означает лично для меня? А для Омельчука, так щедро решившего подарить это чувство, это ощущение, это состояние всем нам?

Для самого автора так вопрос не стоит. Он уже давно определился: «Человек сразу рождается счастливым. Его предназначение – не избыть это счастье в течение жизни». «Счастье – родиться в Сибири. И счастье жить в России. Родители тебе ещё имя не выбрали – а за тобой уже такой капитал счастья». «Счастливым человек притягивает удачу». «Счастье неизбежно: будь счастлив». Вот этим чувством и пропитана книга.

Устойчивое сочетание: необъятная Сибирь. И всё-таки Анатолию Омельчуку удалось её объять! Остались ли на планете Сибирь такие уголки, где не ступала его нога? Нам, жителям европейской части России, многие из этих уголков (вот это уголки – Сибирь занимает по площади самую большую часть России!) знакомы. Если мы там никогда не бывали, то хотя бы слышали о них, – легендарные Мангазея, Каракорум, Аркаим, Белуха. Но сколько их, малоизвестных или совсем не известных, названия которых и выговорить затруднительно (река Пайпудына, река Берчекай, село Тарабагатай), обошёл, объехал, облетел этот удивительный человек за свою жизнь! Послужной список его велик! Автор 60 книг прозы, поэзии, публицистики и эссеистики о любви Сибири и любви к Сибири. Создатель 500 (!) документальных телефильмов о Сибири и великих россиянах. Инициатор российских и межрегиональных телефестивалей. О чём? Конечно же, о ней – о Сибири. И мы благодаря ему узнаём о знаковых местах Сибири, о местах единственных в своём роде, о местах силы, как теперь принято говорить. Узнаём о её удивительных людях – сильных, бесстрашных, достойных. Я как неравнодушный, заинтересованный читатель могу откликаться только на то, что мне близко, интересно, что меня обогащает. Эта книга меня обогатила. И, да, заманила, хотя бы мысленно, в воображении, в огромное сакральное пространство, именуемое: Сибирь.

Вот небольшой городок Кяхта: «Самая южная точка российской Евразии. Место сосредоточения различных контрастов и гармоний: монгольская, бурятская, русская, европейская, китайская, татарская, казачья, семейская культура».

Мыс Уэллен, Чукотка: «Делит берег двух океанов – Северного Ледовитого и Великого Тихого. Граница миров. Арктика».

Аркаим: «Зачарованная страна». «Здесь, в Сибири, в начальной Сибири, здесь, на Аркаиме, Сибирь уготавливала человечеству ошеломительный шанс – иной путь развития. Земля сегодня могла бы нести – на своей орбите – иную человеческую цивилизацию, главное в которой куда ближе к природе, к человеческой природе». Но «человечество прошло мимо Аркаима».

Урочище Дириг-Юрях: «Это прародина родного человечества. Сибирская колыбель землян». О Дириг-Юряхе у писателя – буквально поэма, которая отдельными строчками проходит по всей книге.

Когда я читаю об этих и других фантастических местах Сибири, во мне просыпаются давно забытые чувства – из детства, из юности. Тогда ещё мы все читали хорошие книги, пели хорошие песни, и в нашем мире присутствовала романтика, тяга к неизведанному, мечта об открытиях и путешествиях. Но вот Анатолий Омельчук, столько в жизни повидавший и испытавший, оказывается, так и остался романтиком. Иначе просто невозможно с таким мальчишеским восторгом, так вдохновенно и неустанно писать о Сибири! Вот Киренск – городок на берегу великой Лены. Зарисовка. Одна страница! Но почему-то хочется бросить всё и оказаться за тысячи километров от родного дома – в Киренске!

Океаны, тундра, тайга, горы, острова и озёра... Вряд ли остались в Сибири места, где ещё не побывал неугомонный Омельчук. А он как будто объясняет: «Жизнь покажется явно обкраденной, если не помотришь на всё своими глазами». Но ведь ему мало посмотреть! Ему надо непременно что-то открыть – в человеке ли, в природе ли, найти любопытные факты. Сказать неизвестное о давно известном, незнакомое о давно знакомом. Например, знаете ли вы, что с первой женой Марией Исаевой Фёдор Михайлович Достоевский венчался в Кузнецке, в храме Одигитриевой Божией Матери? Знаете, что химик Дмитрий Иванович Менделеев математически вычислил: географический центр Российской Империи (не Российской Федерации!) находится именно в Сибири, неподалёку от «златокипящей» Мангазеи? Что Чехов Антон Павлович не только классик мировой литературы, но прежде всего отчаянный и отважный путешественник? А слышали вы что-нибудь о «секрете» хантыйского счастья? «Если не повезло родиться хантом – попробуй представить себя хантом. Открой в себе ханта. Хоть на минуточку, хоть на часок. Человеком Вселенной, для которого светит его личное солнце». Личное солнце – каково!

Пушкин погорячился, написав: «Мы ленивы и нелюбопытны». Ему простительны эти слова – он горевал о трагической гибели Грибоедова: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов». Писатель Анатолий Омельчук всей своей жизнью доказывает обратное: мы не ленивы и любопытны. Мало того, он как раз ищет следы замечательных людей разных времён, разных эпох – правителей и исторических деятелей, писателей и учёных, лётчиков и моряков, охотников и путешественников. Он обязательно открывает в них что-то новое – для себя и для нас.

Книга Омельчука густо населена. Это император Александр III, князь Матвей Гагарин, исследователь Сибири Герард Фридрих Миллер, о котором писатель Александр Панфилов сказал: «Таких преданных русских ещё поискать». Это учёный Менделеев, писатели Ершов, Пришвин, Достоевский, Шукшин. Это единственный адмирал-губернатор «всей Сибири» – Фёдор Иванович Соймонов. Или юная Параша Лупалова, добравшаяся из сибирской ссылки до столицы с целью оправдания своего отца, ссыльного полкового казначея. Или наш современник, «символ советского оптимизма», простой псковский мужик Глеб Васильевич Травин, совер-

шивший полярной зимой на велосипеде прогулку по льдам Северного Ледовитого океана.

А посмотрим в глубину истории – князь Александр Невский, князь Дмитрий Донской, Ермак, Чингисхан, хан Тохтамыш... Писатель и мудрец Анатолий Омельчук ни на какую историческую фигуру не смотрит с одного ракурса. Он вдумчиво исследует все мотивы поступков своих героев. «Любой выбор – не ошибка, но будущая судьба». О хождении великого князя Александра Невского в Каракорум, столицу Орды, у него собственное мнение. Это не временная слабость, а мужественная мудрость. «Князь Александр выбирает родину – будущую Россию; Россию трёх океанов, Россию трёх материков, Россию трёх тысячелетий». Желание уйти от хрестоматийных, школьно-канонических представлений о нашем прошлом, умудрено взглянуть на многовековую историю России, отдать должное народам, жившим на территории нынешней Сибири до появления там первых русских. «Что мне Тохтамыш? О чём мой Тохтамыш? Земля чужих не знает. У земли чужих нет. Все мы на этой земле – земляне. Если у нас земля общего прошлого, мы – земляки... И в таком случае, – делает вывод Омельчук, – мы должны относиться к людям как к своим родственникам, понимая и прощая их».

Да, Омельчук – остроумный и оригинальный писатель, утверждающий: «Мир – это филология, ибо сказано: в Начале было слово». Он обращает наше внимание на новые смыслы, казалось бы, заезженных терминов и понятий: «В отечественной скучноватой учётной статистике есть один прямо-таки роскошный термин – «на душу населения». Душа населения... Как звучит!»

Он – ас журналистики, готовый проверять любые невероятные версии и факты, рассматривать любые сомнительные и фантастические легенды. Многие журналисты в своих очерках пытаются «для объективности» показать именно нелицеприятные стороны нашей действительности. Но у Анатолия Омельчука на первом месте чистота и красота – природы ли, людей ли, помыслов ли, нашего ли общего прошлого. Он находит для описания прекрасной Сибири самые разнообразные, самые волнующие, самые восхитительные и яркие краски, иногда парадоксальные: «Бесчинство красоты».

Омельчук – исследователь и историк. Мы все, конечно, помним, что 1812 год – это Отечественная война России с Наполеоном. Но автор книги напоминает нам, что в 1812 году была основана русская фактория в Калифорнии. «Русский флаг над фортом реял 29 лет». Проданная Аляска. А почему у него болит об этом сердце? «Поскреби коренного жителя Аляски – обязательно наткнёшься на тоболяка. Ведь губернским городом у заморского владения тогда был прекрасный Тобольск!»

Он – философ. Сколько философских рассуждений, выводов, мудрых изречений – о чём или о ком бы он ни писал – рассеяно по всему полю книги! Если в отклике на книгу – любую книгу Омельчука – кого-то и хочется цитировать, то только самого Омельчука:

- Отвага мысли поважнее бесстрашия последующих поступков.
- Слава Богу, языку достало мудрости избежать точных слов, чтобы мы могли выразить невыразимое.
- Вера неопровержима.

– Первое творчество человека – вовсе не наскальные рисунки – а выбор места для жизни.

– Сибирь – всегда новый масштаб личности.

– Ты рождаешься частичкой Вселенной, а вселенским временем можешь наполнить себя сам.

– Человек – это не монолог, это диалог. Иногда – митинг.

Какие серьёзные размышления и какая игра ума! А ещё в книге представлены собственные, для себя составленные девять заповедей. Судя по книге, он так и живёт, по своим мудрым, жизнью выстраданным заповедям.

Ну и, конечно, что мне особенно дорого, Анатолий Омельчук – поэт. У него априори не может быть скучных очерков, интервью, репортажей, не может быть неинтересных книг художественной прозы, потому что он поэт. Хочется привести некоторые строчки из только что прочитанной книги о Сибири:

«Зря мы говорим: тьма веков. На самом деле: свет давних веков. В крайнем случае: волшебные сумерки».

«В Сибири, в Азии всё повенчано небом».

«Великая Степь. Дымка? Нет, солнечный туман – брат звёздного ветра – стоит над этим величественным покоем».

И для меня – самое восхитительное, эпическое:

«Я же пробовал и Тихий, и Атлантический, и даже Индийского прихватил у скалистых берегов арабского султаната Оман. Не коллекционирую океаны, но – пробую. На вкус. <...> Вкус Ледовитого – вкус нераскрывшейся и, может быть, застывающей, ещё не проснувшейся розы. Вкус зацветающей живой жизни. Целую... океан!»

По-видимому, в первую очередь надо обратиться к молодым: «Племя младое, незнакомое!» Хотите в совершенстве владеть русским языком, а не английским с репетитором? Хотите испытать острые ощущения, зарядиться адреналином не в смартфонных играх, а в живой природе роскошной Сибири? Хотите путешествовать по великой России с рюкзаком за спиной, а не по родительской путёвке в тёплые страны? Хотите пройти босиком по Полярному кругу? Целовать океаны? Тогда – читайте книги Анатолия Омельчука.

А Вам, счастливый Омельчук, «азиат в первом поколении», – новых путешествий, духовных странствий, новых творений и открытий. Ангела-хранителя в дорогу!

Коротко об авторах

БАШМАКОВ Николай Борисович. Родился в 1949 году в Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище в 1972 г., Московскую военно-инженерную академию в 1982 г.

Военный инженер. Во время прохождения службы награждён орденом «За службу родине в ВС СССР» III степени, медалью правительства Польской Народной Республики, медалями «За безупречную службу».

В 42 года по состоянию здоровья уволен из Вооружённых сил в звании полковника. После выхода в отставку всерьёз увлёкся литературной деятельностью. Награждён орденом Достоевского II степени. Прозаик, публицист. Член Союза писателей России.

Автор восьми книг прозы. Публикуется в российских и белорусских журналах и на интернет-сайтах.

БОРОВСКИЙ Сергей Брониславович. Родился в 1959 году в древнем городе Торопце Тверской области. После службы в рядах Советской армии работал на авиационном заводе в Киеве, потом жил и работал в Москве. Окончил Московский строительный техникум МО СССР. Основная специальность – техник-строитель. Стихи пишет более двадцати лет. Дипломант Международного литературного конкурса имени Петра Ершова. Победитель конкурса им. И.М. Ермакова. Живёт в Казанском районе Тюменской области.

БОЧКАРЁВА Мария Викторовна. Родилась 24 января 1984 года в г. Нижневартовске. В Тюмень переехала в 2005 году. Работает психологом, ведёт группы психологической поддержки. Пишет стихи с детства, публиковалась в региональном сборнике юных поэтов «Маленькая муза» и в городской газете «Местное время», также в литературном-художественном сборнике «Слово о Тюмени», литературно-художественном альманахе «Гиперборей». Член региональной организации «Тюменское областное отделение Союза российских писателей».

БЕЦКО Анжела Михайловна. Родилась в Минске (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Более четверти века живет в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Автор трех поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Наш современник», «Неман», «Врата Сибири», «Сибирские огни», «День и ночь», «Второй Петербург», «Литературный Иерусалим», «Парус», «Огни Кузбасса» и др. Живет в городе Нефтеюганске.

БОРОДКИНА (Якимцева) Наталья Михайловна. Родилась в семье колхозников. В 1986 году окончила Новосибирский институт советской кооперативной торговли по специальности «Технология и организация общественного питания». Практически вся трудовая деятельность была связана со сферой торговли и общественного питания. Работала

мастером производственного обучения, заместителем директора лицея, ведущим специалистом администрации г. Ялуторовска, директором комбината школьного питания. В Сибири живёт с 20-ти лет. Окончила Санкт-Петербургскую академию психологии, предпринимательства и менеджмента по специальности «Психология». Стихи писала с детства, но более серьезное творчество проявилось к сорока годам. Дипломант Филофеевской литературной премии (2022). Дипломант Всероссийского конкурса «Книга года – 2023» в номинации «Поэтическая книга». Член Союза писателей России. Живёт в Ялуторовске.

ГРОМОВА Полина Сергеевна. Родилась в Твери. Окончила филологический факультет Тверского государственного университета, аспирантуру, магистратуру по направлению «Издательское дело». Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета.

Поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей России. Основатель и руководитель студии литературного мастерства «Вербалис». Автор пяти книг, монографии «Граф Краснорогский. История и мистика в творчестве А.К. Толстого», ряда учебно-методических пособий.

ДИНИСЛАМОВА Светлана Селивёрстовна. Родилась в посёлке Сосьва Берёзовского района Тюменской области. Окончила Ханты-Мансийское медицинское училище (1979); Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (2002), аспирантуру.

Является автором более 120 научных публикаций, 2 монографий.

Работы переведены на эстонский, венгерский, французский, марийский, коми, русский языки. Занимается переводческой деятельностью, графикой. Работает ведущим научным сотрудником Обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Кандидат филологических наук. Главный редактор журнала «Витсам». Член Союза писателей России. Живёт в г. Ханты-Мансийске.

ДРОБИНИН Андрей Владимирович. Родился в 1961 году в г. Лабитнанги Тюменской области. После службы в Вооруженных силах СССР работал токарем на производстве. Принимал участие в строительстве газопровода Уренгой-Помары-Ужгород.

Профессиональный юрист. Окончил судебно-прокурорский факультет Свердловского юридического института имени Р.А. Руденко. 20 лет работал в органах прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа.

ЕРМОЛАЕВ Валерий Николаевич. Родился в 1947 году в г. Тавде. Поэт, литератор, краевед. Окончил школу рабочей молодежи № 2, работал на фанерном комбинате (1964–1966). В 1966–1969 годах служил в армии. Окончил искусствоведческий факультет Санкт-Петербургской академии художеств. Работал в учреждениях культуры и образования, в органах горисполкома (1978–1983) и администрации города (1991–1995), заместителем главы администрации города Тавды (1995–1996). Руководил городским литобъединением «Слово» (1993–1996). В 2002–2008 годах – учредитель и главный редактор журнала «Веси» (Екатеринбург).

Автор более десяти книг, ряда поэтических, искусствоведческих и краеведческих публикаций в уральской периодике. Лауреат литературной премии «Венец» Союза писателей Москвы (2007) и литературной премии им. Л.К. Татьяничевой (2018). Почетный гражданин города Тавды (2003), член Союза писателей России и Союза журналистов России.

ЗУЕВА Тамара Трофимовна. Родилась в Белогорске Амурской области. Окончила франко-немецкое отделение факультета иностранных языков Благовещенского педагогического института имени М.И. Калинина. Работала учителем, а в 2001 году переехала в Нижневартовск. Преподавала иностранный язык и право в Нижневартовском строительном колледже по 2012 год.

Автор сборников стихов и прозы «Наступит с Благовестом утро», «О чём молчат дожди», «Вечерние колокола», «Над тобой и надо мной те же звёзды» (2016), сборника новелл в стихах «Загадка Агана» (2016), поэм «Тайны Байкала или загадки Байгала далая» (2015), «Оплот любви Югорской Мыг» (2015), «Хвала дождю», двух поэм-посвящений Маргарите Анисимовой «Сибирская жемчужина».

Живет в Нижневартовске.

ИВАНОВ Леонид Кириллович. Член Союза журналистов РФ, член Союза писателей России, автор более двадцати книг, лауреат Международных и Всероссийских литературных премий, член Правления Союза писателей России. Ведёт на Первом интернет-ТВ авторский проект «Литературные встречи», в котором в прямом эфире приняли участие более 200 писателей России.

ИЛЬИЧЁВ Сергей Ильич. Родился в 1951 году. Окончил Московский государственный институт культуры (кафедра фотоискусства и киномастерства). Свою первую повесть «Быть в ладу с совестью» написал в 2002 году, а уже в 2011 за детскую повесть «О чем поведал попугай» получил Международную литературную премию имени П.П. Ершова.

Автор более двадцати книг в московских издательствах «Проспект» и «Вече». В последние годы писатель живет и работает в Вышнем Волочке Тверской области. В основе практически всех его произведений лежат темы нравственности и духовности. Член Союза писателей России с 2011 года.

КОРОЛЁВ Виктор Александрович. Родился в д. Рыжково Бельского района Тверской области. Окончил Бельское ПТУ. После службы в Московском военном округе работал лесником, готовился к поступлению на филологический факультет. Из-за тяжелой производственной травмы позвоночника пришлось учиться дома самостоятельно. Поэт, бард. Автор 7 поэтических сборников. Дипломант и лауреат региональных конкурсов авторской песни.

КРЮКОВА Елена Николаевна. Родилась в Самаре. Прозаик, поэт. Член Союза писателей России. Окончила Московскую консерваторию и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг стихов и прозы: «Колокол», «Купол», «Сотворение мира», «Зеркало», «Ледоход», «Океан»,

«Колизей», «Реквием», «Знак огня»; романы: «Юродивая», «Царские врата», «Пистолет», «Врата смерти», «Ярмарка», *Día de los muertos*, «Тибетское Евангелие», «Русский Париж», «Старые фотографии», «Беллона», «Рай», «Безумие», «Солдат и Царь», «Евразия», «Побег», «Земля», книга рассказов «Поклонение Луне» и другие. Живет в Нижнем Новгороде.

ЛОСЕВА Наталья Вениаминовна. Родилась в Краснодарском крае, г. Тихорецк. Окончила Ростовский-на-Дону машиностроительный институт и Тверской государственный университет. Кандидат филологических наук. Доцент Тверского государственного университета, тьютор специальности «Литературное творчество».

Член Союза писателей России с 2001 года, секретарь Тверского отделения Союза писателей России. Автор 8 книг. Публиковалась в «Литературной газете», «Нашем современнике», «Юности», «Московском вестнике», «Литературных знакомствах» и др. литературных изданиях. Лауреат премии губернатора Тверской области.

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович. Родился в 1945 году в с. Дзыговка Ямпольского района Винницкой области Украинской ССР. Окончил Черновицкий индустриальный техникум и Литературный институт имени А.М. Горького. Работал в Госкомиздате РСФСР, литературной консультации правления СП СССР, Министерстве печати РФ. Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь» и других. Автор более десятка книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Лауреат премии губернатора ХМАО-Югры. Член Союза писателей России. Долгие годы проживал в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В настоящее время живет в Московской области.

ЛУЧНЕВА Елена Ольгердовна. Окончила факультет прикладной математики и кибернетики, экономический факультет ТвГУ. Работала научным сотрудником, избиралась народным депутатом г. Твери, возглавляла службу управления персоналом. Несколько лет была главным редактором и автором корпоративных изданий, соредактором литературно-исторического журнала «Отечество». Окончила курсы литературного мастерства Литературного института им. А.М. Горького, член Союза писателей России. Автор четырех книг стихотворений, многочисленных публикаций в литературных журналах, газетах, поэтических сборниках.

МАНАЕВА Галина Петровна. Публицист, литературовед. Член Союза журналистов России. Окончила Уральский государственный университет имени А.М. Горького, факультет журналистики. Свою творческую деятельность начинала в Нижнетавдинской районной газете «Светлый путь». Основатель и редактор ряда региональных изданий ХМАО-Югры, в которых проработала 35 лет. Многочисленные публикации, исследования и изыскания опубликованы в научных, литературно-художественных, краеведческих изданиях Крыма, Тюмени, Одессы, Приднестровья.

Дипломант XII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь – 2021» в номинациях «Литературоведение» и «Публи-

цистика». Автор документальных книг «Жизнь как многообразие опыта» (2016), «Феодосия Серебряного века» (2017). Награждена общественной медалью РФ «За заслуги в культуре и искусстве».

ОМЕЛЬЧУК Анатолий Константинович. Русский писатель, автор 55 книг документальной прозы. По сценариям А. Омельчука снято около 300 документальных фильмов. Лауреат Большой литературной премии Союза писателей России. Почётный гражданин Тюменской области.

ПАЛАГИН Владимир Сергеевич. Родился в городе Чимкенте Республики Казахстан. В 2001 году переехал в Россию, в деревню в Тверской области. Окончил Тверскую медицинскую академию, лечебный факультет и ТвГУ, а также филологический факультет по специальности «Литературное творчество». Член Союза писателей России с 2017 года. Коммерческий сетевой автор с 2019 года. Печатался в различных газетах, альманахах, журналах, сборниках, в том числе международного уровня.

Автор трех поэтических книг. В 2020 году в издательстве «Эксмо» издан фантастический роман «Легенды Танайры. Герои, которых не было». Победитель Международного славянского конкурса коротких рассказов «Радость жизни!».

ПЕТРОВ Михаил Григорьевич (1938-2015). Известный русский писатель, литературный критик, журналист и публицист, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации. За свою земную жизнь он оставил нам книги, которыми рассказал о стране и о себе: «Цып и цып-цып» (1967), «Иван Иванович» (1983), «Сны золотые» (1985), «Затяжная весна» (1986), «На осеннем ветру» (1991), «На пустыре» (2000), «Отвергнутый камень» (2003), «Cancer и другие истории» (2009), «Жизнеописание Дмитрия Шелехова» (2010), «Вортеп о Вокичьлапе» (2012), «Вотчина или Отечество?» (2012), «Мост через бездну» (2014), «Ярчук» (2016).

Михаил Петров известен также как основатель и главный редактор литературно-художественного и историко-публицистического журнала «Русская провинция».

Михаил Петров – писатель-патриот русской провинции, до сих пор недооценен по достоинству.

Протоиерей Анатолий СИМОРА (Симора Анатолий Артемович). Родился в с. Залесцы Тернопольской области, что рядом с Почаевской Лаврой. Живет в г. Весьегонск Тверской области. Настоятель Иоанно-Предтеченской церкви города, благочинный Весьегонского округа. Рассказы, стихи публиковал в сборниках, журналах, газетах. Автор тринадцати художественных книг. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии им. В.Я. Шишкова. Награжден «Золотой Есенинской медалью», «Золотым дипломом» им. Николая Васильевича Гоголя, имеет другие литературные награды.

РАДАЕВА Светлана Андреевна. Окончила Ишимский пединститут им. П.П. Ершова, занимается литературным творчеством для детей, автор нескольких книг сказок. Была победителем областного конкурса

молодых авторов, участником семинара молодых писателей в Каменске-Уральском, стала дипломантом Международного конкурса творчества для детей и подростков им. П.П. Ершова, вошла в короткий список Всероссийского конкурса «Гипертекст», в котором принимали участие несколько тысяч авторов. Живет в Ишиме.

СОРОКАЛЕТОВ Александр Николаевич. Родился в 1950 году в г. Кривой Рог Днепропетровской области. Через 3 года родители переехали в Саратовскую область, рабочий пос. Хватовку Базарно-Карабулакского района, где прошли детские и юношеские годы автора.

После школы служил в армии, работал преподавателем и директором ГПТУ, был помощником депутата Госдумы РФ, с 2003 года полтора десятка лет занимался с трудными подростками в спецПТУ и детской воспитательной колонии. С июня 2018 г. председатель Совета ветеранов Ленинского района г. Тюмени.

СТАРШИНОВА Любовь Олеговна. Член Союза писателей России. Родилась в городе Кимры Тверской области, живёт в Твери. Выпускница филологического факультета Тверского государственного университета. Поэт, автор трёх книг стихов: «Двенадцать стихотворений», «Моя двадцатая весна», «Стоит жить». Руководитель литературного объединения «Рассветная звонница». Печаталась в журналах «Юность», «Дон», «Северо-Муйские огни», «Невский альманах», «Южное сияние», в сборниках и альманахах поэзии различных регионов России и ближнего зарубежья. Лауреат и дипломант всероссийских литературных фестивалей. Член жюри поэтических конкурсов, ведущая мастер-классов на Совецаниях молодых писателей России.

СТЕПАНОВ Алексей Игоревич. Родился в 1979 году в городе Ишиме Тюменской области. Окончил Ишимский государственный педагогический институт имени Петра Павловича Ершова. В школьной юности писал стихи на пионерские мероприятия, сценарии праздников и вечеров, шутки для школьного КВН. В студенческие годы возглавлял Молодежное движение при Комитете по молодежной политике города, где также писал сценарии выступлений на концертах и конкурсах для детей. Вернулся к творчеству в сорок лет, и первая же книжка – сказка «Два берега одного города» сразу была отмечена дипломом XVIII Международной литературной премии им. П.П. Ершова 2024 года.

СТРУЧКОВА Нина Николаевна. Родилась в деревне Погореловка Тамбовской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Работала в издательстве «Молодая гвардия», журнале «Очаг», в настоящее время – редактор журнала «Сельская новь». Автор трех поэтических книг, многочисленных публикаций в коллективных сборниках, альманахах, антологиях поэзии. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

СТРУКОВ Сергей Викторович. Родился в 1966 году в Курской области. В Твери прошло его детство. Служил в ВМФ на Северном и Балтийском флотах. 15 лет прожил в Сергиевом Посаде, что повлияло на его

мировоззрение. Выпускал «Тверскую литературную газету». Лауреат литературных премий им. И.С. Соколова-Микитова и премии им. П.П. Ершова за книги: «Притчи Радонежского леса» и «Антон – Львиное сердце». Член Союза писателей России. Живет в Твери.

ТКАЧЕНКО Людмила Николаевна (Мила Романова). Родилась в Киеве, окончила Тюменский государственный университет. Имеет три высших образования, практикующий психолог.

В своих книгах она обращает внимание читателей на базовые ценности нашей жизни, помогает каждому читателю понять что-то важное о себе.

Автор книг: «Аленка» шоколадка» (2015), «Маленький фараон» (2015), «Там, где живут облака» (2016), «Лучшему городу Земли посвящается» (2016), «Вера, Надежда, Любовь» (2017), «Выбор» (2017), «Манифестор» (2018) и других. Член Союза российских писателей. Живет в Тюмени.

ХМЕЛЁВ Виктор Михайлович. Родился в 1933 году в г. Тобольске. Подполковник милиции в отставке, литератор со стажем, до распада СССР – член литературного актива Тюменской писательской организации. Делегат первого съезда писателей детективного жанра в Баку.

Печатался в журналах «Советская милиция», «Дорога и мь», «Урал», «Уральский следопыт», сборниках «Разбудившие Землю», «Ода Тюмени». В настоящее время публикует в периодической печати очерки и рассказы. Увлечения: фотография, велосипед, настольный теннис. Своё семидесятилетие отметил велопробегом по маршруту Тюмень – Курган. В настоящее время проживает в г. Тюмени.

ЦУПРИКОВ Иван Валентинович. Родился в 1962 году в Крыму. В 1984 году получил диплом военного журналиста во Львовском высшем военно-политическом училище, в этом же году начал работать военкором в десантной дивизии, расположенной в Литве. В 1985 году служил в Афганистане. Награждён орденом Красной Звезды. В 2007 году в московском издательстве «Газоил пресс» вышла его первая книга «Афера». Он стал автором романа «История Кошщих Навей: агония демона», сборника охотничьих и рыбацких рассказов «Лых-хо», сборника рассказов об Афганистане «Укус Чёрной вдовы», повестей «В поисках палача», «Под крылом Чёрного ворона», «Последнее слово шамана», «Кремень», «Газотрасса», трилогии из трёх повестей «В маске Чёрного Файзуллы», политического детектива «Тень уходит последней». С 1989 года работает редактором корпоративной газеты «Транспорт газа» ООО «Газпром трансгаз Югорск». Член Союза писателей России. Живёт в городе Югорске ХМАО-Югры.

ШАГБАНОВА Хабиба Садыровна. Доктор филологических наук, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), заместитель директора института русского языка РУДН им. Патриса Лумумбы (Москва).

ШИРМАНОВ Игорь Александрович (Олег Яненагорский). Родился в 1959 году в г. Кургане. По окончании Свердловского юридического института (ныне – Уральская государственная юридическая академия) работал следователем, адвокатом, директором частной юридической фир-

мы, преподавал правовые дисциплины в Курганском государственном университете. С 2001 по 2007 год заведовал кафедрой юриспруденции в филиале Южно-Уральского государственного университета в г. Нижневартовске, был преподавателем Югорского государственного университета, советником председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В 2005-м в Ханты-Мансийске опубликован первый сборник его рассказов и миниатюр «Торговля смыслами», после чего выпущено еще несколько книг. Член Союза писателей России (2017). Председатель правления Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России. Живет в г. Ханты-Мансийске.

ЯГАФАРОВ Роберт Аликович. Родился в 1970 году, окончил Тюменский индустриальный институт (горный инженер) и современный гуманитарный институт (менеджмент). Писать рассказы начал несколько лет назад, выкладывает их в интернет. В 2016 году учился в школе Татьяны Толстой и Марии Голованивской «Хороший текст», участвовал в выездной литературной мастерской CWS Майи Кучерской «Город как текст» в Праге. Живет в Тюмени.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках:

портрет и картины Яна Боме

На обложке:

Ян Боме. «Ветхое». 1995. 84x85

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Главный редактор Гимпелевич Илона Станиславовна
тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 15.11.2024 г.

Дата выхода номера в свет 16.12.2024 г.

Формат 70x108 1/16 Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 2962. Цена свободная.

Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Созонов Владислав Юрьевич.

Корректор: Александрикова Александра Владимировна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а.л., поэзия – 5 а.л., публицистика – 3 а.л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.